

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

ИЗ ТУПИКА

Валентин Саввич Пикуль

Из тупика. Том 2

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26355335

Валентин Пикуль. Из тупика. Том 2: Вече; Москва; 2008

ISBN 978-5-4444-8879-9

Аннотация

В романе отражен сложный период отечественной истории, связанный с формированием Мурманской железной дороги и флотилии Северного Ледовитого океана, из которой позже родился героический Северный флот. Русский крейсер «Аскольд» начал боевую службу в Дарданелльской операции, а вошел в революцию кораблем Северной флотилии. Большая часть романа посвящена борьбе с иностранной интервенцией на Мурмане, в Архангельске, в Карелии.

За роман «Из тупика» Валентин Пикуль был удостоен литературной премии Министерства обороны СССР за 1987 год.

Содержание

Кровь на снегу	5
Очерк первый. Нашествие	5
Дорога четвертая	5
Глава первая	13
Глава вторая	32
Глава третья	51
Глава четвертая	66
Глава пятая	89
Глава шестая	110
Глава седьмая	126
Глава восьмая	149
Глава девятая	170
Глава десятая	186
Конец ознакомительного фрагмента.	190

Валентин Пикуль

Из тупика

Том 2

© Пикуль В. С., наследники, 2008

© ООО «Издательство «Вече», 2008

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Кровь на снегу

Книга вторая

Очерк первый. Нашествие

Дорога четвертая

Когда на Мурмане еще метет снегами, над Сингапуром — дожди, дожди, дожди. Сильные грозы беснуются над океаном. Вода с шумом оmyвает острые перья пальм-нипа; сочные китайские розы прячутся под листвою; мощные соцветия пурпурных рафлезий дрожат под энергичными струями.

Мутно все, и в желтых водах гавани колеблются огни грязных пароходов. Подвывая сиренами, мечутся за волноломами брандвахтенные миноносцы; усталые тральщики вытаскивают на простор коммуникаций свои громоздкие сети, — идет война под дождем.

А в номерах отеля воздух пропитан сыростью, гнилым камышом, крепким ромом; под потолком качаются опахла электроспанкеров, юрко бегают по стенам зелененькие ящерицы-гекконы. С большого парохода, зараженного чумой в доках Гонконга, сошел одинокий пассажир и надолго

застрял в отеле.

Дожди, дожди, дожди...

Пассажиру было скучно. Изредка он спускался в бар, выпивал дешевой банановой водки и, вытирая пот, снова запирался в номере. Человеку было лет сорок; щуплый, с длинными тонкими руками; у него был крупный череп с развитыми лобными костями и большой орлиный нос. На правой руке он носил перчатку – узкую, как тиски для пыток.

Изо дня в день слуга входил в его номер и накалывал на гвоздик очередной счет – за прожитое и съеденное нелюдимым человеком с чумного парохода.

– Чит, сэр! – объявлял он.

«Читы» росли, а человек чего-то ждал, никуда не уезжая...

Вокруг буйствовала дикая природа, но его ничто уже не удивляло. За свою жизнь он успел повидать всякого. И зной тропического океана в безветрие, и скрежет полярных льдов за бортом шхуны – все было ему знакомо. Этот человек, застрявший без денег в Сингапуре, умел перекрывать целые моря минами и совершал по снежным пустыням такие путешествия на собаках, какие не снились даже клондайкским бродягам.

Теперь же он, скромный британский офицер, едет на фронт в Месопотамии, где – по слухам – еще держится русская армия, загнанная в пески пустынь чудовищным потрясением мира.

Но вот однажды возле отеля остановился блестящий от дождя открытый «кадиллак», и в холл быстро вошел командующий английскими войсками генерал Ридуайт:

– У вас остановился русский адмирал Колчак?..

Да, этим одиноким человеком был адмирал Колчак. Он улыбнулся Ридуайту, чуть оскалив зубы. Но лицо адмирала, бледное и потное, осталось при этом безразличным (особая улыбка – улыбка настоящего джентльмена).

– Когда я вижу англичанина, – сказал Колчак Ридуайту, – мне всегда кажется, что он явился специально, чтобы сделать для меня нечто приятное.

Ридуайт мельком глянул на наколку с «чита́ми», которые трепетно шевелились под веянием спанкеров.

– И мы это сделаем, адмирал! – ответил он. – Англия высоко ценит ваши заслуги. Вам удалось свершить то, чего не мог сделать даже такой резвый бульдог, как наш адмирал Бити: вы вцепились в ляжку немецкого «Гебена» очень хорошо, и зубов уже не разжимали...

– Не совсем так, – возразил Колчак. – Большевики заставили меня разжать зубы. Мертвая хватка не удалась!

– Она удастся в другом, – утешил его Ридуайт. – На этот раз, адмирал, в ваше путешествие вмешалось авторитетное Интеллидженс департамент. Прочтите...

Телеграмма требовала возвращения Колчака в Пекин, где он был проездом, на пути из Америки.

Колчак был очень выдержанным человеком, но иногда он

взрывался – дико, неумно, буйно.

– Я не понимаю! – заорал он на Ридуайта. – Я адмирал великой России и был командующим громадного флота. Я не просил у англичан даже звания мичмана, чтобы командовать жалким британским тральщиком! И теперь, когда я истратил все свои деньги на место в скверной каюте до Бомбея, в дурном воздухе и в дурном обществе, – теперь вы меня, словно пешку, передвигаете по карте земного шара...

Ридуайт спокойно снял с накладки пачку «читов», надорвал ее – как уже оплаченную.

– Адмирал! Англия ценит ваше желание служить под флагом его величества, но под старым флагом России вы будете нужнее.

– Кому я обязан за это? Лордам вашего адмиралтейства?

– Князю Кудашеву, и адмиралтейство поддерживает в этом случае русского посла в Китае... Итак, адмирал, – Пекин!

...Перед русским посольством в Пекине – открытый глясис, словно перед фортом, чтобы из окон здания простреливать в глубину все улицы квартала. Князь Кудашев, еще царский посол в Пекине, смигнул с носа стеклышко монокля:

– О! Вот и вы, адмирал... Прошу!

Колчак цепкими пальцами взял из ящика сигару, злобно откусил кончик ее и сплюнул прямо на ковер.

– Вы что же думаете, посол? Со мною теперь можно делать все что угодно? Я уже был далеко от России...

Кудашев слегка улыбнулся. Аккуратные руки аристократа плавно опустились на стол.

– Александр Васильевич, этого требуют интересы родины.

– Но у меня теперь нет родины! И я давно примирился с этим.

– Ее надобно возродить... отсюда, с Востока, – маршем через Урал на Москву! Что вам далась эта Месопотамия? Да там уж вряд ли кто остался из русских. Все ведь разбежались, едва Ленин пришел к власти. А здесь, из окон моего посольства, разве не видятся вам башни Кремля?..

Колчак сложил на груди руки, совсем утонул в глубине кресла; маленькая проплешина отсвечивала на солнце, как новенький империал.

– Я чувствую, – сказал он потом, – что вопрос уже решен?

– Решен, адмирал. Дальний Восток станет базой для дальнейшего продвижения в глубину несчастной России. Вам предстоит утвердить в Сибири основы истинной демократии, и...

– Средства? – кратко спросил Колчак, перебивая посла.

– Для начала у вас на откупе полоса отчуждения КВЖД.

– Собирать выручку билетных касс? Этого мало...

– Японцы, – раздумчиво сказал князь Кудашев, – американцы (у них отличная обувь), наконец, те же англичане... Артиллерия из Канады – самая превосходная! Шестнадцать тысяч чехов уже во Владивостоке. Вы понимаете, адмирал, какая гигантская дуга опоясывает большевистскую Москву?

Не говоря уже о французах, которые на юге поддерживают Деникина... Нужен только блестящий организатор, и союзники единогласно сошлись на мнении, что лучше вас никого нет... Итак, адмирал, – Харбин!

...За низкими мазанками тянулось марево пшеничных хлебов, дымили трубы депо и текла желтая медленная река. Кричал петух, и полоскали белье бабы... Что это? Ростов-на-Дону или, может, Новочеркасск? И не сам ли тихий Дон уплывает сейчас в хлеба?

Нет, читатель, это – Харбин, и желтая Сунгари, что бросается на равнины с хребтов Сихотэ-Алиня, отдает свои воды в величественный Амур... До чего же страшен город Харбин: притоны, подворотни, переулки, фонари, аптеки, вывеска врача-венеролога. А в воротах подозрительный щелчок – кто-то зарядил пистолет для убийства. Мальчишки в коммерческом училище курят по углам гашиш, девочки-гимназистки хихикают над «Половым вопросом» знаменитого немца Фореля.

В этом темном мире уже плавал, словно рыба в воде, атаман Семенов в окружении самураев. Город нечистот души и тела был отправной точкой для адмирала Колчака. Из Франции, на подмогу адмиралу, прибыл знаменитый финансист Путилов, прикатил туда и Гойер – глава Русско-Азиатского банка...

Японский генерал Накасима ласково улыбался адмиралу: – Мы дадим вам оружие, но... Какие пространственные

компенсации можете вы предоставить нам за это?

Колчак был сдержан и притворился, что не понял вопроса. Он был сторонником «единой и неделимой». Но японцы как раз не желали иметь у себя под боком сильную русскую армию, к организации которой приступил адмирал. Они хотели, чтобы только японская армия была в Сибири, и науськивали атамана Семенова против Колчака. Ядовитая ханжа, дымчатый опиум, больные проститутки – все было брошено японцами в дело, чтобы разложить первые отряды Колчака...

Адмирал отплыл в Японию, чтобы пожаловаться на японцев русскому послу в Токио – Крупенскому.

Крупенский ему сказал:

– Не надо было вам, адмирал, так круто ставить себя в независимое от Японии положение.

– Самурай для меня – не джентльмен! – ответил Колчак. – Я должен повидать самого Ихару.

Начальник японского генштаба Ихара долго кланялся русскому адмиралу, крупные зубы его были обнажены в усердной улыбке.

– Адмиралу надо отдохнуть. Адмирал наш приятный гость...

Фактически это был арест Колчака: печальный домик в горах, певучий звон ручьев по ночам. К адмиралу приставили молоденькую японку с сонным взглядом печальных глаз. Она приходила по утрам и, сняв туфли, долго кланялась ад-

миралу, замирая в поклоне на шуршащей циновке; разливала чай и подавала халат; когда Колчак мылся в ванной, она терла ему лопатки и потом сама залезала в горячую воду... Колчак смотрел на ее тугое желтое тело, ловил взгляд сонных глаз и думал: «Шпионка... Любопытно, сколько ей платит генерал Ихара за все это?»

Здесь, в горах, его нашел британский генерал Нокс, заверивший адмирала, что формирование армии возможно лишь под наблюдением английских организаций. Колчак согласился: джентльмены – не самураи.

За спиною Колчака встала и Америка: адмирал был выгоден ей, ибо он являлся врагом и большевизма и японцев! Колчак выехал в Омск, и его стали выдвигать на пост все-российского диктатора. Но это случилось позже...

А сейчас, в лето 1918 года, Англия бережно подбирала на задворках войны каждого русского. Одевала, кормила, лелеяла. Их готовили к тому, чтобы швырнуть на этот гигантский фронт, что на тысячи беспросветных миль протянется через Россию – от Владивостока до Мурманска, и оба эти направления сомкнет рыжебородый князь Вяземский, уничтоживший Советы на далекой Печоре.

Именно туда, на Печору, чтобы подкрепить князя Вяземского, генерал Звегинцев из Мурманска бросил караваны кораблей, груженные отрядами чехов и сербов...

Задумано все было прекрасно!

Глава первая

Если птицей взмыть в заоблачное поднебесье, то увидишь со страшной высоты, как бежит от Вологды к западу узенькая ленточка рельсов – на Петроград; в глухомани дебрей совсем затерялась дорога к северу – на Архангельск; через веселые костромские леса тянется к югу дорога на Ярославль, откуда уже и Москва – рукой подать; а на восток от Вологды стынут рельсы под талым снегом – на Вятку, на Пермь, на Екатеринбург, а там уже Урал, там и Сибирь-матушка – величественная.

Вологда – подвздошина русского севера. Ударь сюда кулаком, и северная боль сразу отзовется в Москве, а вслед за Москвою пошатнется и вся Россия, – вот что такое Вологда!

А если птицей, сложив соколино крылья, рухнуть с высоты прямо над Вологдой, то увидишь, как над крышею одного дома плещутся флаги различных стран. Рано еще, и по улицам, крытым булыжником, не спеша прогуливается после завтрака дипломатический корпус... Честь имею, господа дипломаты!

Суровый дуайен, американский посол Френсис, беседует с Жозефом Нулансом, послом Франции. Английский атташе Гилезби нежно держит под локоток сербского посланника майора Спалайковича. Итальянский маркиз Торретта что-то очень веселое рассказывает японскому посланнику Ма-

румо. Стройный и элегантный, выступает за ними бразильский поверенный Де Вианна-Кельч. А позади всех, с извечным оскалом желтых зубов, поспешает китайский дипломат Чен Гиен-чи... Все уже в сборе.

Может, пора начинать? Да, кажется, пришло время...

– С чего начинать? – волнуется Нуланс. – Сначала Мурман, потом Архангельск. Но тут еще... Ярославль! Наконец, Котлас ничуть не менее важно, ибо там собраны миллионные запасы вооружения для резерва армии – еще старой, царской!

А мимо дипломатов пробегают на вокзал мешочники.

– Эй, Павлуха! Ты куда... до Архангельску?

– Оно бы и ништо, да вот закавыка... в Котласе-то, говорят...

– А может, паря, рванем сразу на Ярославль?

– Кто куда, а я – в Архангельск! Может, даст боженька, и разживусь... хоть рыбкой бы! А то совсем пропадаем...

Конечно, мешочники не дипломаты – им гораздо легче.

Архангельск – город мещанский. Здесь любят часы с кушковой, пасхальные яйца на комодах и живучие фуксии на подоконниках. Нерушимо стоят древние лабазы, пасутся в переулках козы, и дощатые мостки приятно пружинят под ногами прохожих. В чистенькой Немецкой слободе, как и в

портовой Соломбале, газоны и клумбочки украшены глазированными шарами. За узорными занавесками окон таится мир паровозных контор и щелкают (еще со времен Петра Первого) купеческие счеты.

Когда Павлухин появился в Архангельске, городом управляла городская дума, а под боком у этой думы, совсем незаметные, пристроились совдеп и губисполком. Всюду висели старые золоченые вывески. Священники еще получали жалованье, в гимназиях преподавался закон божий, и рьяно трудились всевозможные общества: «Борьба с дороговизной», «Союз мелких торговцев», «Общество северного луча». Газеты выходили только антисоветские: «Наше дело» (эсеров) и «Северный луч» (меньшевиков)...

Положение же Павлухина было сейчас таково: он состоял при войсках северной завесы. Но эта «завеса» существовала лишь на бумаге, а войск не было. Некоторые из архангельских рабочих (как правило, дезертиры из царской армии) в Красную Армию тоже не спешили записываться – пока они больше присматривались ко всему с недоверием...

Штаб Беломорского военного округа находился в здании бывшей гимназии. Огромный актовый зал был заставлен партами, а парты были завалены картами – «зеленками». Сидел там внушительный здоровяк – царский генерал Алексей Алексеевич Самойлов – и мрачно ругался. Это был очень опытный штабист и тайный разведчик прошлой России, кавалер двадцати двух орденов. По вечерам к нему приходила

молоденькая жена с двумя девочками, генерал убирал свои «зеленки» и со всей семьей гулял по прохладной набережной.

Павлухину однажды удалось услышать, как генерал Самойлов (из Архангельска) беседовал по прямому проводу с генералом Звегинцевым (в Мурманске). Это навело матроса на мысль, что здесь дело нечистое: эти два генерала могут сделать «короткое замыкание» в длинной цепи Архангельск – Мурманск. О своих подозрениях Павлухин стал высказываться повсюду открыто. «Контра, – говорил он своим новым друзьям Мише Боеву и Теснанову. – Уж каков генерал Звегинцев, я еще по Мурману знаю. Да и этот, видать, хорош, гусь лапчатый...»

Случайно они встретились в пустом зале гимназии, и толстый, багровый от полнокровия генерал Самойлов медленно вылез с «камчатки» – из-за парты.

– Попался... щенок! – сказал он Павлухину. – Какое ты имеешь право болтать своим поганым языком про меня по Архангельску? Кто ты такой, чтобы подвергать сомнению мою честность? Честность русского офицера?.. Сопляк! Убирайся отсюда!

Это было так сильно сказано, что Павлухин не нашел что ответить. Но еще больший нагоняй аскольдовец получил от Павлина Виноградова.

– Павлухин, – сказал Виноградов спокойно, – в честности бывшего генерала Самойлова Советская власть не сомнева-

ется. Именно этот генерал, как военный эксперт, помог нашей партии при заключении Брестского мира с немцами. И если ты еще раз назовешь этого человека «контрой», то вылетишь из Архангельска, как весенняя ласточка...

Потом, как ни странно, Павлухин даже сошелся с генералом Самойловым. Сообща они двигали парты, листали подозрительные «зеленки», беседовали о разном, и эти разговоры немало дали Павлухину...

– Алексей Алексеевич, – спросил как-то матрос, – разрешите я задам вам один вопрос. Может, и глупый вопрос. Человек вы, видать, горячий – как бы в ухо не врезали.

– Даже самый глупый – выслушаю... Давай!

– Вот как это объяснить? Вы – генерал. При царе только черта лысого не имели... И вдруг перешли на нашу сторону. Так?

– Верно. Перешел, – согласился Самойлов с улыбкой.

– Вот этого я и не понимаю, – сказал Павлухин.

– Чего не понимаешь?

– Да вот этого... Почему перешли? Искренно ли?

Самойлов вобрал большую голову в толстые плечи, шея его, красная, как бурак, сложилась в трехрядку.

– Переходят к большевикам, – ответил не сразу, крикнув, – только те, кто понимает, что над Россией нависла смертельная опасность. Не скрою, Павлухин, этот переход дается нелегко и совершается во имя отечества! На стороне большевиков нам не будет громких чинов, наград, подъ-

емных, квартирных и прочих благ. Тут есть одно: желание служить родине. Но, к сожалению, понятие о родине разно укладывается в головах. Вот и генерал Звегинцев, например! Я ведь его хорошо знал прежде. Он звонит мне с Мурманска... Я жду, Павлухин! Жду опять разговора со Звегинцевым, у которого, мой дорогой, совсем иные представления о нашем отечестве.

И, помолчав, Самойлов неожиданно спросил:

– Ты охотник?

– Нет.

– Я тоже не охотник... Собирайся на охоту, Павлухин!

Зарядили два дробовика. Конечно же, никого не убили. Но честно ползали по раскисшим снегам, среди болот и ко-чек. От станции Исакогорка пешком прошли лесами до Никольского монастыря, где уже виднелось за Яграми море и где набрали лукошко клюквы – ядреной, ледяной, подснежной. А когда «охота» закончилась, генерал Самойлов сказал:

– Хорошая была... рекогносцировка! Готовься, Павлухин: скоро заварится здесь фронтуха... Ай-ай, какая гиблая будет фронтуха! Ни дорог, ни связи – просто караул кричи. Только одна магистраль, только течение Двины: две нитки, протянутые внутрь России. И никто не знает, когда все это начнется... Русскому солдату, Павлухин, пожалуй, впервые предстоит воевать в таких условиях. Кампания восьмьсот девятого года в счет не берется, ибо там условия были все-таки иными...

Над Северной флотилией начальствовал в Архангельске «красный адмирал» Виккорст: поджарый и легкий на ногу старец, славный мордобоец в прошлом, когда еще командовал на Балтике бригадою линейных кораблей. Виккорст был выхолен в адмиральских салонах дредноутов: чтобы ему свежие булочки к утреннему чаю, чтобы вестовой матрос побрил его к подъему флага, чтобы пели торжественные фанфары, когда он отвалит от борта на катере.

Теперь всего этого не было. «Красному адмиралу» дали комнатенку в Соломбале, он занимал очередь в парикмахерской, чтобы побриться хоть раз в неделю, завтрак и обед проходили у него в общей столовой полуэкипажа, и только ужин Виккорст позволял себе в ресторане «У Лавалья». И не линкоры выстраивались теперь в кильватер по одному лишь движению бровей адмирала Виккорста – нет, собирались на митинги галдящие и растерзанные команды ледоколов, буксиров, посыльных судов и тральщиков. Впрочем, в дела митингов Виккорст разумно не вмешивался. Ему приносили бумагу и говорили:

– Завтра на Якорной и Соломбале митинг.

– Пожалуйста. – И адмирал подписывал: быть по сему...

Один из таких митингов остался памятен Павлухину на всю жизнь... Митинг, организованный Целедфлотом, проходил, как всегда, на площади перед полуэкипажем Соломбалы, – здесь тянуло ветром морских просторов, вихрились ленты матросских бескозырок, а из-за стен экипажа, что по-

коятся в старинной кирпичной кладке, волнуяще вырастали мачты кораблей и тревожно вспыхивали огни сигнальных клотиков...

Тема митинга была провокационной, ее подпихнули в Целедфлот агенты Антанты: «Какой ориентации держаться? Германской, с большевиками заодно? Или... идти заодно с союзниками?»

Павлухин так и начал свою речь.

– Это провокация! – сказал он. – Какая паскуда посмела нам, советским морякам, предлагать на обсуждение эту темочку? Неужели мы, моряки флотилии Северного Ледовитого океана, должны выбирать себе батьку-кормильца между Вильгельмом Вторым и Георгом Пятым? У нас есть одно сейчас знамя – это Ленин! И пока нам хватит, братишки... Кончай вихляться!

Ему хлопали. Но Павлухин по собственному опыту знал, что аплодисментам в 1918 году верить нельзя. Этот проклятый шурум-бурум в задуренных башках, эта сумятица бестолковых мнений, памятная гальванеру еще по митингам на «Чесме», – все это сказывалось сейчас и здесь, в Архангельске: кренило митинг, шатало и болтало, как в качку. Договорились братишечки до абсурда: послать приветствие германскому послу в Москве – барону Мирбаху. И снова – хлопали! Конечно, хлопали! Люди посознательнее да поумнее просто уходили с митинга, как уходят трезвые из пьяной компании. Радист с бригады тральщиков большевик Иванов тоже тянул

Павлухина прочь.

– Пойдем! – плевался. – Разве ж это люди собрались?..

Но тут на ящик из-под чая, заменявший трибуну, вскочил один матрос, скомкал в кулаке бескозырку и закричал – неистово:

– Полундра, братишки! Доколе нас обманывать будут? Кой там хрен Мирбах? Пиши ему, как запорожцы султану турецкому писали. А кто мне скажет: чем большаки флотилию кормить станут? У них в России давно собак съели, каждый с себя блох ловит да с того кормится... Разве не так?

– Так, – ответили. – Так-растак, и трухай дальше!

Павлухин впился взглядом в лицо говорившего матроса. Что-то очень знакомое было в его разухабистости. Головой и локтями, срывая с бушлатов орленые пуговицы, Павлухин продирался ближе...

– Мурманск-то... в порядочке? – говорил матрос, дергаясь, а ящик под ним: скрип-скрип, скрип-скрип. – Было три дня постных в неделю. Пришли союзники – жри не хочу. А сколько голодных бунтов потрясли губернию? Сколько восстаний в Вологде было? Нет, нам глаза не замажешь... Что несет большевизм народу, кроме ярма бесправия и голода?

Наступила тишина, и только скрипел ящик под оратором.

– Долой Мирбаха! – выкрикнул матрос злобно. – Убить его, как собаку поганую! Долой и тайных его агентов и послушников – большевиков! Мы, моряки Ледовитой флотилии, не признаем власти предательского Совнаркома...

Этого оратора отодвинул в сторону поручик Дрейер, и матрос сразу затерся в толпе, словно его и не было. И тогда заговорил Дрейер, и никто не прерывал штурмана, ибо ему верили.

— У российского пролетариата вообще, у военморov севера в частности, ориентация одна — это социальная революция и героическая борьба против всех империалистов, какую бы форму они ни носили. И никакого союза у рабочих, крестьян, солдат и матросов Советской России не может быть, — отчеканил Дрейер, — ни с императором Вильгельмом Вторым, ни с королем Георгом Пятым... Кто посмеет сомневаться в этом — тот предатель! Я больше ничего не могу добавить. Но каждый, кто осмелится выступить против, тот может сразу, здесь же, снять форму русского военмора!

После митинга Павлухин еще долго «тралил» в толпе, выискивая того говоруна, очень знакомого. И когда разредило матросню, спешившую по кораблям и камбузам экипажа, тогда он запеленговал провокатора — по походке, по клешам, по тому, как сплевывал тот, лихо цыкая... Павлухин нагнал его на речном трамвае, который неторопко курсировал по Кузнечихе — между Соломбалой и городом. Рассыпалась братва от набережной по пивным шалманам да по бабам-марухам.

Сунув руки в карманы бушлата, Павлухин быстро нагнал...

Нагнал!

— Стой, приятель... — сказал, забегая вперед.

Матрос повернулся, и Павлухин сразу узнал его. Лицо приятное и открытое, а серые глаза смотрят пристально, и зрачки слегка рыжеватые.

– Меня ищешь? – спросил он Павлухина, не волнуясь.

– Эге... тебя, суку! Не ты ли еще в Мурманске меня подначивал, чтобы мы, аскольдовские, адмирала Ветлинского доской прикрыли? Теперь здесь подначиваешь?..

– Так что? – спросил тот и огляделся по сторонам – пусто.

Павлухин вытянул руку, в жестких пальцах аскольдовца винтом закрутилась тельняшка на груди незнакомца.

– Ты кто такой? – спросил его Павлухин.

– Разве не видишь? Свой парень я... в доску!

Павлухин для начала треснул его в глаз.

Но страшная боль тут же обрушила аскольдовца на мостки. Рухнул как подкошенный. Затылком – в доски – хрясь! А когда очнулся – никого. Встал. Схватился за изгородь палисада. Плыла перед ним Двина, рушились дома, ходуном ходили заборы, падали деревья, все цвело в россыпях радуги... Вот это был удар!

Кавторанг Георгий Еромолаевич Чаплин послушал, как стучат. На всякий случай сунул в карман пиджака браунинг и спросил:

– Кто?

– Мистер Томсон, откройте, – раздался голос.

Лейтенант Уилки еще в дверях сорвал бескозырку, швырнул ее от себя – и она тарелочкой закатилась под диван. Молча потянул через голову тесную синюю форменку. Отстегнул клапан, и широкие клеши упали к его ногам, как женская юбка.

– Кажется, – сказал, – у меня будет синяк под глазом. У меня нежная кожа, и синяки долго держатся...

Открыв шкаф, Уилки быстро переодевался. Прямо поверх тельняшки надевал пластроновую сорочку. Вдел запонки в манжеты и только тогда успокоился.

– Это не так-то просто, – сказал Уилки. – К сожалению, настроение матросов здесь все-таки иное, нежели в Мурманске.

– Ты говорил на митинге? – спросил его Чаплин.

– Да. Но моя речь провалилась, словно слепой мул в глубокий колодец. На флотилии существует некий поручик Дрейер. Флотский экипаж и команды кораблей к его голосу прислушиваются.

Чаплин водрузил на лысину цилиндр, взмахнул тросточкой.

– Пошли, – сказал. – «У Лаваля» поговорим...

В ресторане «У Лаваля» они заняли угловой столик. Здесь голода губернии не ощущалось, только цены были высоки непомерно. Расплачивался за все Уилки; он сидел спиной к публике, а обо всем примечательном докладывал ему Том-

сон-Чаплин.

— Адмирал здесь, — подсказал Чаплин. — Нас ждет какая-то новость!

Официант ресторана, закупленный разведкой Германии в 1913 году и перекупленный в 1915 году разведкой Англии, перенял карту-меню от «красного адмирала» Виккорста, с поклоном развернул ее перед новыми гостями.

— Есть семга свежего улова, — сказал он интимным голосом, взлягивая при этом ногою, будто борзой конь.

Ловкие пальцы Уилки извлекли из-под карточки меню записку от Виккорста: «Сюда выезжает из Центра советская ревизия видного ленинца Михаила Кедрова, чтобы утвердить в Архангельске Советскую власть. Мы опоздали! Подробности потом».

— Вы хуже американцев, — разволновался Чаплин, — вас, англичан, не дождешься. Теперь все гораздо сложнее. Советы придется свергать.

— Чего ты боишься? — ответил Уилки. — Адмиралу Виккорсту гораздо труднее.

— Адмирал пришвартовался к Советской власти. А — я? Мне надоело это мотание по теплушкам между Петроградом, Вологдой и Архангельском. Я создал для вас организацию, которую вы боитесь пустить в дело... Одни офицеры! Люди с богатым опытом! Дело только за вами: когда же, черт побери, вы соберетесь двинуть сюда эскадру? Вы закисло на Мурманском рейде, только пережигаете уголь...

Уилки ругань не трогала. Взяв бутылку из рук лакея, он наклонил ее над бокалом кавторанга, сердито сопевшего.

– Нас задерживают... – сказал, когда лакей удалился.

– Кто?

– Борис Савинков, – с ледяным спокойствием пояснил Уилки. – Пойми наконец, мы не можем просто так, если ты поманишь мизинчиком, высадить с моря свои десанты.

– Но именно здесь, – ответил кавторанг Чаплин, – большевик Кедров установит Советскую власть, и тогда...

– Правительство, – перебил его Уилки, – будет создано в Архангельске за одну ночь вполне демократическое, и нам нужно, чтобы это правительство призвало нас в Архангельск, прося о защите от Советской власти и от твоего товарища Кедрова... Ну кто такой кавторанг Чаплин? – засмеялся Уилки. – Да еще живущий под чужим именем?

– С эсерами лучше не связываться, – хмуро заметил Георгий Ермолаевич. – С ними потом возни не оберешься... Даже большевики хлебают от них огорчений полной ложкой! Что они там у вас копаются? Заставьте их работать.

– Савинкову, – ответил Уилки, – сейчас взбрела дурь в голову: он ждет сигнала, когда мы высадимся в Архангельске, чтобы начать мятеж в Ярославле. А мы ему не верим: эсеры уже не раз деньги брали и нас обманывали... Пусть они начнут сначала мятеж в Ярославле, тогда мы придем сюда с Мурманского рейда.

– Вы... жулики тоже! – неожиданно сказал Чаплин. – Вы,

британцы, честны только в денежных расчетах. Но там, где дело касается слова, вы его никогда не держите.

Уилки не обиделся.

— Чья бы корова мычала, но твоя бы молчала, — ответил он хорошей русской поговоркой. — Не будем спорить. Не решен еще один вопрос — с генералом Самойловым: или Звегинцеву удастся уговорить его, или... генерал Самойлов останется верен новому режиму, и тогда он выстроит прочную оборону на нашем фарватере. И эскадра застрянет за баром...

Покончив с ужином, мимо них проследовал адмирал Викторст, и Чаплин кивнул ему в спину.

— Кому, как не ему, — сказал, — руководить минными постановками? Что вас страшит? Точная карта минных заграждений будет на столе адмирала Кэмпена раньше, нежели мины полетят за борт на мудьюгском фарватере...

Прямо из ресторана Уилки отправился на пристань, чтобы возвратиться в Мурманск, а кавторанг Чаплин вышел на двинскую набережную. Вечерело над городом, и возле изгороди, глядя в темную воду реки, стоял человек, которому вскоре суждено стать губернатором этого города, что зажигал сейчас в домах уютные огни к чаепитию.

Это был французский полковник Доноп, и на отвороте его сюртука посверкивал жетон лейб-гвардии Драгунского полка.

— Вы не слишком-то доверяйтесь англичанам, — сказал Доноп на сносном русском языке. — Весь узел сейчас завязан

нами в Вологде. Архангельск только младший брат Вологды. Если падет Вологда, настанет очередь за Ярославлем, тогда и англичане рискнут прийти сюда... Вы не слишком-то им доверяйтесь!

– Вологда, – задумался Чаплин-Томсон. – Опять эта Вологда! Как мне надоело, полковник, туда таскаться... Доброй ночи, полковник!

Ах ты, сукин сын, камаринский мужик,
Ты зачем, скажи, по улице бежишь?..

Мужик не камаринский, а вологодский бежал с мешком по улице, чтобы взять с бою вагон на вокзале и ехать куда глаза глядят в поисках хлеба насущного. Вологду одолели мешочники. Ставить их к стенке как спекулянтов и врагов революции было нельзя: честный пролетарий, не в силах видеть своих голодных детей, тоже брал мешок, тоже виснул на подножке вагона и ехал, развозя по голодной стране весть о голоде в Вологде...

А над нищим городом, выплывая через окна Учительского института, ревела из трубы граммофона музыка:

Двадцать девять дней бывает в феврале,

В день последний спят Касьяны на земле;
В этот день для них зеленое вино
Уж особенно пьяно, пьяно, пьяно...

В большой зал института, застланный коврами из дома последнего губернатора, вошел секретарь миссии и доложил:
– Прибыл большевистский комиссар мистер Самокин!
– Простите, – сказал посол. – И, пожалуйста, выключите...

Яркая труба граммофона проревела напоследок в пыль улиц:

Именинника поздравить мы не прочь,
Но куму мою напрасно не порочь.
А кума кричит:
– Ударь его, ударь!
Засвети ему под глазом ты фонарь...

С другого конца зала появился Самокин. Никто бы теперь не узнал бывшего шифровального кондуктора с крейсера «Аскольд». В ладном костюме (пошитом еще в Тулоне), манжеты с запонками (из японской яшмы), аккуратный галстук (купленный в Девон-порте), – Самокин выглядел очень представительно, как и следовало выглядеть человеку, которому предстоят визиты... Высокие визиты!

Американский посол Френсис поднялся навстречу.

Со стороны губисполкома донеслись отчаянные выкрики:

– Хлиба! Когда хлиба дадите, яти вас всех? Чтоб она передохла, эта проклятая власть...

Секретарь миссии, очень ловкий малый, тут же перевел послу смысл этих воплей. Френсис протянул руку – Самокин пожал ее.

– Мы дадим вам хлеб, – сказал посол. – Сколько нужно для Вологды? Три парохода? Пять? Десять? Америка богата.

– Подобные вопросы, господин посол, решаю не я, – отвечал Самокин. – При губисполкоме работает продотдел, которым руководит товарищ Шалва Элиава. Но я, от себя лично, выражаю благодарность Красному Кресту вашей страны за его желание поделиться с Вологодой хлебом...

Не это было главное, ради чего пришел сюда сегодня Самокин.

– Я обращаюсь к вам, – говорил Самокин, – как к старшине дипломатического корпуса, – корпуса, который, не имея на то никакого согласия Советской власти, избрал своим местопребыванием этот старинный, но весьма захудалый город. Как видите, – учтиво произносил Самокин, – губисполком относится к вам превосходно. Самая лучшая посуда, самые пушистые ковры, самая удобная мебель – все, что нашли в губернии, мы с радостью передали вам. Но (и Самокин разгладил старомодные усы) не будем скрывать от вас: обстановка в Вологде сейчас такова, что губисполком не может считать пребывание дипкорпуса здесь безопасным. Наше правительство опять настаивает на переезде господ дипломатов

дружественных нам стран в Москву!

Френсис широко повел рукою навстречу входившему в зал послу Франции – Жозефу Нулансу:

– Вот и мой коллега и сосед по дому...

Как и следовало ожидать, Нуланс сразу резко вмешался в беседу.

– Пребывание наше в Москве, – заговорил он вежливо, но едко, – более опасно для нас, представителей стран доброго согласия, ибо в Москве сейчас находится германский посол барон Мирбах, и весь мир знает, что именно Мирбах управляет вашим правительством. Мы имеем точные сведения, что в Москву уже введены германские войска...

– Это правда? – спросил Френсис, обратясь к Самокину.

Самокин ответил – как можно спокойнее:

– Я удивлен. Кто-то умышленно и чудовищно искажает действительность; кому-то очень выгодно, чтобы дипломаты единого блока находились именно в Вологде... Господа, – спросил Самокин сдержанно, – мне кажется, вы аккредитованы при Советском правительстве?

Отчетливый кивок голов – и Френсиса и Нуланса.

– Но получается так, что вы сами себя аккредитовали при нашем Вологодском губисполкоме. Конечно, губисполком высоко ценит это доверие. Но вся беда в том, что мы, увы, никак не можем представлять всю Россию... Правительство наше в Москве, господа, и в Вологду вслед за вами не поедет. И вот еще раз повторяю (Самокин внутренне усмехнул-

ся: «Сколько можно повторять?»): когда вы будете в Москве, которой немцы ни в коей степени не угрожают, никакие интриги не коснутся вас. Ваше дальнейшее пребывание здесь уже невозможно. На нас – скромных работников губернии – лежит международная ответственность, и нести ее мы, поглощенные своими внутренними делами, далее уже просто не в силах... Извините, господа!

Центр снова и снова напоминал Вологде, чтобы партийные работники на местах проявили максимум внимания к дипкорпусу. Чтобы вели себя в высшей степени корректно. Чтобы никаких поводов для дипломатических осложнений. Чтобы самый любезный тон с послами...

Поздней ночью мимо Вологды прогрехотал поезд, уходящий дальше – на север: это ехала укреплять Советскую власть в Архангельске «Советская ревизия народного комиссара М. С. Кедрова».

Глава вторая

«Кажется, началось», – подумал Женька Вальронд.
– Мишель, – доложил он, – только что получена архисекретная телеграмма из Москвы...
– О чём? – спросил Басалаго, сладко потягиваясь.

– Прочти лучше сам. Она подписана уже не Троцким, а господином Чичериным.

Вот что было сказано в этой секретной телеграмме:

НИКАКАЯ МЕСТНАЯ СОВЕТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕ ДОЛЖНА ОБРАЩАТЬСЯ ЗА ПОМОЩЬЮ К ОДНОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОАЛИЦИИ ПРОТИВ ДРУГОЙ. В СЛУЧАЕ НАСТУПЛЕНИЯ ГЕРМАНЦЕВ ИЛИ ИХ СОЮЗНИКОВ БУДЕМ ПРОТЕСТОВАТЬ И ПО МЕРЕ СИЛ БОРОТЬСЯ. ТАКЖЕ ПРОТЕСТУЕМ ПРОТИВ ПРЕБЫВАНИЯ В МУРМАНСКЕ АНГЛИЧАН. ВВИДУ ОБЩЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ОБРАЩЕНИЕ ЗА ПОМОЩЬЮ К АНГЛИЧАНАМ СОВЕРШЕННО НЕДОПУСТИМО. ПРОТИВ ТАКОЙ ПОЛИТИКИ НАДО БОРОТЬСЯ САМЫМ РЕШИТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ. ВОЗМОЖНО, ЧТО АНГЛИЧАНЕ САМИ БУДУТ БОРОТЬСЯ ПРОТИВ НАСТУПАЮЩИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ, НО МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ВЫСТУПАТЬ КАК ИХ СОЮЗНИКИ И ПРОТИВ ИХ ДЕЙСТВИЙ НА НАШЕЙ ТЕРРИТОРИИ БУДЕМ ПРОТЕСТОВАТЬ.

ЧИЧЕРИН.

– Что скажешь, Мишель? – спросил Вальронд.

– Что скажет адмирал Кэмпен? – ответил Басалаго.

– Но ведь... Это же разглашение тайны государства!

– Где ты видишь в России государство? Ты просто глуп,

Женечка, и скажи – когда поумнеешь?

Вальронд ответил ему:

– Скоро, Мишель. Скоро я, на радость тебе, стану совсем умным. Вроде новоявленного мурманского Спинозы или Се-неки!

Это было сказано со злостью. Но что мог поделывать мичман Вальронд? Конечно же, секретная телеграмма Чичерина попала на стол адмиральского салона Кэмпена... А после ужина, когда в кают-компании «Глории» притушили огни, адмирал Кэмпен вдруг появился возле камина.

– Флаг-офицер! – позвал он, и Женька вскочил. – С сего дня, пожалуйста, не оставляйте вниманием Юрьева и все его подозрительное окружение в совдепе. Москва начинает вести натиск на нас, а этот малый понемножку ошалевает... Не буду более беспокоить вас, мичман. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, сэр!

Он остался один возле камина, и рука его, протянутая к бокалу с пивом, слегка дрожала. Мичман и сам заметил эту дрожь.

«Да, я не ошибся, – началось...»

Как хороши мурманские вёсны, – только человек, проживший возле семидесятой параллели, может оценить это расплывчатое сияние неба, этот перламутр воды и теплое при-

существование Гольфстрима. Скоро, уже скоро брызнет поверху аспидных скал черемуха, упруго провиснут над водою сочные ветви сирени... Закружится голова от наплыва счастья. А ночь-то, ночь какая впереди – белым-бела, светлым-светлым...

Никто и не заметил, как облетела черемуха, как обсыпалась сирень, – надвинулся июнь, почти душный для Заполярья. Вальронд умудрился загореть и под скудным северным солнцем. Его болтало все это время по рейду, между кораблями эскадры, и по улицам, между совдепом и союзными консульствами.

Из таинственной отлучки скоро вернулся Уилки с хорошим синяком под глазом; рассказал о восстании чешского корпуса в Сибири и Поволжье, задумался.

– Не рано ли? Теперь предстоит расшифровка всех наших предположений. Кстати, что слышно с Печоры?

– Славяне тихонько сидят в Усть-Цильме, а борода князя Вяземского внушает им достойное уважение.

– Вполне, – согласился Уилки; несмотря на синяк, он был в отличном настроении, поиздевался над Юрьевым и Басалаго, из чего Вальронд сделал вывод для себя: эта лавочка скоро прикроется.

Потом, потягивая виски, Уилки сообщил доверительно:

– Никак не могу разгадать, куда делся американский крейсер «Олимпия», который должен быть в наших краях. Эти разгильдяи янки болтаются по морям безо всякого плана.

– На тебя это не похоже, – ответил Вальронд, – ты славишься на Мурмане как раз тем, что все и всегда знаешь.

– Не всё, – скромно сознался Уилки. – Я вот, например, не знаю, где находится американский крейсер «Бруклин», недавно вышедший из Гонконга. А он необходим во Владивостоке!

– Это так важно? – спрашивая, Вальронд казался рассеянным.

– Да. На рейде во Владивостоке уже отжимовали японские крейсера «Ивами» и «Асахи», там стоит наш броненосец «Суффолк», одна китайская канонерка и... Куда-то провалился этот растяпа-американец. А мы должны привлечь к работе в этих краях и наших заокеанских друзей.

Вальронд задумчиво перевел взгляд на окно:

– Пари! Для начала – на десять шиллингов. За «Бруклин» я не ручаюсь, но могу сказать, где сейчас находится «Олимпия».

– Давай, – согласился Уилки с удивлением.

– Американский крейсер «Олимпия» у третьего пирса.

– Откуда тебе, Юджин, это стало известно?

– Я посмотрел в окно. Посмотри и ты, Уилки... Видишь, они уже высаживают матросов. С тебя десять шиллингов!

Действительно, с моря незаметно подошел крейсер «Олимпия». Броско горел на фоне скал штандарт САСШ – кусок синего неба, на котором рассыпаны золотые звезды штатов.

– Я проиграл, – сказал Уилки, берясь за телефон. – Но я сейчас отыграюсь... Лейтенант Мартин? Здорово, приятель. Как военно-морской атташе, сознайся по дружбе: где ваш крейсер «Олимпия»?.. Не знает, – шепнул Уилки Вальронду. – Я же говорил, что они болтаются по морям без плана... Хочешь пари, Мартин? – сказал он американцу. – Ну, для начала полсотни долларов, и так и быть: я тебе скажу, куда пропал забулдыга-крейсер.

Так Уилки рассчитался за проигрыш с Вальрондом.

– В дураках все равно остался американец, – сказал при этом дружески. – Янки люди богатые, их надо грабить без жалости. До чего же бестолковый народ: то их не дождешься, то появятся, когда их не ждешь. Этим горлопанам еще учиться и учиться... у нас! Ты Юрьева сегодня увидишь?

– Я его вижу каждый день, и он мне осточертел...

Все последние дни мичман провел в тесном общении с Юрьевым, от которого Москва потребовала, чтобы он властью совдепа запретил пребывание союзных кораблей в русских заполярных водах. Вальронду было даже интересно наблюдать, как Москва начинает поджаривать Юрьева: этот проходимец теперь шипел и брызгался, как плевков на раскаленной сковороде.

И – надо же так! – как раз в это время высший военный совет в Версале решил создать на Мурмане главную базу для проникновения в Россию с севера. Причем командующим всеми союзными войсками на севере (генерал Звегин-

цев, вам больше делать нечего!) был назначен опытный солдат и дипломат – генерал Фредерик Пуль. Ходили слухи, что Пуль уже в пути на Мурман.

Юрьев страдал головной болью. Делал себе малайский массаж, растирая пальцами виски и темя под белобрысыми волосенками. Брамсон стоял над ним как воплощение духа зла и таскал из портфеля бумаги – все важные. Сказал:

– Архангельск тоже протестует... Не чуется ли вам влияние Москвы на Целедфлот?

– Ну да. Там есть большевики. Чего они требуют еще?

– Архангельск настаивает, чтобы Мурманск – в вашем лице! – издевался Брамсон, – поделился с Целедфлотом углем и продовольствием, завезенным сюда добрыми союзниками.

– Конечно, – отозвался Юрьев, – я их знаю: они сами не сожрут, а отправят в Петроград... ради пролетарской солидарности; Павлин Виноградов для того и сидит в Архангельске, чтобы собирать куски там, где они валяются. А чем, – спросил Юрьев, – я буду свою шантрапу кормить? Кстати, адмирал Кэмпен еще не дал «добро» на разгрузку транспортов с продовольствием. Вон стоят на рейде. Видит око, да зуб неймет...

Вошел Шверченко, похвастал:

– Сейчас перчатки купил. У одного янки! Посмотри,

Алешка, какая шкура... Говорят – лосевые. Такие бывают?

– Иди ты к черту! – заорал Юрьев, вспыхнув. – Дурак ты, что ли? Нам только и дела, что до твоих перчаток... Борис Михайлович, – сказал Брамсону, – это не вам, извините... А вы, мичман, – повернулся к Вальронду, – прошу, останьтесь.

Они остались вдвоем. Юрьева мутило.

– Вляпался я в эту политику... Теперь бы кишки отгрызнуть! Прополоскать их в тазу с тепленькой водичкой. Да с мыльцем! И потом заглотать обратно...

– Как жаль, Юрьев, что вы не птица ибис!

– Это еще что такое?

– Птица ибис имела столь длинную шею и такой формы клюв, что сама себе ставила клизмочку. Вам бы это тоже подошло.

Юрьев не понял, что Вальронд над ним издевается.

– А вы знаете, мичман, – сказал он вдруг с опаскою, – Басалаго-то хитрый малый: он втихую выторговал для себя охрану у англичан. Звегинцеву они тоже дали.

– Что ж, просите и вы. Дадут.

– Придется. Мне уже подкидывают анонимки. Ветлинского-то, – поежился Юрьев, – убрали чистенько. Из-за угла избушки...

– А кто убрал? – спросил Вальронд.

– Заугольники, – ответил Юрьев непонятным намеком.

...Был теплый июньский день (слишком теплый для Мурман), когда на британском крейсере с войсками прибыл

в Кольский залив генерал-майор Фредерик Пуль. В тот же день новый командующий провел совещание в узком кругу приближенных лиц о срочном формировании на Мурмане Славяно-Британского легиона.

Конечно же, он пожелал встретиться и с Юрьевым, как с председателем краевого совдепа. Генерал Пуль – бродяга, солдат, колонизатор, атташе, шпион, стрелок и драчун – с пренебрежением отнесся к Юрьеву, сверкавшему вытертыми сзади штанами.

Первое замечание Пуля:

– Что вы ответили Москве в связи с нотой Ленина?

– Я ответил, – покорно подхватил вопрос Юрьев, – что симпатии краевого населения несомненно на стороне союзников, с которыми оно привыкло с 1914 года вести дружеские отношения. И я заверил Центр, что военная сила, неоспоримо, на вашей стороне.

– Сэр! – добавил за него Пуль.

– Да, сэр, – обалдело согласился Юрьев, теряя остатки своего бахвальства и гонора.

– И впредь, – настоял Пуль, – когда разговариваете со мною, прошу вас добавлять: сэр! Мне так хочется. Москве же вы... напутали: позиция краевого населения, насколько мне известно из верных источников, враждебна не только к нам, но и к вам тоже, товарищ Юрьев...

Слово «товарищ» Пуль произнес отчетливо по-русски. Еще в чине полковника он служил атташе при русской ар-

мии, и язык Пушкина и Толстого был ему относительно знаком. Надо признать: англичане умели подбирать людей, которые бесстрашно входили в русские условия, как рыба в воду.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что Пуль уже извещен о большевистской позиции Совжелдора, о протестующей тени башен крейсера «Аскольд», о том, что отряд чекистов Комлева не ушел, он здесь, он не уйдет...

– Отныне, – заключил генерал Пуль, – мы, союзные вам державы, в моем лице, берем власть на Мурмане в свои руки.

– А я? – удивился Юрьев. – А совдеп?

– Мы, – ответил на это Пуль, – будем укреплять ваш совдеп!

– Но чтобы укрепить влияние совдепа, – пояснил Юрьев, – необходимо обеспечить край продовольствием. Однако транспорта с продуктами еще не поставлены вами под разгрузку. Они стоят на рейде... давно стоят!

Пуль задержался возле иллюминатора. Транспорта с продовольствием – под охраною катеров – тягуче дымили за Ростой.

– Мы их поставим к причалам, – согласился Пуль, – но тогда, когда положение прояснится.

– А когда вы думаете, сэр, оно прояснится?

– Тогда, когда население края выразит нам свои симпатии.

Юрьев уныло опустил плечи. Кувалда его боксерского подбородка вдруг жалко отвисла. Он... думал. Соображал.

Взвешивал.

– Вы меня оставляете одного? – спросил вдруг тихо. – Вы берете власть на Мурмане, отняв ее у меня, и... Тогда объясняйтесь с Москвой и Лениным сами.

– Сэр! – гаркнул на него Пуль.

– Да, сэр. Сами, сэр.

– Переговоры с Москвой, – отвечал Пуль, пристукивая каблуком, – будете вести вы, как и вели их раньше. Для нас же время торжественных слов кончилось. Нам теперь понятно, что такое большевизм... Мы уже в Кеми и в Кандалаксе. Завтра мы будем в Архангельске – сразу, как только окажутся в безопасности члены дипломатических миссий, которые сейчас томятся в руках опытных вологодских инквизиторов... Постарайтесь, – намекнул Пуль, – вырвать у Совнаркома признание нашего пребывания в этих краях как... де-факто! Больше, – закончил разговор Пуль, – я вам ничего посоветовать не могу...

При этой беседе присутствовал и Вальронд, как офицер связи. Но мичман не проронил ни единого слова. Зато каждое слово постарался осмыслить и запомнить. Он понимал – это история, и он, мичман Вальронд, свидетель ее беспристрастный. Пуль уедет потом в Англию и, чего доброго, выпустит мемуары, такие же безапелляционные, как и сам автор; что же касается Юрьева, то ему вряд ли предстоит писать мемуары. А вот ему, Женьке Вальронду, надо сохранить правду о предательстве...

Вскоре на весь Мурман раздалась первая речь Пуля.

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА ПУЛЯ В СОБРАНИИ ЦЕНТРОМУ- РА:

— Я, главнокомандующий всеми союзными силами в России, говорю вам... Мы здесь нашли способный совдеп, который не только способен, но и желает работать. Но способности работы этого совдепа препятствуют — население и моряки. Мы не можем работать с совдепом, если он не может проводить в жизнь те заключения, к которым он пришел... А потому мы намерены помогать совдепу, чтобы он был в состоянии проводить свои резолюции.

Союзники пришли сюда для работы. Эта работа необходима России! Мы желаем делать дело. И если нам и тем, кто работает с нами рука об руку, будут чиниться препятствия, то мы сумеем их устранить.

До сегодняшнего дня матросы на Мурмане достигли своего первенства в делах тем, что они вооружены. Сейчас здесь находится власть сильнее матросов — это союзники! Союзники имеют силы. И, если это потребуется, мы готовы применить эти силы.

Мы сумеем заставить работать бездельников! И если матросы, особенно матросы с крейсера «Аскольд», будут продолжать мешать вашей созидательной работе, то скоро им придется убедиться, что сила уже не на их стороне — на нашей...

После этой речи многие задумались. Даже Ляуданский почесывался за столом президиума. Но зато бешено аплодировали Пулю контрагент Каратыгин и «комиссар» Тим Харченко (тоже сэр).

Женька Вальронд навестил лейтенанта Басалаго.

– Мишель! – заявил мичман решительно, берясь за аксельбант флаг-офицера. – Эту удавку я, пожалуй, сниму. Мне уже надоело бегать с чайной ложечкой и перетаскивать дерьмо словесных упражнений из русской бочки в английскую, а из французской тащить его в американскую.

– Погоди. Мы тебе подыщем что-либо... По специальности!

Три дня! И все три дня англичане кидали и кидали с бортов кораблей войска и технику. Наконец 23 июня подошел серый, будто обсыпанный золой, крейсер «Суатсхэмптон» и затопил мурманские причалы новыми боевыми десантами.

– Я придумал! – воскликнул Юрьев, глядя, как сбегает на берег ловкая морская пехота. – Я придумал: для того чтобы унять англичан, нам надо усилить привлечение американцев!

Он так и телеграфировал в Москву: «Считаю необходимым нейтрализовать неизбежную пока исключительность

англичан привлечением американцев к большому участию в событиях».

С этого момента Вальронд говорил с Юрьевым на «ты».

– Никак не пойму – дурак ты или умный? Что ты за человек – тоже непонятно. Центр требует от тебя изгнания всех союзников, а ты, наоборот, еще и американцев призываешь сюда – числом поболее англичан. Но англичане перевеса такого не допустят и бросят еще десанты. Наконец, это может не понравиться французам, – народ такой: песенки веселые, на столе канканчики, а... пальца им в рот не клади! Откусят начисто и, заметь, никогда не выплюнут.

Юрьев затравленно огрызнулся:

– Должен же понять Совнарком, что мы, дабы сохранить инициативу, не способны уже опереться на реальную русскую силу. У нас нет своих сил, чтобы противостоять даже финнам...

– Финнам? Ты, Юрьев, сознательно преувеличиваешь финскую угрозу. Южнее с финнами уже справился Спирidonов.

Это было так. Но французский крейсер, приняв на борт двести британских «томми», уже пошел через океан, минуя Горло, в Белое море – прямо на Кемь, против... финнов. Сейчас решалась судьба всего русского севера, и Владимир Ильич Ленин лично ответил Юрьеву такой телеграммой:

АНГЛИЙСКИЙ ДЕСАНТ НЕ МОЖЕТ
РАССМАТРИВАТЬСЯ ИНАЧЕ, КАК ВРАЖДЕБНЫЙ

ПРОТИВ РЕСПУБЛИКИ. ЕГО ПРЯМАЯ ЦЕЛЬ – ПРОЙТИ НА СОЕДИНЕНИЕ С ЧЕХОСЛОВАКАМИ И, В СЛУЧАЕ УДАЧИ, С ЯПОНЦАМИ, ЧТОБЫ НИЗВЕРГНУТЬ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКУЮ ВЛАСТЬ... ВСЯКОЕ СОДЕЙСТВИЕ, ПРЯМОЕ ИЛИ КОСВЕННОЕ, ВТОРГАЮЩИМСЯ НАСИЛЬНИКАМ ДОЛЖНО РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА И КАРАТЬСЯ ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ. О ВСЕХ ПРИНЯТЫХ МЕРАХ, РАВНО КАК И ОБО ВСЕМ ХОДЕ СОБЫТИЙ, ТОЧНО И ПРАВИЛЬНО ДОНОСИТЬ.

Женька Вальронд подчеркнул ногтем слово «измена».

– Видишь? – спросил. – Ты об этом помни.

– Ну и что?

– Устоишь?

– Пока держусь, – ответил ему Юрьев.

...Он заметался, путаясь в проводах. То рвался на связь с Наркоминделом, то снова вызывал Процаренуса, прося у него защиты от Ленина, то требовал к аппарату Чичерина.

– Если наш Совет, – убеждал он Москву, – посмеет выступить против союзников, то жизнь всего Мурманского края потечет помимо советских организаций... Если мы не будем проявлять инициативы в совместных действиях с союзниками, то мы полетим к черту, как полетели уже во Владивостоке... Поняли? Так вот, дайте нам точные и такие, какие можно исполнять, указания!

Аппарат молчал. Москва не отвечала.

Вальронд сквозь зубы сказал:

– Сукин ты сын, Юрьев! Чего же ты добиваешься от Центра? Чтобы тебе благословили разрешение на оккупацию Мурмана?

Юрьев сгоряча выдал правду-матку:

– Если угодно знать, то оккупация уже есть. Мы давно оккупированы, – пожалуйста!

– Тогда именно так и доложи. Так, как просил тебя Ленин: «точно и правильно». А не морочь голову людям в Москве, благо им из Кремля наших дел не видно... Нет такого даль-номера еще!

Вбежал совдеповский дежурный матрос.

– В аппаратную! – крикнул он. – Опять... Москва!

Ленин дал Юрьеву окончательный ответ:

ЕСЛИ ВАМ ДО СИХ ПОР НЕУГОДНО ПОНЯТЬ
СОВЕТСКУЮ ПОЛИТИКУ, РАВНО ВРАЖДЕБНУЮ
И АНГЛИЧАНАМ И НЕМЦАМ, ТО ПЕНЯЙТЕ
НА СЕБЯ... С АНГЛИЧАНАМИ МЫ БУДЕМ
ВОЕВАТЬ, ЕСЛИ ОНИ БУДУТ ПРОДОЛЖАТЬ
СВОЮ ПОЛИТИКУ ГРАБЕЖА.

Юрьев смахнул пот, посмотрел на Вальронда:

– Это значит... война?

– А чего ты еще ждал? – ответил ему Вальронд и вышел.
...Больше он Юрьева никогда не увидит.

Дело было в «тридцатке». В узком и длинном коридоре, где плинтусы прожраны крысами, где стенки забрызганы людской кровью, Хасмадуллин поставил Сыромятева к косяку двери.

– Стоишь, полковник?

– Стою, пес худой... Стою, и тебе меня не свалить!

К ним приблизился Эллен, благоухая духами.

– Оставь его, – вступился он за Сыромятева. – А вы, подпрапорщик, можете пройти ко мне и сесть.

– Я тебе не подпрапорщик! Я был, есть и буду полковником. Я это звание заслужил не в палаческих застенках, а с оружием в руках... Честью! Кровью! Усердием к службе!

– Вытрите... это, – сказал Эллен, брезгливо морщась.

С разбитого лица полковника струилась кровь. Страшный рубец от плетки пересекал его выпуклый лоб. Сыромятев взялся за графин с водой.

– Я вам предложу портвейну, подпрапорщик, – сказал Эллен, наклоня бутылку. – Портвейн не мой, а казенный. Чтобы офицеры всегда могли выпить за короля Британии, когда они о нем вспомнят. И вот посеребренный молоток, дабы вызвать подобающую тишину при произнесении тоста. Одним ударом этого молотка можно сделать так, что вокруг станет тихо. И никто никогда не узнает, что хотел сказать перед

смертью бывший полковник Сыромятев. Ну, а теперь давайте выпьем с вами казенного портвейну и, убрав молоток, поговорим о наших королевских делах...

– Декадент! – сказал Сыромятев. – Дерьмо собачье!

Эллен, не обращая внимания на ругань, что-то писал.

– Что ты там пишешь? – спросил полковник.

– Заполняю анкеточку для опроса.

Сыромятев выхватил протокол из-под локтя Эллена и порвал его в мелкие клочья:

– Не мудри! Что тебе от меня надо?

– Мне надо, Сыромятев, знать в точности, как ты очутился у большевиков? Тебя заставили?

– Конечно, в моем положении... – И, вытерев лицо, Сыромятев поглядел на красную от крови руку. – Конечно, – продолжил он, – мне было бы лучше сказать, что меня принудили силой. Но это не так!

– Не так? – обрадованно спросил Эллен, качаясь на стуле.

– Не так, – бросил ему в лицо Сыромятев. – Я пришел к большевикам. Честно! Верой и правдой...

– Ты сказал все?

– Все.

– Тогда вопрос: к нам вернулся ты тоже честно?

Сыромятев подумал и тихо ответил:

– Да, тоже честно. У меня... тупик!

Эллен выпрямил под собой стул и сел ровно, как палка.

– Так что же ты за дерьмо такое, полковник? И там честно,

и здесь честно? Вот у французов есть зонтики – для дождя и для солнца. Но есть один – «en-tout-cas». Это зонтик универсальный, и годится для любой погоды. Скажи: и ты такой же, что годен при любой погоде?

– Не оскорбляй меня! – выкрикнул Сыромятев.

– Ах, простите, сударь. Я совсем забыл, что вы истинно русский офицер и всегда готовы драться на дуэли.

– Дурак ты, – сказал ему Сыромятев. – Чего ломаешься? Если неугоден, так вели поставить к стенке. А не выкобенивайся, словно девка худая. Рад, что власть получил?

Эллен раскурил сигару и положил поверх стола бумагу.

– Приношу вам, полковник, – сказал деловито, – глубокие извинения за то, что мой идиот Хасмадуллин не отнесся к вашему званию с должной респектабельностью. Подпишите вот эту бумагу, и даю вам слово: вы останетесь полковником русской армии. В случае же, если я вернусь через пять минут и бумага не будет подписана, вы... Одно могу сказать: время сопливого гуманизма на Мурмане кончилось. Впрочем, не буду мешать. Подумайте!

Оставшись один, Сыромятев притянул к себе лист.

«Славяно-Британский легион!

Славяно-Британский Союзный легион формируется Великобританией и ее союзниками с целью помочь России прекратить политику посягательства и аннексий, преследуемых Германией и ее союзниками. Офицеры, унтер-офицеры и

рядовые, которые поступают в этот легион, должны воздержаться от всякой партийной политики и служить, подчиняясь всем правилам и положениям, установленным для Британской армии.

Я, нижеподписавшийся, сим обязуюсь служить в названном легионе и подчиняться упомянутым правилам до объявления всеобщего мира воюющими в настоящее время державами.

(место для подписи)».

Эллен вернулся в кабинет, глянул на подпись Сыромятева.

– Ну, вот и отлично, полковник! Полковник старой и доброй русской армии!.. Впрочем, если угодно, я позову сюда Хасмадуллина, и вы ото всей души набьете ему морду по всем правилам!

– Бей сам, – ответил Сыромятев, и на выходе из «бокса» палач Хасмадуллин помог ему натянуть шинель.

Глава третья

Впрочем, эту шинель пришлось выбросить. Шинель в легионе была английской, только погоны русские. Полковничья папаха, как в старой армии при царе, но каракуль афганистанский. Мундиры шились по форме френчей, с квадратными карманами. Галстук, черт его побери! Жалованье

бешеное – в британских фунтах...

А в Мурманске, при английском консульате, открылся специальный магазин-бар, где легионеры могли тратить фунты. Транспорта с продовольствием англичане еще не разгрузили, в городе и на дороге царил голод. А здесь любые товары в избытке: и сам будешь сыт, и любую ерунду, вроде парижских духов, для своей «баядерки» приобретешь по дешевке. В Славяно-Британский легион шли тогда многие – от паники, от безделья, просто так, а иные – шкурнически...

Каюта на крейсере была тесной; от паровых труб, вмонтированных в переборку, исходил угарный жар. Дали ход, и полковник Сыромятев поднялся на верхнюю палубу. На мачте британского «Суатсхэмптона» вздернули сигнал, обращенный к уходящему крейсеру: «Желаем воды три фута под киль!» Крейсер с войсками легиона ответил сиреной, проыв над скалами и над водою свое железное нутряное «спасибо».

Вот уже и выход в океан. Полковник Сыромятев вытер слезу.

Он и сам не знал – откуда эта слеза? Или от жалости к себе? Или просто напор жестокого ветра выжал ее из глаз?

А русский океан был необозрим и пустынен...

Капитан Суинтон сбросил с головы наушники.

– Боже мой! – сказал он. – Как бы все это не обернулось позором для моей Англии!

– Можно? – спросил Вальронд, протягивая руку за бланком.

– Читай, – разрешил Суинтон.

Это была нота Советского правительства, адресованная Локкарту, который представлял Англию в России, – протест был выражен ярко и убедительно, становилось ясно, что конфликт на Мурмане разрастается в опасность вооруженной борьбы.

– Это уже вторая, – пояснил Суинтон. – А три дня назад я перехватил первую ноту. Ленин, конечно, прав: мы слишком самоуверенны... Ты знаешь, Юджин, кому это надо передать?

– Кому?

– На борт «Суатсхэмптона», лорду нашего адмиралтейства.

– А разве?.. – начал Вальронд и вовремя осекся.

К чему лишние вопросы? Стало ясно, что англичане доставили в Мурманск, заодно с войсками, и лорда адмиралтейства. Значит, мичман не ошибся в своих предположениях: стрелы из Мурманска полетят и дальше... до Архангельска, до Вологды!

– Ты не извещан, Юджин, – переживал Суинтон. – А я знаю, что в Кандалакше мы уже стали расстреливать большевиков. Какое мы имеем право это делать? Неужели нет ра-

зума?.. Это так ужасно! Я хотел вернуться в колледж. Меня давно волнует проблема фототелеграфирования на расстоянии. А вместо этого я осужден прозябать в Мурманске...

До лорда британского адмиралтейства флаг-офицера не допустили – Вальронд сдал радиogramму наружной вахте, после чего посетил в штабе генерала Звегинцева. «Сейчас решается и моя судьба», – подумал мичман. В штабном кабинете, напротив Звегинцева, сидел лейтенант Басалаго и писал, – лица обоих были мрачными. Вальронд доложил о второй ноте Совнаркома к Локкарту, и лица сразу оживились.

– Это очень хорошо, – заметил Басалаго, – что большевики столь активны. Может, это заставит и генерала Пуля стать активным. Англичане упрямы: они боятся двинуться дальше. Мы должны заставить их сделать второй шаг... До сих пор мы балансировали на туго натянутой струне, готовой вот-вот оборваться. Ныне же, в связи с этой нотой, обстоятельства изменились, и мы ставим перед союзниками вопрос ребром...

– Михаил Герасимович, – воскликнул Звегинцев, – как вы всегда хорошо говорите и занудно пишете! Ну почему бы вам так и не написать, как вы сейчас сказали? Убедительно, весьма!

Вальронд сунул два пальца за тесный воротничок, крепко накрамхаленный, передернул стиснутой шеей.

– Мишель, – спросил он, – что творишь во вдохновении?

– Обращение к союзникам. На этот раз – угрожающее.

– Вот как? Не забывай пророчества: «Братья писатели, в вашей судьбе что-то лежит роковое...»

– Мы не писатели, – ответил Басалаго. – А сегодня вот соберем совещание президиума. И поставим решительный вопрос: или союзники пошевелиятся, тогда мы с ними заодно, или...

Вальронд заглянул ему через плечо, прочел: «Положение, ставшее сложным после переговоров с Москвой, теперь сделало развязку неизбежно близкой... Последствия ясно вырисовываются...»

– И каковы же эти последствия? – спросил Вальронд.

– Ах, мичман! – завздыхал Звегинцев. – Наступает самый критический момент. Мы объявляем сейчас перед всем цивилизованным миром о разрыве с Москвой – окончательном! Мурман – государство автономное, и пусть союзники защитят это государство всеми своими силами от гнева большевиков.

«Все ясно, – решил Вальронд. – Пора. Я надеюсь, что меня не расстреляют!» И он еще раз оглядел унылые штабные стены: торчала меж бревен пакля, а в пакле жили клопы.

– Простите, генерал, – вытянулся Вальронд. – И ты, Мишель, тоже выслушай меня... Вторичная просьба: я бы хотел избавиться от флаг-офицерства. Я ведь был неплохим плутонговым.

– Вот-вот, – перебил его Басалаго. – Когда пробьет час, ты снова встанешь у орудий.

– Но... когда? – спросил Вальронд.

– Скоро.

Потом мичман долго соображал: «Расстреляют меня или нет? Черт возьми, но так ли уж нужно меня расстреливать?..» Он спал всю ночь спокойно. Звонок побудки на крейсере разбудил его. Но только на один момент – Женька Вальронд завернулся в одеяло с головой и снова заснул...

День наступал пасмурный, с неба сыпал сеянец-дождик...

Юрьев вышел на балкон краевого Совета. Вздернул воротник пиджака. Внизу, под ним, задрав головы, стояло человек сорок – пятьдесят (никак не больше). Он кашлянул в рупор, укрепленный на перилах балкона, и кашель его прозвучал над рейдом, где мокли русские суда, наполовину уже разворованные; один лишь крейсер «Аскольд» еще посверкивал издали чечевицами дальномеров – непокорный и таящий угрозу.

Юрьев сказал:

– Товарищи! Открываем общегородское собрание... Мурман ожидает от союзников продовольствия, топлива и рыболовные снасти. И вот они прибыли. Но союзники не выгружают их на берег. И они правы, ибо своими нотами Совнарком большевиков предает интересы трудящихся нашего края. Ленин требует от союзников удаления их с Мурманна. Пожалуйста! Союзники согласны уйти хоть сегодня. Но они увезут с собой и продовольствие. Нам угрожают голод и потери промысла. Мы снова стоим перед угрозой герман-

ского нашествия... Союзники, – прокричал Юрьев, – должны остаться с нами! Чтобы помочь нам пережить тяжелое время. Чтобы оформить ту армию, которая защитит наши краевые интересы от покушений германо-финской аннексии... Товарищи! – призывал Юрьев. – Довольно жить с московскими няньками! Мы те же сыны родины, что и наше центральное правительство. Наша обязанность – сохранить этот край для лучших времен... Крайсовет, вкуче с Центромуrom, постановляет: отвергнуть протесты большевистского Совнаркома и разорвать связь с Москвой!

В этот день проворачивали, как и положено по уставу, башни «Аскольда», и орудия как бы случайно вцелились в окна Мурманского крайсовдепа. Крейсер поднял (и уже не спускал – до самого конца) флажный сигнал: «Мы протестуем». Но Юрьев не верил в угрозы орудий. Сегодня ему казалось, что все нерушимо как никогда. Дело сделано. Словно камень свалился с сердца...

И – вдруг:

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МУРМАНСКОГО СОВДЕПА
ЮРЬЕВ, ПЕРЕШЕДШИЙ НА СТОРОНУ
АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ И
УЧАСТВУЮЩИЙ ВО ВРАЖДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЯХ
ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ,
ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ВРАГОМ НАРОДА И

СТАНОВИТСЯ ВНЕ ЗАКОНА.

ЛЕНИН.

За толстым стеклом иллюминатора холодно качалась зеленая зыбь. Ровно и глухо ревели машины. На килевой качке с грохотом хлопали бронированные двери. Англичане остались верны себе и в Заполярье – бешеные сквозняки пронизывали крейсер насквозь, шторы в коридорах были вытянуты по ветру, словно в ураган.

Сыромятев накинул шинель, выбрался по трапу на верхний дек.

Крейсер напористо разрушал океанскую волну. Позади мелькнул забитый ветрами и штормами огонек «мигалки» Иоканьги; скоро уже войдут в просвистанный шалонниками пролив – Горло Белого моря. Вот оно, это проклятое Горло: здесь кладбище кораблей, и на черных камнях, кверху китовым пузом, колотится пустая русская подлодка, покинутая командой... Мимо, мимо! Скорость, скорость...

Было холодно, но в Белом море чуть растеплело. Потянуло новым ветром – он нес в себе запахи смолы, земли, сена; вдоль Терского берега, принадлежавшего когда-то знаменитой Марфе Борецкой, крейсер рвался на Кандалакшу. Первые деревеньки поморов – кричат петухи, полощут бабы на камнях бельишко...

Сыромятев лежал в каюте, скогорготал зубами.

– Негодяи! – бросал он в пустоту время от времени.

Но вряд ли ругань его относилась сейчас к Эллену. Чтобы полегчало, полковник надолго приник к фляжке. Пахучий ямайский ром освободил сердце от стыдной боли. Над каютой уже громыхали трапы-сходни, приготовленные к отдаче на берег. Сейчас он поведет десант... «Вешать? Топить? Расстреливать?»

– Ну и сволочь! – сказал Сыромятев и надвинул папаху.

На берегу их ждал британский консул Тикстон.

– Они в столовой, – подсказал он. – Как раз обедают...

– Бего-о-м... арш! – скомандовал поручик Маклаков, и, когда колонна тронулась, Сыромятев припустил за нею...

Отряд охраны, подчиненный мурманскому чекисту Комлеву, взяли безоружным во время обеда. Построили, погнали. Сербский разъезд арестовал членов Кандалакшского Совета. Все поезда, идущие к югу, были задержаны, и десант легионеров погрузили в эшелон, который сразу двинулся в сторону Кеми...

Был вечерний час, и жемчужная ночь над морем разливалась далеко-далеко. В зыбком мареве безночья, с высоты Кемского берега, Сыромятев разглядел купола Соловецкой обители, утонувшей за горизонтом. Это теплый воздух поднял над горизонтом отображение древних башен и храмов... Мимо полковника погнали прикладами к стене собора членов Кемского Совета. Казнь совершали легионеры из мань-

чжуров и сербы, озлобленные на все на свете за то, что из Мурманска их не отпускали на родину...

Выкликнули первого:

– Каменев! – И тень человека выросла на фоне стены...

Очевидец свидетельствует: «Каменев мужественно встал на место, достал из кармана часы, посмотрел на время, наконец желая запечатлеть последнюю минуту своего земного существования, и, снявши с головы шляпу, поклонился присутствующим тут же товарищам из Совета и сказал: – Прощайте...»

– Вицуп! – И качнулась тень второго на фоне белой извести древнего собора...

Очевидец свидетельствует: «Участь была такова же, но с более тяжкими мучениями, так как после первого залпа он еще несколько раз подымался, пока окончательно не был пристрелен».

– Давай третьего, – велел Сыромятев. – Доктор, а вы проверьте еще раз...

Доктор прощупал пульс Вицупа, расстрелянного трижды.

– Да. Кажется, готов. Можно третьего...

Вицупа оттащили за ноги от стены и положили рядом с Каменевым.

Вызвали третьего:

– Малышев!

Сыромятев сказал:

– О черт! Сколько же ему?

Малышеву было всего девятнадцать лет, и он – заплакал. Он тоже видел сейчас далеко-далеко – и ширь Белого моря, и жемчужную ночь, и паруса шхуны, мирно уходившей к монахам на Соловки...

Сыромятев резко повернулся и зашагал прочь.

Очевидец свидетельствует: «Малышев, жизнерадостный и горячий защитник трудового народа, закончил свою жизнь со словами на устах:

– Жил я хорошо. Спасибо судьбе! Все для народа, и пусть оно так... И жизнь свою за народ отдаю».

Вместо Совета в Кеми воссоздали старую городскую думу. Когда один из думцев полез на крышу, чтобы сорвать с нее красный флаг, неожиданно вмешался британский консул Тикстон:

– Эй, на крыше! Что вы там делаете?

– Как что? Сами видите.

– Слезайте оттуда! – заорал на него Тикстон. – Это не ваше дело... Красный флаг должен висеть. Совдеп в Мурманске продолжает свою работу. А вам не все ли равно, под какую тряпкой сидеть в думе?..

Сыромятев вернулся к себе в вагон, присел за столик.

«Товарищ Спиридонов, – писал он, – сейчас legionера-

ми в Кеми убито трое из местного Совета. Завтра будет расстрелян крановый машинист Соболев. Трупы я передаю населению. Приказа о расстреле чекистов (твоих и комлевских) на руках еще не имею. Разоружив, отпускаю их, вместе с семьями, пешком по шпалам. Если можешь, вышли навстречу им вагоны. Англичане, как видно, еще не решились окончательно рвать с Москвою и флагов здесь ваших не снимают, а Локкарт еще представляет Англию. Если же хочешь повидаться в последний раз, то давай где-нибудь на пустом разъезде встретимся. Со мною еще не кончено.

П-к С.».

В купе к полковнику вошел Торнхилл (тоже полковник). Теперь два полковника – русский и британский.

– Идет эшелон, – сказал Торнхилл обеспокоенно. – Кажется, это эшелон с частью отряда Спиридонова, и он уже близко, на подходе к Кеми, просит освободить пути... Вы разве не слышите?

Сыромятев прислушался к мощному реву локомотива, бегущего из окраинных тундр к Петрозаводску.

– Полковник, – сказал он Торнхиллу. – Я не хотел бы сейчас встречаться с этими людьми. Разоружите их своими силами.

...Среди арестованных Спиридонова не оказалось. Красноармейцев прогнали по шпалам мимо, и Сыромятев открыл окно.

– Эй, рыжий! – позвал он одного. – Передай товарищу Спиридонову. Башкой ответишь! Лично ему в руки! Больше никому!

Торнхилл вернулся в вагон:

– Женщины, жившие с большевиками, с разезда ушли. Я не стал их удерживать: это дело личное. Теперь надо ждать реакции Москвы на наши действия... Может, выпьем, полковник?

Они выпили.

– В ближайшие дни, – ответил Сыромятев, разворачивая на коленях у себя газету с бутербродами, – все неясное определится. Или – или! Как вы думаете?

– Налейте еще, – попросил Торнхилл. – Я отвратительно чувствую себя в этих краях. Вот уже третий месяц не могу заснуть. Просыпаюсь среди ночи – прямо в глаза лупит солнце. Да еще какое солнце! Когда будет тьма?

– Скоро, – ответил Сыромятев. – Прошу, полковник.

– Благодарю, полковник.

И они – чокнулись.

Был уже поздний час, но в британском консульстве лампы не зажигали. Уилки сидел у себя на постели, пил виски и заводил граммофон с русскими пластинками. Особенно ему нравился Юрий Морфесси, – пластинка кружилась, и лицо

красавца Морфесси, изображенное на этикетке, расплывалось, как в карусели.

Вернись, я все прощу – упреки, подозрения.
Мучительную боль невыплаканных слез,
Укор речей твоих, безумные мученья,
Позор и стыд твоих угроз...

Дверь тихо отворилась, и вошел бледный Юрьев. Остался на пороге, не вынимая рук из карманов, и по тому, как обвисли полы его короткого пальто, Уилки определил: «В левом – браунинг, в правом – кольт».

– Погоди, – сказал ему Уилки. – Очень хорошая песня.

Мы так недавно, так нелепо разошлись.
Но я был твой, а ты была моею.
О, дай мне снова жизнь —
вернись!

Пластинка, шипя, запрыгала по кругу. Уилки снял мембрану.

Налил себе виски, взбудоражив спиртное газом из сифона.

– А хорошо поет, верно? – спросил равнодушно.

– Мне нужно видеть консула Холла, – мрачно ответил Юрьев.

– Консул спит. Зачем тебе?

Юрьев шагнул на середину комнаты:

– Звегинцеву – дали? Басалаго – дали? А мне – кукиш?

Уилки ответил ему – совсем о другом:

– Мы очень много пьем здесь. Хорошо ли это, Юрьев?

Юрьев молчал.

– Я думаю, – продолжал Уилки, – что это, наверное, очень плохо... Кстати, ты хочешь выпить?

– Дай!

Уилки налил ему чистого виски, и Юрьев жадно выхлебал.

Широко взмахнув рукавом, вытер рот и заговорил:

– Ленин по всей стране объявил о том, что я поставлен вне закона. Завтра «Известия» уже разойдутся по всей России. А знаешь ли ты, Уилки, что значит быть «вне закона»? Это значит, что любой человек может убить меня, как собаку... Дайте же и мне охрану! – потребовал Юрьев.

Уилки закрыл глаза. Ему ли не знать, что это такое. Когда его последний раз объявили вне закона? Кажется, в Палестине. Да, там. И горячий песок пустыни скрипел на зубах, и арабы стреляли в него с высоких верблюжьих седел, и эта турчанка с маленькими трахомными глазами... Она-то и спасла его! Именно она! А когда он сунулся в свое консульство, то ему сказали там спокойно: «Консул спит».

– Консул спит, – сказал Уилки бесстрастно и жестко.

Юрьев сцепил в зубах черешневый мундштук канадской трубки.

– Завтра, говорю я тебе, «Известия» разойдутся. Сейчас ночь, и я знаю: наборщики уже тискают обо мне приказ Ленина... Звегинцеву-то вы дали? Басалаго дали? А я – что? Хуже их?

Уилки опять посмотрел на карманы юрьевского пальто. «Нет, я, пожалуй, ошибся: кольт – в левом, браунинг – в правом». И снова молчал, думая... Турчанка с трахомными глазами завернула его тогда в душные верблюжьи кошмы... а консул спал, подлец!

– Консул спит, – повторил Уилки и снова выпил. – Он ужасно лягается, но разбудить его... можно! Пойдем, Юрьев...

Холл действительно спал. Его разбудили.

– Вот, – сказал Уилки, смеясь, – пришел представитель Советской власти и просит спасти его от Советской власти...

Консул даже не улыбнулся.

– Что же вы так, Юрьев? – спросил он. – Не побереглись... Уилки, я не возражаю: выделите для совдепа охрану.

– Спокойной ночи, сэр. Я очень благодарен вам, сэр!

Из коридора раздался сочный голос лейтенанта Уилки:

– Выпустить совдеп с охраной. Запечатать двери на ночь. Откинуть щиты в окнах. Пулеметы – к огню...

Глава четвертая

Ломкий валежник хрустел уже далеко.

– Нашли! – издали крикнул Безменов. – Товарищи, вот он...

Спиридонов стянул с головы фуражку. Ронек лежал глубоко под насыпью, и муравьи ползали по его лицу, тронутому нещадным тлением. Потрогав голову, перевязанную грязным бинтом, Иван Дмитриевич сказал:

– Прости, товарищ... Простишь ли? – И отошел, заплакав.

Тело Роника вынесли наверх, уложили между рельсами. Ох, эти рельсы! – стонут они, проклятые; приложись к ним ухом – и услышишь, как идут эшелоны карателей, как грохочет вдаль бронепоезд врага, а вот и взлетели звонкие рельсы, искореженные взрывом, – это работа лахтарей...

Безменов первым надел шапку.

– Товарищ Спиридонов, хоронить надо.

– Надо... – ответил чекист.

Но места для могилы не было: чавкала под ногами торфяная жижа. Хлябь, кочкарник, тростник...

– Давай вот здесь, – сказал Спиридонов. – Вечный ему памятник. Все порушится, все пожжется. Никакой крест не выдержит времени и сгниет, а дорога будет эта... пока мы живы!

Подрыли с боков насыпи шпалы, вынули их осторожно, углубили яму, над которой тянулись рельсы. Тело путейца, завернутое в шинель красноармейца, опустили в глубину насыпи, снова уложили шпалы. Попрыгали на месте могилы, чтобы песок утрамбовался. Спиридонов поднял над собой

маузер, пуля за пулей опустошил в небо всю обойму.

– Салют... салют... салют... Пошли!

Неподалеку их ждал маневровый паровозик с лесопильного завода «Беляев и К°», к тендеру которого был прицеплен единственный вагончик. Спиридонов подождал, пока красноармейцы заберутся в вагон, и махнул машинисту:

– Давай, приятель, крути... на Кемь!

– Там англичане, – ответил ему машинист из будки.

– Знаю. Но мне плевать на них...

Спиридонова сопровождали в этой поездке всего лишь девять бойцов дорожной охраны. Иван Дмитриевич хотел проскочить на Кемь, чтобы вывести оттуда разобщенные и обезоруженные части. Он потерял Ронека, которого успел полюбить, но вспоминал и о бегстве Сыромятева. «Ронека не вернуть... а за Сыромятева, – размышлял он дорогою, – неплохо бы и побороться. Нельзя этого дядьку врагам оставлять: слишком опытен... вояка хитрый!»

– Курева нет? – спросил Спиридонов наугад.

– Откуда? – ответили бойцы.

– Оно верно: откуда?..

Под колесами вагона вдруг взорвалась петарда. Машинист резко затормозил, и сразу в вагон к чекистам полезли сербы и англичане. Спиридонов сунулся к окну – все уже было оцеплено. Тогда он распахнул дверь купе и грудью пошел на штыки.

Говорил он при этом так:

– Я – Спиридонов, что вам надо? Я – Спиридонов, Спиридонов!

Своей грудью и авторитетом своего имени Спиридонов заградил своих бойцов от лавины пуль – стрелять уже никто не решился.

Оцепление возглавляли английский капитан и сербский поручик, которых чекист однажды встречал в Кандалакше. Интервенты уже схватились за винтовки бойцов. Но спиридоновцы не выпускали оружия из своих ладоней. Каждую секунду могла вспыхнуть жестокая потасовка. И она плохо бы кончилась для чекистов, ибо слишком неравны были силы... Нужно быстрое решение!

Вот оно, это решение.

– Сдайте, – сказал Спиридонов бойцам, и тогда они послушно разжали ладони, отпуская оружие (все обошлось без выстрелов).

Английский капитан как-то обедал в красноармейской столовой Кандалакши рядом со Спиридоновым и сейчас чувствовал себя неловко. Сербский поручик оказался смелее: хлопнул чекиста по кобуре и сказал с улыбкой:

– Пиф-паф не надо! Жить надо!

Спиридонов с руганью расстегнул пояс, на котором болтался маузер, отдал его и спросил, обращаясь к англичанину:

– А что, Комлев в Мурманске?

– Комлев цел. Но с ним осталось мало людей.

– А кто вам приказал арестовать меня?

– Пуль!

Спиридонов, продолжая ругаться, сказал:

– Завтра я с вашим Пулем поговорю особо – пулями!

Его отвели на паровоз: изолировав от бойцов, приставили конвой и велели машинисту ехать на Кемь. Машинист выжидал.

– Да крути ты! – велел ему Спиридонов. – Я ничего не боюсь, им этот арест еще боком вылезет, вот увидишь... завтра же!

В Кемь его встретил полковник Торнхилл.

– Добрый день, товарищ Спиридонов, – сказал он ему, как старому знакомому, даже дружески. – Чтобы вы на меня не обижались, ставлю в известность сразу: вы задержаны по личному распоряжению нашего адмирала Кэмпена.

– Послушайте, полковник, какое дело британскому адмиралу до русского большевика Спиридонова?

Торнхилл одернул френч, взмахнул черным стеклом.

– Я тоже такого мнения, как и вы, – ответил спокойно. – И лично к вам я ничего не имею. Вы мне даже нравитесь, товарищ Спиридонов. Но таков приказ, а я волею всевышнего только полковник и обязан исполнять приказы. Я вас не обыскиваю.

И это было очень хорошо, потому что Спиридонов, уничтоживший в топке паровоза все подозрительное, пожалел спалить записку от Сыромятева – очень важный для него документ.

– А чего ждете? – спросил Спиридонов у Торнхилла.

– Жду дальнейших распоряжений из Мурманска, что делать с вами. Пока я разрешаю вам остаться со своими солдатами...

Его вернули обратно в вагон, где сидели бойцы и курили американский табак, а для завертки сигарок рвали французскую «Пель-Мель-газет».

Спиридонов плюхнулся на лавку рядом.

– Дай и мне курнуть, – попросил. – И не робей, ребята. Англичане, судя по всему, боятся нас. И так и эдак крутят, в глаза еще никто из них мне прямо не посмотрел. Оно и понятно: рядом Совжелдор, близко Петрозаводск... А вот с Комлевым, видать, дела неважные: он ведь совсем один!

Звонко лязгнули буксы: их сцепили с паровозом. Англичане повезли чекистов далее. На 30-м разъезде конвой покинул отряд Спиридонова, и чекисты – уже свободно – добрались до станции Шуерецкая. Там Спиридонов сразу же стал обзванивать все соседние станции.

– Сорока! Барышня, мне Сороку... Сколько у вас пулеметов в Сороке? Два? Кати их сюда. Сейчас начнем все крушить! Война так война... Барышня, давай Совжелдор! Петрозаводск, слушай: высылай прямо на меня дорожных техников... Я двигаюсь сейчас на Сороку, мне нужно смотать всю проволоку за собой... Много проволоки! Сотни километров проволоки...

За эти дни Спиридонов безжалостно загонял и себя и дру-

гих. Сжевав на бегу горбушку хлеба, хлебнув в соседней деревне молока из крынки, он открыл войну с Мурманом и интервентами. Прямо от Шуерецкой начал битву, чтобы задержать продвижение врага на юг – в сторону Петрозаводска, столицы красной Олонии. Первой полетела вверх тормашками водокачка, потом рухнул в реку мост. Прибыли пятьдесят бойцов из Сороки, и Спиридонов самолично расставил в засаде два пулемета. В прицелах стареньких «максимов» дрожали, плавно выгибаясь, узкие рельсы.

– Как пойдут, – велел, – так и крой их на всю ленту. Слово «союзник» забудь! Не союзники они, а навоз на вилочке...

Прибыв на станцию Сорока, Спиридонов заскочил в контору беляевских лесопилок. Там сидела машинистка и пудрилась.

– Ты и так красивая, – сказал чекист. – Копирка есть?

– Есть.

– Сколько можешь зараз напечатать?

– На вощанке – двадцать экземпляров.

– Суй все тридцать, – распорядился Спиридонов. – Может, десять последних и бледно получатся, да кому надо – тот глаз жалеть не будет: прочтет как миленький...

– А что печатать? – спросила барышня.

– Приказ! Стукай... Диктую: «Извещаю пролетариат всего мира, что империалисты тесным кольцом душат власть рабочих и крестьян... Просим пролетариат всех стран прислушаться к голосу честных бойцов Мурманской железной до-

роги и воздействовать на политику своих министров...»

...За отступающим отрядом Спиридонова бушевало пламя.

Отправили на Петрозаводск два эшелона с продовольствием. Станки с острова Попова тоже погрузили в вагоны.

– Ничего не оставляйте. Что не вывезти – пали... Вернувшись в Петрозаводск, ослепший от дыма, в зрачках еще плясали огни пожаров и взрывы, Спиридонов сразу стал вызывать Петроград на прямой провод:

– Путиловский... мне Путиловский! – И когда Путиловский завод ему ответил, он прохрипел: – Броню... высылайте броню...

Трубка выпала из его руки. Голова рухнула на стол.

– Будет броня... десять листов, – ворковала трубка.

– Хорошо, – ответил Безменов, подходя. – Спасибо... – И вышел, затворив дверь. – Тише, – сказал. – Он уже спит...

Этот молодой парень («пацан», как называл его Комлев) принял на себя всю ответственность: своей волей, никого не спрашивая, он открыл для страны новый фронт – первый фронт для борьбы с интервентами. Вся Антанта стояла сейчас против, и два одиноких «максима», выставив из кочкарника дула, простреливали вдоль рельсов каждого, кто появлялся на путях с севера...

Вода в котелке закипела, и Комлев высыпал в бурлящий кипяток горсть мучицы. Размешал ложкой, посолил. Гвоздь в сапоге натер ему ногу – было больно...

Еще раз Комлев перечитал послание от полковника Торнхилла:

«...адмирал (надо понимать – Кэмпен) присовокупляет, что на берегу находятся многие сотни иностранных подданных и вооруженные отряды, а потому всякие действия, которые могут причинить вред окружающим, будут им немедленно прекращаемы и порядок будет восстановлен. Адмирал имеет распоряжение от своего правительства охранять подданных союзных нам держав, которые неминуемо окажутся в опасности, если Вы осуществите Ваши намерения».

Слова «Вы» и «Ваши» были написаны с большой буквы: уважая, угрожали. Комлев сложил письмо полковника Торнхилла, сунул его под пятку в сапог, чтобы не мешал гвоздь. Понюхал пар над котелком: пожалуй, скоро обедать.

Неожиданно дверь теплушки поехала на роликах в сторону, и в проеме дверей выросла фигура Тима Харченки.

– Есть, – сказал он, запрыгивая в вагон, – такая картина у моего земляка, профессора Репина. Называется она «Не

ждали». Очинна проникновенная картина, прямо так и шибает в душу...

– Шибай и дальше, – ответил Комлев, сидя на корточках возле печурки. – Это ты прав: мы такого хрена к столу не ждали.

Харченко, приосанясь, пошелестел бумажкой: формат бумажки и печать были такие же, как и в письме Торнхилла.

– Вот и мандат! – заявил. – Прислан в твой отряд комиссаром. Ты да я – нас двое, ррравняйся!

– Выровняй и этих, – показал Комлев.

Из глубины вагона торчали черные пятки отдохавших бойцов. Они, как побитые, вповалку лежали на нарах, обнимая свои винтовки: с оружием здесь не расставались – жизнь была начеку.

Гвоздь в сапоге проколол письмо полковника Торнхилла и снова жалил ногу. Комлев, морщась от боли, добавил в свое варево соли и брякнул ложкой по котелку:

– Ну что ж! Ты, комиссар, как раз к обеду явился. Сидай! Харченко приняхался:

– Клийстир, што ли? Брандахлыст мое почтение, как на каторге. Толичко благодарствуем покорно. Встал я сей день раненько, Дунька моя как раз олады спекла, мы уже сыты...

– А коли сыт, – ответил Комлев, – так чего притащился?

– А мы не побираться ходим... Вот и мандат!

– Дай твой мандат сюда, – протянул руку Комлев.

Сложил мандат и сунул его в сапог поверх письма Торн-

хилла; вот теперь было хорошо, гвоздь не мешал. У Тима Харченки даже глаза на лоб полезли от такой наглости.

– Да ты... Знаешь, кем подписано? Сам генерал Звегинцев меня в эту вашу поганую житуху окунул.

– Потому-то и не нуждаемся, чтобы ты «комиссарил». Мы таких, как ты, даже на племя оставлять не станем. Прямо на убой посылать будем... Не нравится? – засмеялся Комлев. – Проваливай!

Харченко выскочил из вагона, крикнул на прощание:

– Железной рукой революционной справедливости мы задашим власть насильников и посягателей... вот как!

Поезда еще выходили из Мурманска, во всяком случае – при оружии и смелости – за Кандалакшу выбраться было можно. Комлев похлебал баланды, достал маузер, натискал обойму желтыми головками патронов.

– Эй, ребята! – обратился к нарам. – Я пошел... Ежели не вернусь живым, разрешается отряду отойти вдоль дороги.

Шагая по шпалам, завернул в буфет, попросил пива. К нему из потемок подступил Небольсин – небритый.

– Я разговаривал с Песошниковым, – сообщил таинственно. – Сейчас перегоняем к югу порожняк. Пока не обыскивают. Здесь – конец. И тебе. И отряду... Хочешь?..

– Хочу, – сказал Комлев. – Песошникова я знаю, тебя тоже знаю, вы мужики ничего, с вами жить можно... Да только, инженер, посуди сам: уеду я, ведь радоваться все гады станут. Нет, брат, спасибо, моя статья – здесь оставаться.

– Глупо, – возразил Небольсин. – Кому и что ты докажешь?..

Звегинцев был занят – Комлеву пришлось обождать в «предбаннике». Тем временем Звегинцев обламывал командира «Аскольда» – кавторанга Зилотти.

– Вы понимаете, – убеждал он его, – что крейсер, которым вы командуете, несет отныне угрозу Мурманску и той власти, которая всенародно установилась на Мурмане.

– Угрозу? Не понимаю.

– Необходимо сдать боезапас!

Зилотти искренне возмутился:

– Крейсер «Аскольд» – единственный на рейде, который сумел при всеобщей анархии и развале на кораблях флотилии сохранить боеспособность и традиции русского флота¹.

– Русского флота, кавторанг, давно не существует!

Лучше бы Звегинцев не произносил этой фразы – Зилотти даже передернуло в бешенстве.

– Генерал! – сказал он, шагнув к столу. – Вы чего от меня добиваетесь? Чтобы я пошел на сговор с вами и своими же

¹ Из документов видно, что все это время «Аскольд» выдерживал постоянную четырехчасовую готовность к боевому походу. Такое напряжение может выдерживать длительное время только спаянная команда, скрепленная хорошей дисциплиной и дружбой.

руками снял орудия и опустошил погреба? Нет! Меня поддерживает команда, а я буду поддерживать ее, как командир этой команды...

Звегинцев тихо объяснил:

– Там большевики... Орудия вашего крейсера поддерживают и большевистский Совжелдор, и бандита Комлева, который, вооруженный до зубов, сидит в нашем городе.

Но даже это предупреждение не могло остановить сейчас кавторанга Зилотти – честного человека, глубоко страдавшего за позор разоружения кораблей русского флота.

– Я не знаю, кто там у меня в палубах – большевики или черти завелись. Но даже пусть нечистая сила, резолюция у них на шабашах правильная. Лишь мой «Аскольд», единственный из всей Северной флотилии, способен ныне принять бой с честью, если придется, и разоружить крейсер я не дам!

Выскочив в приемную штаба, Зилотти увидел Комлева. Кавторанг накинул на плечи черный плащ; литые из меди львиные головы отчетливо горели на черном габардине. И совсем неожиданно он выкинул руку для пожатия.

– Я бежал от большевиков... от вас! – сказал Зилотти Комлеву. – Но вот как странно все в жизни: я солидарен с большевиками здесь... в Мурманске! Прощайте, товарищ Комлев. – И черный плащ по-байроновски взметнулся за кавторангом.

Комлев, вздохнув, шагнул в кабинет к Звегинцеву, кото-

рый приветливо поднялся навстречу:

– Я очень рад, что вы явились, не артачься, на большевистский манер, благо дело, по коему я желал бы беседовать с вами, не терпит отлагательства... Советская власть, можно считать, уже рухнула. Оставим политику! Я русский аристократ, вы русский простой человек. Но на протяжении многих веков мы, аристократы и простолюдины, стояли рядом. Все испытания, выпавшие на долю России, ложились столетиями поровну на ваши и на наши спины. Иногда даже больше на наши спины, а вы только подкрепляли нас снизу... Так вот что я хотел вам сказать: еще раз предлагается вам, вернее, всему вашему отряду включиться в состав Мурманской краевой армии, и тогда... Сначала сдайте оружие!

– Для начала я его не сдам, – ответил Комлев. – Еще что? Звегинцев потускнел и хмыкнул:

– Вы знаете, что в Москве убит германский посол Мирбах?

– Я плюю на барона Мирбаха!

– А в Москве восстание левых эсеров, и Ярославль, и Муром, и Рыбинск – тоже восстали.

– Плюю на левых эсеров!

– А у нас на Мурманске вводится осадное положение.

– Плюю на вашу осаду!

– Так мы ни до чего не договоримся...

– А неужели ты думаешь, генерал, что мы с тобой когда-нибудь договоримся? Наш расчет сейчас – пулями... –

Рука Комлева, черная и жесткая, полезла в кобуру: – Могу и сейчас... Хлопну, как барона Мирбаха, а потом разбирайся. Нет! – И пальцы злобно застегнули оружие. – Нет, – повторил Комлев, – это слишком хорошо для тебя. Меня уже не будет. Я знаю. Но пусть тебя осудит народ... Черт с тобой, генерал, живи!

...В этот день забастовала железная дорога. Расчет Комлева был верным: пока его отряд находится в Мурманске, рабочие не побоятся выступить против интервенции. Вагонников поддержали тяговики, и дорога встала. Над тундрой вдруг замычал и гудок лесопильного завода «Дровяное» (там поддержали дорогу стачкой).

Небольсина вызвали в Военный союзный совет, и майор Лятурнер сказал ему дружески:

- Аркашки, что у тебя с дорогой?
- Забастовка!
- Некстати!
- Она всегда некстати. Тем более на дороге.
- Надо что-то сделать.
- Лятурнер, ты всегда даешь премудрые советы. Если ты находишь, что надо что-то сделать, так возьми и... сделай.
- Сделай ты, как начальник дистанции.
- Пожалуйста, – согласился Небольсин. – Только прошу выплачивать мне два миллиона франков в месяц. Потому что обойти шесть тысяч рабочих и каждого уговорить я не в силах на свои русские рубли, которые уже ничего не стоят.

– Почему шесть тысяч рабочих? – поразился Лятурнер. – Мы всегда считали, что на дороге шестнадцать тысяч.

– Я тоже так считал. Но рабочие разбежались. А каждого тянуть на работу за воротник я не могу...

Тогда в Мурманске были закрыты все хлебные лавки. Но стачка продолжалась.

Комлев пришел в мурманскую контору Совжелдора, где верховодил Каратыгин. Вынув нож, чекист обрезал провода телефона.

– Ежели ты, гнида, – сказал он протрясенному Каратыгину, – хоть пикнешь, то я тебя... Созывай свою говорильню!

Комлев выступил с речью, – он не мастер был говорить.

– Еще они не победили, – сказал Комлев, свистя простуженными бронхами. – Еще мы победители! Советскую власть так не спикнешь, как вагон под откос... Я предлагаю: собрать честных людей, аскольдовцы пойдут за нами, грохнуть из главного калибра. И пойти прямо на Кемь, вдоль полотна, чтобы освободить наших товарищей... Кто против?

– Мы! – ответили из-за спины, и Комлев испытал страшную боль, когда ему вывернули руки назад.

– Кто же это «вы»? – кричал он, склоненный, стоя на сцене барака и глядя в зал, где измывались над ним мурманские совжелдорцы. – Кто же это вы такие, что против? Так сдержите тогда красный флаг с крыши – не позорьте его... Вам смешно? Но, погодите, я еще не все сказал... Я плюю на вас, вот так!

И он плюнул в этот продажный зал, где щерились, под масть Каратыгину, предатели. И тогда его потащили в «тридцатку».

Поручик Эллен уже поджидал его и встретил даже приветливо:

– Коллега, позвольте вам представить моего секретаря Хасмадуллина... Удивительный тип! С одного удара вышибает четыре зуба. У вас зубы-то очень хорошие.

Комлев посидел. Подумал. И усмехнулся:

– Зубам моим позавидовал? Так я тебе все зубы здесь на столе и оставлю... Не жалко! На, бери...

И вынул вставную челюсть. Положил ее перед поручиком.

– Мне настоящие зубы еще в девятьсот пятом году при полицейском участке выстегали. По причине вполне уважительной: потому как я был забастовщиком, и сейчас... Ну что сейчас! – И Комлев встал. – Я ведь знаю: живым мне не быть...

Хасмадуллин закинул сзади звериную лапу, сдал Комлева хваткой под горло и потащил вдоль длинного коридора.

Мимо проходила секретарша, посторонилась:

– Мазгутик, кого это ты потащил?

– Самого главного... Добрались!

Комлева не убили. Небольсин встретился с ним еще один раз, но уже в другом месте...

Не дай бог никому такой встречи!

Женька Вальронд спросил у Спиридонова:

– Вы и есть эта самая ВЧК?

– Да. Что вам, гражданин, надобно?

Мичман сел, не дожидаясь приглашения.

– Значит, – спросил снова, – вы и есть тот самый, который карает и так далее?

Спиридонов потянул на шинели своей пуговицу: пора пришить.

– Гражданин, – сказал, – или дело, или выматывай!

Вальронд закинул ногу за ногу. Носок мичманского ботинка еще хранил блеск, но подошва была отбита начисто и болталась длинным, несуразным языком, усеянным изнутри гвоздями-зубьями.

– Я взволнован, – признался мичман. – И должен объяснить вам все по порядку...

– Давайте по порядку, – согласился Спиридонов.

Женька Вальронд глубоко вздохнул и начал с чувством:

– Весной этого года я провожал одного покойника, слишком для меня дорогого, на кладбище. Была чудесная погода, и душа ликовала в предвкушении близкой выпивки...

– Прошу конкретнее! – остановил его Спиридонов.

– Вот вы, большевики, не терпите лирических отступлений. А ведь это очень важно.

– Некогда, – сказал ему Спиридонов.

– Понимаю. Тогда лирику отодвинем. – Вальронд поднялся и шаркнул по полу оторванной подошвой. – Предлагаю себя Советской власти в качестве кадрового артиллериста. Бог все видит: я, ей-ей, был неплохим плутонговым на крейсере.

– Садитесь. – И Спиридонов усмехнулся забавности этого молодца. – Чем, – спросил он, – вы руководствуетесь в своем желании служить Советской власти?

– Исключительно декретом Ленина.

– Так. А что вы делали в семнадцатом, мичман?

– Да как сказать... – смутился Вальронд. – Семнадцатый год я посвятил одной немолодой женщине. В толстой книге «Весь Петербург» она значилась как почетная гражданка Санкт-Петербургской губернии.

– Точнее?

– Можно и точнее: я охранял ее имущество от засилия диктатуры пролетариата...

– А ты, мичман, весельчак, – прищурился Спиридонов и подумал: «Мы, наверное, одногодки». – Почему же не обратился ты в губком? В военком? А сразу ко мне?

– Честно?

– Только так и надо.

– Хорошо. Скажу честно. Я решил заглянуть в пасть самого страшного зверя – прямо к вам. Если меня уж и здесь не расстреляют, дальше я как-нибудь и сам выгребусь...

Спиридонов громко расхохотался:

– Это действительно честно сказано... Только вот, товарищ, моря у нас здесь нету. Артиллерии кот наплакал. Да и скажу на твою честность не менее честно: сбежишь ведь!

– Кто?

– Да ты и сбежишь от нас, мичман.

– Куда?

– На Мурман... как и все... к англичанам! Там тебе и море, там тебе и артиллерия. А я тебе даже закурить не могу дать...

Женька Вальронд поспешно стал расстегивать китель.

– Если ты такой бедный, – сказал, – так я тебе дам закурить. – И потянул из-под кителя длинный шнур аксельбанта, перевитый золотой канителью. – Кстати, такой кнут видели? – спросил.

Спиридонов хлопыстнул жгутом аксельбанта по столу.

– Много вас таких, – ответил раздраженно. – Место получают, паек наш едят, а с первым выстрелом – бегут... к своим!

– Бывает и такое, – поддакнул ему Вальронд. – Но вот этот кнут я носил как раз на Мурмане, будучи флаг-офицером связи. Следовательно, я уже имел место. Имел шикарный паек. Но бежал-то я в обратную сторону. И если хочешь знать правду, то первый выстрел по англичанам – за мной! Вот, полюбуйся...

И он расправил перед Спиридоновым удостоверение, подписанное генералом Звегинцевым, а там было сказано: мич-

ман Е. М. Вальронд командирован флагманским артиллеристом на батарее острова Мудьюг, что расположен на подходах к Архангельску, в личное распоряжение адмирала Викторста...

– И какое задание? – спросил Спиридонов, напрягаясь.

Ответ Вальронда поразил чекиста:

– Когда британская эскадра пойдет на Архангельск, я должен сделать так, чтобы батарее ни разу не выстрелили.

Спиридонов с минуту сидел молча. Резко встал. Врезал ножом буханку хлеба. Огурец выложил. Два яйца вареных. Соль развернул в бумажке. Подумал – и вытянул из-под стола бутылку с мутной самогонкой.

– Такую марку пьешь? – спросил. – Чем богаты, тем и рады... Ну, а теперь ешь-пей и рассказывай, как до нас добрался. На Мурмане все уверены, что ты отбыл на Мудьюг?

– Да. Отбыл на Мудьюг. А как добрался... смотри! – И с гордостью показал оторванную подошву. – За Кандалакшей мосты уже взорваны. Щебенка острая. Где пешком, где на кобыле, где на подкидыше. Вот добрался. И... что я вижу? – Вальронд взялся за бутылку. – Русский «мартель», просто не верится... обожаю! А ты, отец-чекист, не ковырнешь со мной за компанию?

– И ковырнул бы. Да, понимаешь, некогда.

– Понимаю. Стоишь на страже ревдита.

– Что это такое?

– Революционная бдительность. Сокращенно! Ваше здо-

ровье...

Не чинясь, Женька Вальронд съел огурец и два яйца, оставив Спиридонова на весь день голодным. Так же исправно осушил полбутылки, но оставался трезв, аки голубь.

– Здоров пить, – заметил Спиридонов.

– Привычка флота. Мы негибаемые люди... Хочешь анекдот?

– Валяй. Только повеселее.

– Зима в Кронштадте сто лет назад – не приведи бог! И вот доблестные офицеры флота, сильно тоскуя, решили выпить все вино, какое было в Кронштадте. И выпили... за одну ночь! Весь зимний запас вина! После чего участники этой героической пьянки получили особые ордена и стали «кавалерами пробки».

– Ну-у? – не поверил Спиридонов.

– Точно так. Причем винная пробка носилась ими на Владимирской ленте. И вот я, просматривая журнал «Русская старина», в числе этих кавалеров обнаружил и своего дедушку... Каково?

– Иди отсыпаться, – сказал Спиридонов, пряча бутылку.

Вечером он пришел в казарму бойцов охраны, разбудил мичмана.

– Выйдем, – предложил. – Разговор имею...

Они вышли на крыльцо. Над крышами Петрозаводска ветер ломал ветви деревьев, березы вытягивались метелками.

– Я думал, ты так... мичман и мичман... А ты, оказыва-

ется, важная птица с Мурмана! Пока ты спал, я позвонил в Петроград, и тебя просят доставить в ВЧК. Так что бери свои бумаги, дрезину я тебе приготовил. И езжай как барин... Ну, будь!

Спиридонов помолчал немного и добавил:

– Хороший ты парень вроде! Только извини, брат, мне велено к тебе приставить конвой...

Через восемь часов, прямо с дрезины, Вальронд был доставлен на Гороховую, 2, в бывшее помещение санкт-петербургского градоначальства, где теперь размещалась Петроградская ВЧК. Всю дорогу мичман сильно нервничал. Его сразу же провели в комнату для допроса, и незнакомый человек спросил:

– Ваш переход на сторону нашей армии не обусловлен ли какими посторонними обстоятельствами?

– Нет.

– Не было ли у вас родственников, когда-либо примыкавших к народовольцам или иным революционным организациям?

– Нет.

– С программой нашей партии и политикой Ленина знакомы?

– Нет...

Человек за столом вздохнул, тяжело и протяжно.

– Что ж, – сказал, доставая бумагу, – тогда приступим по всем правилам... Итак, вы присутствуете перед Всероссийской Чрезвычайной Комиссией. Мы предупреждаем вас, что вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайной следственной комиссией, не давать нам ответов на те или иные вопросы. Вам также принадлежит право вообще не давать ответов на наши вопросы... Вопрос первый: вы – мичман Вальронд?

– Да, я – мичман Вальронд.

– Вопрос второй: назовите ваш возраст.

– Погодите, дайте сообразить, – растерялся Вальронд. – В Тулоне мне было двадцать пять лет, значит, сейчас – двадцать семь.

– Позвольте так и записать?

– Да, пожалуйста, так и запишите: мичман Евгений Вальронд, в возрасте двадцати семи лет, бывший носовой плутонговый крейсера «Аскольд», бывший флаг-офицер связи при интервентах на Мурмане, явился добровольно для службы на стороне Советской власти...

Глава пятая

Англия, Ньюмаркетский лагерь близ славного Кембриджа, неподалеку – Гринвичский меридиан, не менее знаменитый.

Красная черепица коттеджей, красный кирпич офицерских казарм, красный песок на дорожках и строевых плацах, красные розы за изгородью. Офицеры же – белые.

Так все выглядело вкратце. Подробности же таковы.

Стоило Небольсину ступить на землю Британских островов, как он сразу почувствовал себя устойчивее, нежели на земле Европейского материка. Беспощадная подводная война, которую вели немцы (ее называли «неограниченной»), не смогла довести Королевство до голода, и англичане имели если не всё, то почти всё.

Небольсин был невольно подкуплен распорядком и деловитым темпом жизни на Островах: люди здесь говорили спокойно (и только о главном); каждый англичанин твердо знал свои обязанности; веря в победу Англии, британец был уверен и в том, что его жизнь нужна для этой победы...

Чудеса начались сразу, как только Небольсин сошел с военного парома. Без мотания по кассам, без поисков начальства его быстро провели в нужный вагон, и поезд сразу тронулся. Быстро и бесшумно – без гудков. И никто не бежал за поездом вслед, тряся чемоданами: здесь люди не умели опаздывать.

– Кембридж, Ньюмаркет, – объявила проводница, оторвавшись от чтения газеты, и прямо направилась к Неболь-

сину: – Вам следует сойти именно здесь. Прошу вас, сэр!

Он был еще страшен и оборван. Но сон продолжался...

Длинный коридор склада уходил вдаль, словно кавалерийская конюшня. И вдоль всего цейхгауза тянулся гладкий прилавок. Виктор Константинович шагнул в прохладу помещения, и сразу женщина сняла с него мерку по талии. Другая вежливо обмерила ему череп. Третья спросила о размере обуви. Тут же ему подогнали по фигуре новую форму, и Небольсин сразу помолодел, подтянулся.

Снова почувствовал себя воином – бойцом великой России. И пусть мундир не русский, а британский френч: не в этом дело, казалось Небольсину, и он с радостью продолжал досматривать этот чудесный английский сон...

Цейхгауз протянулся на полверсты, и казалось, ему не будет конца. Небольсина последовательно снаряжали: наручный компас, пистолет в элегантной плоской кобуре, полевая сумка, офицерский несессер, в котором было все – от куска туалетного мыла до пилки для подравнивания ногтей.

Вот уже и конец длинного сновидения.

– У русского офицера есть часы? – спросили его в самом конце длинного прилавка.

– Нет, потерял, – сказал Небольсин.

На самом же деле он их проел. И ему дали часы, затянутые сеткой от ударов в бою. На выходе встретил офицера любезный парикмахер, и Небольсин расстался со своей бородкой «буланже».

– Как зачесать вам волосы?

– Пробор...

Ему сделали точный пробор английского джентльмена, указали номер казармы, дружески хлопнули по плечу:

– Теперь русский офицер готов хоть сейчас на Москву.

– Готов, – ответил Небольсин и с забытым удовольствием вскинул руку к козырьку.

– Я буду в Москве... непременно!

Волоча тяжелый парусиновый чемодан, набитый новенькими вещами, Небольсин даже не верил, что это он... Опять он!

В прохладном коттедже казармы виселись в три этажа кровати, уже застланные свежим бельем, повсюду царил порядок, гуляли приятные сквозняки, и одинокий хорунжий с босыми пятками играл на гитаре.

Вянет лист, проходит лето,

Иней серебрится.

Юнкер Шмидт из пистолета

Хочет застрелиться:

Пиф-паф!

В паузе между куплетами Небольсин спросил:

– Где будет моя койка?

– Не мешай! – И, шевеля пальцами ног, словно ему сладостно чесали пятки, хорунжий брызнул по струнам. – Слушай, Кембридж, слушай:

Погоди, безумный, снова
Зелень оживится,
Юнкер Шмидт, честное слово,
Лето возвратится.
Чик-чирик!

– Тебе чего? – спросил хорунжий, оставив гитару.

– Где мне придется спать?

– А вон... кидай чемодан на эту. Как раз вчера юноша Чеботарев благородным выстрелом в висок покончил счеты с земной юдолью, и я так думаю, что сегодня он уже не придет ночевать.

Небольсин закинул чемодан на койку самоубийцы.

– Много здесь наших?

– С тысячу будет. Даже бабы есть. Первый сорт бабы, и что мне в них нравится, так это то, что они с нас за удовольствие деньгами пока не берут... А ты откуда?

– Из-под Салоник? А – вы?

– Я подальше, – ответил хорунжий. – Прямо из Багдада!

– Тоже неплохо, – хмыкнул Небольсин. – А что у вас там было, в Месопотамии?

– Было дело. Как под Полтавой. Мы попробовали соблюдать там единство действий, согласно формуле мсье Бриана.

– И чем закончилось?

– Закончилось тем, что все разбежались. Англичане, конечно, остались. Но мы, гордые сыны великой России, рас-

теклись по миру в изыскании праведных путей в несправедливое отечество.

Небольсин присел рядом, тронул тихие струны гитары.

– Да, – призадумался, – проклятые большевики испортили русский дух. Им это еще зачтется... А где же все господа офицеры?

– Где же им быть, как не в баре?

– Оно верно. Я бы тоже выпил... Только – с чего?

Хорунжий подскочил:

– Судя по всему, ты еще фунты от англичан не получал?

– Нет.

– Так чего же ты сидишь здесь?

– А чего ты сидишь?

– Я уже свои пропил. Пойдем и пропьем теперь твои...

Нечитайло (так звали хорунжего) потащил Небольсина в канцелярию, где тот незамедлительно обзавелся двумя фунтами, – немалые деньги для начала. Но сон, видимо, еще продолжался: хорунжий подсказал, что два фунта – это только за одну неделю.

– Так что, – сделал он вывод, нежно обнимая Небольсина, – ты не копи денег. Слава богу, дорвемся до матушки-России, там-то уж все будет бесплатно!

В баре пол усыпан чистыми опилками. Вкусно пахнет вином и пивом. Орава пьяных офицеров всех мастей и возрастов встретила Небольсина, как новенького, диким ревом:

– Господа, господа! Штрафную ему... пусть догоняет!

Сильные руки подхватили Небольсина и воздели над головами. Ему всучили большой бокал и стали плясать, опрокидывая стулья и посуду:

– Пейдодна, пейдодна, пейдодна...

Последние капли из бокала Небольсин стряхнул на лысину генерала Скобельцына, и его снова поставили на ноги.

– Рассказывай! Откуда?

– Был в Особой... из Салоник – пешком!

Флотский офицер поцеловал его взасос – пьяным поцелуем.

– Черт! Но откуда я вас знаю?

– Наверное, – ответил Небольсин, – если вы были театралом, то я вам запомнился по сцене. Когда-то я играл.

– Нет. А в Тулоне вы не бывали?

– Бывал. На крейсере «Аскольд».

– Верно, – сказал моряк. – Честь имею: старший офицер крейсера «Аскольд». Мне удалось спастись, и теперь я стал умнее. Теперь, только бы добраться до Сибири, я буду с матросами поступать так: завернул в мешок, запечатал, «Господи, благослови!» сказал и – бух в воду!²

Небольсин поднял бокал с вином.

– Сибирь... – И задумался. – Господа, но при чем здесь Сибирь? Нам сначала нужны Петербург, Москва, Киев...

² Сведения об этом человеке, сыгравшем черную роль в тулонской трагедии, теряются в Бразилии, где бывший старший офицер «Аскольда» влачил жалкое существование эмигранта на должности мелкого клерка британского страхового общества.

Стаканы звонко брякались о его бокал.

– Нет! Англичане готовят нас для Сибири. Надо слушать-ся: они лучше нас знают все, что творится в мире. И на Москву мы придем через Урал... Виват! Салют! Урра-а!

Какой-то полковник жарко дышал в ухо Небольсину перегаром:

– Даю вам слово... Точные сведения, я ими обладаю. Скоро адмирал Колчак станет императором – Александром Четвертым, и нам необходимо признать... признать... признать...

– Бредите, полковник?

– Не верите? Так будет... Самые точные сведения!

Из этого пьяного хаоса и сумбура мнений Небольсин (пока он был еще трезвым) уяснил одно: вся эта орава, сбежавшаяся в Ньюмаркет, еще не имеет определенной, четко выраженной идеи. Но зато она имеет цель – борьбу против большевизма, и это Небольсина вполне устраивало сейчас. А потом он напился как свинья и больше ничего не помнил...

Проснулся. Было рано. По белому потолку скользили солнечные блики. Проехал где-то автомобиль. Ветер раздувал кисею занавесок на окнах, и пахло гвоздикой.

– Хорунжий! – хрипло позвал Небольсин дремавшего рядом с ним Нечитайло. – Что вчера было, хорунжий?

– Вчера? – очухался тот. – Вчера ты читал монолог Чацкого, и никто тебя не понял, кроме моей возвышенной души.

– А как я дошел?

– Мы здесь сами не ходим. Нас водят сержанты полевой полиции.

– Черт! Но я помню, – сказал Небольсин, – что была еще какая-то женщина... рядом!

– Вот видишь, – заметил Нечитайло, – ты крепче меня на выпивку. Ты даже женщин помнишь... А я как дорежусь до полиции, и больше... никогда и ничего!

В казарме пробуждались офицеры.

– Небольсин! Вставайте... Пойдем получать фунты.

– Но я вчера уже получил.

– Неделя-то кончилась. Сегодня можно опять «пофун-
тить»...

Виктор Константинович отправился в канцелярию, получил еще два фунта (непонятно за что?), и там ему сказали:

– Оказывается, вы еще при Керенском были представлены к званию полковника. Мы проверили – этот приказ затерялся... Позвольте поздравить вас с новым чином, а погоны русского полковника вы можете приобрести в лавке колониальных товаров...

Скоро англичане забили в барабан, и бар стали открывать только под воскресенье. Юный барабанщик бил на рассветах, будя для занятий; тугая шкура барабана колотила тишину под самыми окнами, взбадривая ленивых. Юные по-

ручки и старые генералы, сварливо ругаясь из-за места в шеренгах, неряшливой колонной маршировали в столовую: завтрак, ленч, обед, ужин, – жрать захочешь, так будешь маршировать как миленький...

Был обычный день, и Небольсин в кругу офицеров выскребал ложечкой из стакана остатки компота, когда генерал Скобелцын выглянул в окно и обозленно крикнул:

– Англичане совсем обнаглели! Еще чего не хватало, чтобы большевиков сажали за один стол с нами...

В столовую вошли: прапорщик женского батальона, скромная девица в гимнастерке, в штанах и обмотках, пышнокудрая, а следом за нею, волоча ноги и опустив голову, – полковник Свищов.

– Свищов! – закричал Небольсин, вскакивая. – Полковник Свищов, как вы сюда попали?

Забыв про еду, Виктор Константинович подошел к столу, за которым – отдельно от других – сидели «большевики». Свищов разломил кусок хлеба в тряских пальцах и едва не заплакал:

– Виктор Константинович, скажи хоть ты... Ты ведь меня знаешь! Ну какой я к черту большевик?.. Спятили они, что ли?

– Вы... арестованы? – спросил Небольсин в полном недоумении и поглядел сбоку на девицу-прапорщика; придвинув к себе тарелку с овощным супом, она стала есть, замкнуто и спокойно.

– Ну да! – рассказывал Свищов. – Меня тут как барана... да хуже барана! И теперь, говорят, отвезут в Сибирь, чтобы сдать тамошней контрразведке. Конечно, англичане рук пачкать не желают. Но какой же я большевик? Вот госпожа Софья Листопад (полковник показал на девицу), она, кажется, и правда – грешит по малости... А я-то при чем?

Небольсин еще раз пытливо глянул на госпожу Листопад. Девушка принялась уже за жаркое. По тому, как она держала нож и орудовала вилкой, Небольсин точно определил, что женщина эта из интеллигентной семьи.

– Полковник, – спросил Небольсин, волнуясь, – но ведь что-то вы сделали такое, что дает право обвинять вас в этом?

Свищов ответил:

– Дорогой мой! Я... устал. И в башке у меня что-то отвинтилось. Я не большевик, нет. Но я считаю, что Ленин поступил все-таки правильно, закончив войну. Я сказал тогда, что мы умеем убивать, но воевать мы разучились. Вот, а мне заявляют, что я проникнут германским духом... что я большевик... чепуха!

Небольсин поднялся над обеденными столами.

– Господа! – объявил он громко. – Я знаю полковника Свищова по фронту как верного солдата России, это ошибка. Генерал Скобелецын требовательно постучал ложкой:

– Небольсин! Вы не в театре... Сядьте!

Виктор Константинович опять взялся за компот.

– А что с ними будет? – спросил у соседей.

– Поедут с нами на родину. Если нас большевики стреляют, то почему бы и нам не повесить этих... если они большевики!

– И девицу?

Пламенный грузин Джашвили, когда-то сотник из конвоя его императорского величества, сверкнул отличными зубами.

– Па-а-алнагрудый батальон... – сказал со смехом. – Дали бы ее мне, и я бы мигнул казачатам. В кусты – хором ее! Забыла бы думать про свой большевизм.

Небольсин вспыхнул:

– Сотник! Вы не имеете права говорить так о женщине, о русской женщине, которая в час опасности для родины встала под знамена и надела эту серую солдатскую гимнастерку!

– Все они... – выразился Нечитайло, и Небольсин понял, что напрасно будет метать бисер перед свиньями: здесь отношение к женщине только одно...

За отдельным столом, отобедав, поднялись двое – всеми презируемые полковник Свищов и прапорщик женского батальона; отвратительно шаркал ногами униженный полковник, и совсем спокойно прошла девушка... На фоне солнечных распахнутых дверей, среди красных бутонов шиповника, она вдруг показалась Небольсину удивительно женственной, и даже эти обмотки на ногах ничуть не портили ее облика.

– Как ее сюда занесло? – спросил он.

– А черт ее знает... Вон, вон! – стал показывать Нечи-

тайло. – Видишь, катится сюда бочка с фамилией под стать бочке, Бочкарева Машка, это и есть командир бабьих «ударников», которая охраняла Керенского... Бежала сюда через Финляндию!

– А что она здесь делает?

– Э-э, брат, ты нашей Машки еще не знаешь. Наша Машка получает от англичан фунтиков больше нас с тобой. Хотя мы, брат, всю войну фронт держали, а она даже Зимнего дворца удержать не сумела... Взял бы я ее за ногу да размотал как следует!

С другого конца столовой вошла толстая накрашенная молодуха с широким лицом крестьянки; на выпуклой груди ее бренчал бант солдатских Георгиев. Взглядом, тупым и упорным, она обвела лица офицеров, которые помоложе. Джигашвили, пламенный грузинский дурак, подбоченился, как для свадьбы...

Эта сцена отдавала чем-то порочным, и Небольсин отвернулся.

– И за что же она получает больше нас? – удивился он.

– А за то, стерва, что ведет здесь, в Англии, как крестьянская демократка, агитацию за активное вмешательство союзников в дела России. Может, ей и надо платить побольше... Об этом, Небольсин, спроси не у меня, а у министра Черчилля! Мы умеем только убивать, и за это нам – два фунта... Спасибо! Мы люди не гордые, берем не отказываясь.

Немецкая армия уносила из России в свой родной фатерлянд не только шпик, холстину, уголь и сало, – под стальную каску Фрица западала мысль о солдатских Советах, сама идея обращения войны империалистической в войну революционную.

Перелом в борьбе на Западном фронте уже обозначился – резко, и до Ньюмаркета, где несуразным скопищем засели русские белогвардейцы, доходили слухи, что фронт надвигается на Германию, что немцы уже сыты войной по горло и кричат тем, кто еще сидит в окопах: «Штрейкбрехеры! Вам мало досталось?...» Как ни странно, настроение от этих вестей в Ньюмаркетском лагере было подавленное.

– Мир воспрянет! – говорил со злостью. – Но что Россия? Ограбленная, голодная, изнасилованная, – ей не бывать на пиршестве всеобщей победы. Большевики свой мирный пирог слопали еще в Брест-Литовске, и Россия разодрана на куски.

– Вешать, вешать! – горячо ратовал Джашвили. – К чему разговаривать, надо вешать... Это очень хороший способ!

По вечерам жутко и мрачно резались в карты. Озлобленно шмякали на стол истерзанные картишки. В соседнем котедже однажды раздался выстрел – прихлопнули шулера. Англичане начали следствие. Но офицерская община рьяно

вступилась:

– Не лезьте в русские дела! Еще чего не хватало, чтобы вы нам указывали – кого можно, а кого нельзя убивать. У нас свои законы – российские: за шулера нам ничего не будет...

Сон – волшебный сон! – постепенно рассеивался, и Виктора Константиновича мучила тоска. Он сделался нелюдим и резок. В один из дней английский комендант лагеря объявил, что охрана большевиков – дело самих русских: пусть они и несут посменно дежурство. Однако желающих дежурить не находилось.

Долго препирались в коттедже:

– А ну их к бесу – не убегут. Мы, русские офицеры, не станем унижать себя полицейскими обязанностями. Это нам не пристало... Хорунжий, чего задумался? Рвани злодейскую!

Нечитайло – уже хмельной – вскинул гитару, сипло запел:

Ей чернай хлэб в абэд и ужын
Ея штраштей нэ усыпыт, —
Ей па-а-ачелуй горящий нужэн...

И вся ватага дружно подхватила:

Но нэ в крэдыт,
Но нэ в крэдыт...

Небольсин размашисто спрыгнул с койки.

– Ладно, – сказал. – Я пойду... навещу Свищова.

Англичане не держали арестованных за решеткой. Две уютные комнаты, почти дачные, с выходом в садик: в одной Свищов, в другой – Софья Листопад. К девушке Небольсин, конечно, не зашел, – для начала заглянул к полковнику. Свищов лежал на постели, не сняв обуви, расшвыривал окурки по всей комнате.

– Как в душе, так и вокруг, – сказал он, мутно глянув на Небольсина. – Не подбирай, черт с ними... Когда меня станут увозить, я нагажу им в этом углу громадную кучу. Пусть все знают полковника Свищова, который этого англичанам не простит... А ты чего? Чего пришел?

– Да ничего, – ответил Небольсин. – В казарме тоска смертная. Играют. Поют ерунду какую-то. Вот и... пришел.

– Охраняешь? – насупился Свищов. – Не стыдно тебе?

– Стыдновато, – сознался Небольсин. – Но я, слава богу, не хожу вдоль забора с винтовкой. Я пришел как товарищ. Кряхтя, полковник Свищов поднялся и сел.

– Небольсин, – спросил, – что же это будет с нами... а?

– С тобою выяснится.

– Пока еще до Сибири доберемся... Дай спичку!

Он раскурил папиросу и ткнул пальцем в стенку.

– Витенька, – спросил шепотом, – а вот ее-то как?

– Жалеешь?

– Да так... чисто по-мужски. Все-таки баба! Пропадет по глупости... Ты зайди к ней потом. Она – дикая.

– Мне нравятся дикие.

– Тише ты! Стенка тонкая. Она все слышит...

...Позже Небольсин все-таки зашел к госпоже Листопад.

– Чаю хотите? – предложила девушка. – Я вчера купила электрический чайник. Это смешно, правда? Еду сама не знаю куда, а так уж устроен глупый человек, что обрастает всякими житейскими ракушками... И зачем мне, спрашивается, этот электрический чайник, если в Сибири нет электричества?

В комнате, похожей на келью, царил порядок, присущий русской курсистке: все чистенькое, прикреплены к стенам портреты (тут и неизбежный Блок, со взглядом прокуратора, и Диккенс, и Максим Горький в мятой шляпе). Небольсину вдруг стало так стыдно, так неловко за вторжение, что он растерялся и понес какую-то солдафонскую чепуху...

– Ах, опять эта казарма... – поморщилась Соня. – Отчего вы, офицеры, не бываете естественны? Что за тон?

– А что вы хотите от фронтового офицера?

– Вы мне так не говорите, – ответила девушка. – Декабристы прошли с боями от Бородина до Парижа. Но они после фронта стали... декабристами, а не пошляками!

– Другое время, – ответил Небольсин, поникнув.

Мимо окон коттеджа в пудовых сапожищах протопала Машка Бочкарева, а за нею быстроногой ланью пронесся по клумбам нежно-пламенный грузин Джашвили, соблазнительно напевая:

Весь мир – гостиница, Динжан,
А люди – длинный караван;
Придут – уйдут, придут – уйдут,
Придут – уйдут, придут – уйдут...

– Хи-хи, – ответила «ударница» Бочкарева из кустов жасмина, и все эти звуки, долетавшие в чистоту этой комнаты, налипали на душу, словно грязь...

С большим опозданием Небольсин решил постоять за себя.

– Извините, – сказал, – но я офицер не кадровый. Вы правы, однако: налет этой жизни еще долго будет сходить с меня слоями, словно парша с негодной собаки. – Подумал и добавил: – Я верю: жизнь была бы невыразимо прекрасна, если бы на земле не было человека...

– Как можно?! – ужаснулась девушка.

– Можно! – дерзко отвечал Небольсин. – И не делайте, пожалуйста, таких больших глаз. В жизни каждого бывают моменты, когда он ненавидит все человечество! Вот такой момент как раз переживаю и я. И я не прошу у вас прощения.

– Не надо, – сказала она.

Молчание стало тягостным, и Небольсин заговорил дальше:

– Я ведь когда-то жил очень хорошей и разумной жизнью. Были вот на Руси интересные квартиры... Да, не надо этого слова избегать. Именно не семьи, а – квартиры. Семья – это нечто обособленное, замкнутое. А когда человек владеет

квартирой и открывает ее для всех, кто обладает оригинальностью ума и сердца, тогда...

– Вот у моего папы в Москве как раз и была такая квартира, – сказала Соня. – Я все-таки поставлю чай...

Они пили чай с неизбежным в Англии джемом. Небольсину было очень уютно, и тонкие руки Сони двигались над столом, как взмахи крыл. И он невольно рассмеялся, смутившись.

– Знаете, Соня, ведь это впервые за четыре года я пью чай вот так хорошо и спокойно. Чистая скатерть, присутствие женщины, запахи увядающего сада... Не хватает нам с вами только России! Вы, значит, москвичка?

– Да. Я работала в лаборатории на фабрике гирь и весов Арндта и компании. Может, знаете? Это на Большой Дорогомиловской... Очень хочу в Москву, просто – очень!

Сцепив пальцы, она отвернулась. Кажется, слезы подступили к ее глазам. Небольсин смотрел, как печально провисли на узких женских плечах погоны прапорщика, и думал: «Ведь мы везем ее в Сибирь, чтобы убить... Так ли уж надо нам это?»

Девушка подняла лицо:

– Простите, господин полковник. Вы сами по себе, может, и очень милы. Но по вечерам до меня доносятся ваши голоса, ваши угрозы народу. Вы говорите о России как о каком-то преступнике, которого надо пороть. Убивать... Вешать... Разве не так?

– Пожалуй, вы правы, – согласился Небольсин. – Мы судим о народе резко. Но вы должны понять и нас. Четыре года, в крови и навозе (он содрогнулся), и после этого... Куда? Куда нам идти? Россия нас отвергла. Европа прокляла. Что мы способны еще сделать? Только одно: ворваться в отечество – с бою! Вот за этим мы и собрались здесь. Мы действительно очень злы. Но народ нужно спасти.

– Народ, – сказала ему Соня, – это еще не сумма людей одинаковой национальности. Народ – это скорее сумма идей одного направления. Сейчас идея такая есть – идея создания первого в мире народного государства. И вам не удастся задушить эту идею!

Небольсин промолчал. «Бедная, она не знает, что ее ждет...»

– Ходят слухи, – сказал он потом, – что скоро в Ливерпуль придет какой-то таинственный пароход и первую нашу партию отправят путем Фритьофа Нансена – вокруг России северным маршрутом, через льды... Вы любите путешествовать?

– Люблю, – улыбнулась она. – Это, наверное, будет увлекательное путешествие... во льдах! И как жаль, что льдами все и закончится. Я ведь, господин полковник, хорошо понимаю англичан: там, в Сибири, со мною сделают то, чего англичанам нельзя сделать у себя на родине...

– Я надеюсь, – сказал Небольсин, подымаясь от стола, – что благоразумие восторжествует. Все обойдется. Благодарю

вас за чай, и позвольте пожелать вам спокойной ночи. Всего доброго!

В коридоре ему встретился Свищов, без мундира, в подтяжках.

– Чего же кровать не скрипела? – спросил, хихикая.

Небольсин щелкнул кнопкою на перчатке.

– Полковник Свищов! Хотя вы и мой товарищ по фронту, но в следующий раз за подобные намеки я, простите меня великодушно, дам вам...

– По морде? – спросил Свищов.

– Нет. По харе! – поправил его Небольсин.

Ледокол «Соловей Будимирович» пришел в Ливерпуль, и белых офицеров стали распахивать по палубам и каютам. Близился уже конец войны в Европе, но для них война еще только начиналась – война гражданская, война братоубийственная. Ледокол был давно захвачен англичанами, команда на нем была латышская, а ходил он по морям под флагом Украинской рады (в те времена в Стокгольме размещалась ярмарка кораблей – там продавались и покупались суда русского и военного флота).

В отсеке фор-пика разместили арестованных: Свищова и Софью Листопад. В ожидании «добра» на выход ледокол стоял очень долго на швартовых. Капитан беспокоился: навига-

ция подходила к концу, как бы их не затерло льдами за Диксоном.

– Чего ждем? – волновались офицеры.

Оказывается, ждали даже не погоды. Радиотелеграф принес из далекого Омска известие потрясающее: власть дирекции была свергнута, и над Сибирью выросла щуплая фигура человека в адмиральском мундире, – это пошел на Москву адмирал Колчак!

Тогда пошел и ледокол «Соловей Будимирович». Впереди дальний путь за Диксон, потом из низовьев Енисея спуститься на баржах, прямо в армию, прямо в бой, чтобы через хребты Урала, минуя Ярославль, шагнуть в златоглавую и первопрестольную...

А сейчас мы снова возвратимся на русский север – в самый разгар лета 1918 года.

Глава шестая

Сразу нашлось дело и Павлухину, когда в Архангельске появился этот человек с узким лицом природного интеллигента, с бородкой, в полувоенном костюме, скромный и проныцательный; большевик с большим стажем, издатель трудов Ленина, узник царских крепостей – Михаил Сергеевич Кедров! А весь служебный аппарат, который Кедров привез с собою в Архангельск для установления здесь диктатуры пролетариата, назывался несколько громоздко и странно для мно-

гих: «Советская ревизия народного комиссара М. С. Кедрова».

Ревизия началась как раз с того, на что больше всего за-
рились интервенты в Архангельске, – с многомиллионных
запасов оружия, военной техники, различных порохов и об-
мундирования. Даже окинуть взором эти гигантские храни-
лища было невозможно, – нужен был самолет, чтобы обле-
теть всю грандиозную панораму складов, и Кедров сказал:

– И все это валяется здесь? Под дождями, под снегом?
При том ужасном положении внутри страны?.. Начнем вы-
возить. Павлухин, тебе, как парню боевому, с бескозыркой
набекрень, придется для начала подраться с иностранцами,
которые гуляют здесь как у себя дома...

Дело было ответственное и сложное, ибо склады заборов
не имели, замки можно было пальцем расковырять. И лаза-
ли здесь, среди порохов и техники, кто угодно: англичане,
французы, румыны, белополяки, американцы. Брось спичку
– и фукнет так, что от города плешь останется. Бывший ге-
нерал Самойлов, которого Кедров назначил командующим
всеми сухопутными и морскими силами, внес поправку – со-
всем неутешительную.

– Ты ошибаешься, – сказал он Павлухину, – если дума-
ешь, что плешь от тебя останется. Случись взрыв – и земля
Архангельска, вместе с домами, уйдет к небесам, а на это
место выплеснет Белое море... Россия просто не будет боль-
ше иметь такого города, как Архангельск! Понял? Ну так –

торопись...

Торопились: денно и ночью громыхали составы, вывозя в Котлас и на Сухону взрывчатку – первым делом взрывчатку! Ревизия Кедрова задыхалась без людей: большевиков в Архангельске было мало, а Центр, словно назло, высылал на подмогу специалистов, которым нельзя было верить. Но – за неимением других – приходилось работать и с этими. Угроза взрыва подгоняла людей, и создалось в городе странное положение: коммунисты рука об руку работали в эти дни с офицерами, среди которых было немало белогвардейцев. Особенно старался капитан Костевич – один из лучших артиллеристов России. Комиссар Кедров выхлопотал ему в Москве даже премию в три тысячи рублей...

– Армию! – настаивал Самойлов на собраниях губкома. – Надо создавать армию посредством строгой мобилизации!

А вот армию было не создать. И случилось так, что не командиры командовали полками, а полки командовали своими командирами.

Когда разгрузили склады, вывезя из них главное, Павлухину дали 1-й архангельский батальон – как комиссару. Он явился в казарму, увидел кислый сброд и стал подтягивать людей, но ему сказали – вполне авторитетно:

– Чего шумишь? Ты нашего беспорядка не нарушай...

Кончилось все это бунтом, стихийно ставшим антисоветским. Батальон разоружали, чистили, снова вооружали. И снова он был на грани возмущения. Армии не было. Обра-

тились за помощью в Петроград, и оттуда прислали конный эскадрон ингушей из «дикой дивизии»; командовал этим эскадром ротмистр Берс – весьма нахальный тип, выдававший себя за левого.

– Я левый! – говорил Берс убежденно, но какой «левый» – времени тогда разбираться не было.

Прибыл из Петрограда и опытный штабист полковник Потапов, работавший еще при Керенском военным советником. Ему поверили – и Кедров, и Самойлов, и гарнизон. Не верил Павлин Виноградов.

– Птичка, – говорил Виноградов, – упорхнет...

Потапов сразу же удалил Павлухина из батальона.

– Вы не умеете руководить людьми, – сказал он.

Это было обидно, но отчасти и справедливо. От казармы у Павлухина осталось мерзостное впечатление; один запах портянок приводил его в бешенство. Чистоплотный, как большинство матросов русского флота, он не выносил смрада полковой кухни, роскошных чубов, завитых щипцами, вечернего кобелячества и утреннего похмелья... «Это не армия!»

Вопрос о создании армии в сотый раз перемалывали на собраниях.

Самойлов стоял на своей точке зрения – еще старой:

– Армия нужна не такая, что кто захотел – тот и пришел. Не волонтеры! Нужна армия по мобилизации...

Убедил. Объявили мобилизацию.

Военком Зенкович доложил:

– Товарищи, в армию никто не идет.

– Нужно взять, – жестко ответил Виноградов.

Когда попробовали взять, начались бунты. И самое опасное волнение – в Шенкурске. Правда, к бунтам уже привыкли: Архангельская губерния по числу антисоветских восстаний занимала первое место в Союзе коммун Северной области. Изнутри губернию подымали на бунт, словно дрожжи густую опару, эсеры различных оттенков – как правило, из народных учителей; сами вышедшие из мужиков, они пользовались громадным авторитетом в деревне.

Час решающего удара был уже близок, и в один из дней бывший генерал Самойлов поднялся за столом губкома:

– Одно сообщение. Короткое. Позвольте?

Ему дали слово, и он объявил:

– Сегодня на рассвете мне снова предложили с Мурмана предать оборону Архангельска и перейти на сторону интервентов. Причем переговоры со мною вел опять генерал Звегинцев.

Кедров помял в руках бородку, спросил одним словом:

– Когда?

– Не знаю, Михаил Сергеевич, – ответил Самойлов. – Генерал Звегинцев не дурак, и он, конечно, не проговорился о сроках наступления англичан.

– Хорошо, Алексей Алексеевич, – сказал Кедров. – Товарищи, продолжим совещание...

А после совещания стремительный Павлин Виноградов нагнал Павлухина в коридоре исполкома.

– Собирайся, – велел. – Начинаем отбирать землю у попов. А в Шенкурске восстание растет. Боюсь, что снова придется подавлять силой оружия. Эсеры – люди крутые...

Выехав в губернию, Павлухин не утерпел и на часок заехал в Вологду, чтобы повидать Самокина.

Когда Савинков – вслед за чехами – поднял восстание в Ярославле, Муроме и Рыбинске, эсерам не удалось перекинуть искры пожара на вологодские крыши, – планы сбились: англичане еще не высадились в Архангельске, и мятеж был подавлен.

– А у нас в Вологде, – рассказывал Самокин, – не как у вас: здешний рабочий встал как стенка. Из пушки не прошибешь! Не посмотрели, что и послы под боком. Ввели осадное. Ходить по улицам не смей, как стемнело между волком и собакой. Вот и не удалось им притащить Вологду к Ярославлю!

– Ну а дипломаты? – спросил Павлухин.

– Сидят?

– Сидят. Как гвозди.

– Ну и что дальше?

– Ничего. Мы люди вежливые, гостеприимные. Потихо-

нечку мы их из Вологды выдавливаем. Засиделись, мол, пора и честь знать...

– А куда их? В Москву выдавите?

Самокин провел по усам.

– С ума ты сошел! – ответил Павлухину. – Как можно дипломатам указывать? Это народ особый: куда хотят, туда и поедут... Так вот, в Москву-то они, кажется, и не собираются. Им сейчас, на мой взгляд, больше архангельский климат подходит. Теперь, Павлухин, положение создалось такое: миссии заявляют, что они и согласны бы убраться отсюда, но, понимаешь, говорят так, что нету у них прислуги, которая бы чемоданы им увязала. Дотащить дипбагаж до вокзала тоже ведь нелегко.

Самокин говорил без улыбки, но за всем этим скрывался юмор. Тогда Павлухин встал и поплевал себе на ладони:

– Такелажное дело знакомо. Хочешь, я им помогу? Черт с ним, даже на чай не возьму, а все сундуки допру до вагонов!

– Не надо. У меня уж есть бой-команда. Из балтийцев! Коли нужно, так они из-под черта голыми руками горящую печку вынесут. Придет срок, и они мне этих дипломатов – как пушинку... На воздушях! Даже земли не дадут ногами коснуться! Выпрут!

В разговоре со старым другом Павлухин рассказал о поручении, какое ему выпало: наблюдать за раздачей поповских земель тем, кто мобилизован в Красную Армию...

Самокин поразмыслил.

– Ты это серьезно? – спросил.

– Вполне.

– А кто поручил тебе это?

Павлухин назвал Павлина Виноградова.

– Павлина я знаю. В его преданности никто не сомневается. Но он слишком горячий человек. И рубит зачастую сплеча... То, что он тебе посоветовал, политическая ошибка. Дом горит, а он шапку примеряет. Не выполняй этого приказа, Павлухин!

– Теперь я тебя спрошу, Самокин, – ты это... серьезно?

– Вполне. Когда в России делили громадные пространства помещичьих угодий между крестьянами, это имело революционную цель. Это доказывало народность нашего дела. А теперь оцени положение здесь... Помещика в этих краях и во сне не видели. Барства никогда не знали. Тебя, как большевика, будем говорить прямо, они не уважают. А священника – да, уважают. И у попа... Ну, сколько у попа земли? Как у богатого мужика, – верно ведь? Не больше! И вот является такой Павлухин в бескозырке набекрень и начинает делить... А кто ты такой? Не веришь ты мне? Тебе кажется, что Самокин осторожничает? Что ж, я могу ответить тебе: мы во многом совершаем ошибки. Мы, свершив великую революцию, торопимся в один месяц сделать все то, что можно спокойно разложить на труд целого поколения. От этого и ошибки, и левизна. И... кривизна! Хорошо, – закончил Самокин, – попробуй делить. Я посмотрю, что у тебя получит-

ся.

Распростились они холодно.

– На всякий случай – прощай, – сказал Самокин. – Я занят. Кручусь как белка в колесе... Вот и сейчас надобно подготовить здание для приема Кедрова и штаба Самойлова в Вологде.

– Как? – удивился Павлухин. – Из Архангельска... сюда?

– А вот так и будет. Положение сейчас аховое. Штабы переносятся в Вологду. А дипломаты – в Архангельск. Мы ближе к Москве, они ближе к интервенции. И когда пробьет час – еще неизвестно. Но как только моя бой-команда начнет вязать чемоданы дипломатам, значит – петушок пропел: война...

...Скромная церквушка на косогоре, а возле раскрытых дверей ее – три гроба, плохо оструганные. Павлухин соскочил с телеги, снял бескозырку, подошел.

– Вечная память! – сказал. – А что тут случилось?

– Да топорами один другого перестукали.

– За что же?

– Да приказ такой вышел: поповскую землю делить... Вот они и поделили ее. Каждому теперь ровно по аршину досталось.

В одной деревне поповскую землю забрал себе богатый мужик, и пришлось трясти наганом, забирая ее обратно. А в другой деревне – сразу пять дезертиров из Красной Армии (узнали, что им земля полагается, и рванули по домам, толь-

ко пятки засверкали); пришлось Павлухину забрать у них и землю и винтовки. И теперь вся мужицкая жадность, вся ее тщета и злоба, до времени затаенные под спудом кулака станового пристава, вдруг прорвались наружу. Павлухин понял, что Самокин был прав: раздел поповских земель взбаламутил губернию, посеял раздоры, и это как раз в такое время, когда вот-вот жди удара...

А еще в одной деревне – девушка, с глазами синими. Дочь священника. И сам священник – старенький попик захудалого прихода.

– Ну, рвите! – сказал он Павлухину, чуть не плача.

А на полках – книги юной поповны: Чернышевский, Пушкин, Есенин, Герцен и Плеханов... «Как рвать?» Павлухин вырос в деревне, ему с детства памятны леса и поля вымершего рода дворян Оболмасовых. Там – да, было что делить! А здесь...

Дочь священника сбегала на огород, нарвала луку с грядки, сбрызнутой веселым дождиком.

Павлухин взял ложку и склонился над ботвиньей.

– Я неверующий... – буркнул, потупясь.

– Я тоже, – сказала девушка, и глаза ее полыхнули такой яркой синью, так глубоко запали в душу.

– А я верующий, – произнес попик. – Бог все видит. Рвите!

– Ну и бог с вами, – ответил Павлухин. – В деревне без огорода разве проживешь? Я понимаю...

С киота он перевел взгляд на книжную полку.

– А вы любите классиков? – спросила девушка.

– Уважаю, – ответил Павлухин. – Даже очень уважаю.

– Странно, – заметила поповна. – А вот до вас был один большевик тут. Так он говорил, что все классики дворяне и коммунисту читать их не к лицу.

– Так он дурак был! – сказал Павлухин и закусил краюху.

– Не уверена... – задумалась поповна.

Попик подкрутил фитиль лампы, чтобы виднее было, и спросил матроса в упор:

– Ты мне, полосатый, зубы тут классиками не заговаривай. Отвечай как на духу: когда рвать станешь – утром или поужинав?

– Да не буду я вас рвать. Чего мне рвать-то?

И попик дунул под стекло лампы:

– Тогда неча керосин прожигать. И так отвечеряешь...

Ложка не ружье, не промахнешься, чай, стреляя!

А вот стрелять Павлухину в этой поездке пришлось. При чем стрелял в Шенкурске, в эсера Ракитина, которого знал по собраниям в Архангельске, и даже пива однажды вместе по две кружки выдули...

Сейчас встретились на улице.

– Чего шумите?.. Вы, шенкурята! – спросил Павлухин.

– Ах это ты, большевистская шкура! – ответили ему.

И за словами – трах, трах. Мимо... Павлухин достал наган, рванул по ногам... По ногам! По башке боялся – все еще

думал: может, ошибка? может, пьян? может, не надо?..

Пришлось удирать из уезда. Приехал в Архангельск, а там штабы уже собирались в дорогу. Главное командование в городе поручалось полковнику Потапову. А поручик Дрейер при встрече шепнул Павлухину по секрету:

– Не проболтайся. Мы уже ледоколы готовим к затоплению на фарватере. На случай, если они пойдут...

– Неужто?

– Молчи. Своими же руками на дно пустим. Здесь кругом предатели. Но не пойман – не вор. Вчера вывалили мины на фарватере, а разве можно ручаться за адмирала Виккорста, что он не передаст плана постановок англичанам?..

Павлухин забежал в исполкомовскую столовую, глотал, обжигаясь, раскаленные постные щи; и такие же щи ел за другим столом народный комиссар Кедров; подальше сидел ротмистр Берс («левый») и тоже хлебал щи. А в душе Павлухина, словно незабудки, долго цвели синие глаза юной поповны...

Берс передвинул к нему свою тарелку.

– Откуда ты? – спросил.

Павлухин рассказал о поездке, пожалел поповну.

– Такая тоска там, – сказал, – хоть вой... Жалко мне ее!

– А знаешь, что говорят коммунисты? – спросил его Берс, показывая в улыбке отличные зубы. – Тебе, как большевику, любая панельная шлюха должна быть ближе и роднее, нежели дочь служителя религиозного культа... Осознал?

– Осознал. – И Павлухин дал Берсу по морде.

Берс оказался человеком выдержанным. Он только огляделся по сторонам – не заметил ли кто его позора? Нет. Кажется, не заметили. И ответного леща давать матросу не стал. Он сказал Павлухину так:

– Стоит мне чирикнуть моим ингушам, и тебя изрубят на куски. А мясо твоё, Павлухин, завтра же продадим в лавке, а выручку прогуляем в ресторане «У Лавалья»... Ты это учи-
тывай!

Было ясно, что «выручка» – самое насущное дело в карьере ротмистра Берса, гордого своим родством с одним очень знаменитым на Руси писателем. Впоследствии эта «выручка» обрела трагический смысл в судьбе самого ротмистра Берса и в судьбе Архангельска, совсем недавно ставшего советским городом...

Так складывались дела. Неважно они складывались.

Ледокольный буксир с отрядом латышей и архангельских коммунистов шпарил по волнам, отчаянно дымя. Миша Боев, сидя на мостике, играл на гармонии вальсы, и музыка – вся в дыму – так и отлетала за корму вместе с угаром дыма. Командовал буксиром старый заслуженный помор-шкипер по имени Элпидифор Экклезиастович, – не сразу выговоришь.

– Ты для меня, отец, будешь просто «батькой», – рассудил

Павлухин, – я тебе по возрасту в сыновья гожусь.

– Оно и ладно, сынок, – согласился шкипер и спустился в каюту, где как следует насосался рома...

Это были дни, когда англичане уже вышли к Сороке, спустившись с Мурмана к югу вдоль полотна железной дороги. И уже блуждали возле берегов таинственные, как призраки, корабли.

Буксир кувырало на зыби, он тяжело плюхался во впадины между волн своим круглым, как пузатая миска, днищем. Его давно не чистили в доках, и он переползал сейчас по воде, волоча за собой длинные бороды водорослей. Одинокая пушка «гочкиса» сверлила мутное пространство. Миша Боев крепко спал на мостике, раскинув ноги и руки, а гармонь ползала по решеткам, то сжимаясь, то растворяясь мехами. На рассвете, где-то далеко за Яграми, на траверзе солеварен Неноксы, заметили странное судно.

Павлухин протер линзы бинокля: флаг не «читался». Но когда «прочел» расцветку, то совсем ошалел – государства с таким флагом он не знал, и «Своды» не давали ответа...

– Эй, батька! – заорал Павлухин, и первым проснулся Миша Боев, застегнул гармонь на ремешок.

– Чего орешь? – сказал.

– Да вон, видишь... Какой-то иностранец ползает!

Вылез ромовый «батька» из люка, аки домовой из погребка.

– Шибко авралишь, сынок. Мы ведь не пьяные...

– Эвон! – показал Павлухин. – Что это за коробка, знаешь?

Старый шкипер взгляделся в рассвет:

– Это «Святой инок Митрофан» под флагом флотилии Соловецкого монастыря. Флаг у них тоже святой: под ним монахи богомольцев до угодников Зосимы и Савватия перевозят.

– Кажись, не время сейчас молиться, – заметил Миша Боев.

Дали позывные гудки – никакого впечатления. На «Святом иноке Митрофане» никто даже не почесался.

– Эй, на «гочкисе»! – велел Павлухин. – Один – под нос! Да наводку поточнее: не в нос, а под нос... Жарь!

Выстрелом под форштевень разбудили и тишину моря и «Митрофана». С мачты корабля убрали монастырский флаг и подняли взамен другой – еще императорский, трехцветный.

– Путаются ребята, – причмокнул Павлухин. – Ну-ка, сигналец отмахай им, чтобы начальство на борт прибыло.

– Давай! – сказал сигнальщик, сорвал с головы Павлухина бескозырку, в другую руку свою бескозырку взял и ими, вместо флагов, отмахал грозный приказ... Подействовало!

Подгрёб вельбот, а в нем – монашек, хиленький.

– Элпидифор Экклезиастыч, какого тебе хрена надобно?

– Какой флаг? – спросил Павлухин, перегибаясь с мостика.

– А какой тебе надобно? – ответили ему с воды. – Большевики еще не удрали с Архангельску?

– Да нет. Не удрали.

– Тогда погоди, милоч, самую малость. Мы тебе красный до нока реи подыдем. Жалко, что ли? У нас все своды имеются.

– Стой! – задержал Павлухин отходящий вельбот. – Пойдем на вашу лоханку вместе с нашими шлюпками...

Высадили десант. В кубрике, вперемежку с матросами-монахами, почивали соловецкие «богомольцы» – английские солдаты и один офицер. Пришлось их разбудить.

– Эй, Антанта! Вставай... заутреня началась!

Пленных выстроили на палубе. И тут один англичанин подмигнул Павлухину – дружески, как приятель. Павлухин сразу вспомнил Печенгу, объединенный десант и этого парня: они вдвоем тащили тогда в бухту на куске парусины разорванного пополам матроса. И сейчас мигнул ему англичанин – как другу:

– Хэлло, камарад!

Павлухин почесал светлую, выгоревшую на солнце бровь.

– Как бы это тебе сказать? Тогда союзничали – можно было и руку пожать. А теперь, брат, не камарады мы с тобой... Это были первые англичане в Архангельске.

– Всех их в Москву, в Москву! – говорил Павлин Виноградов.

Этого простить большевикам было никак нельзя, и в ка-

бинет Павлина Виноградова пылящей бомбой, которую зарядил наверняка посол Нуланс, ворвался его консул Эберт. Он протестовал!

Виноградов спокойно ответил, что этот дипломатический выпад является вмешательством во внутренние дела Советской Республики. При разговоре были свидетели. И тогда Эберт – при свидетелях же! – ответил Виноградову такой дипломатической резкостью, которая более смахивала на хамство.

Эберт сказал ему:

– Скоро вы, как представители Советской власти, ответите за все перед трибуналом той страны, которая завтра придет в Архангельске к власти!

Наступила тишина... Эберт ждал. Побледнел и ждал.

– Господин консул! – прозвенел голос Павлина Виноградова. – Аудиенция окончена! Прошу вас навсегда оставить зал исполкома!

И, забежав вперед, весь в горячке нетерпения, Виноградов пинком распахнул двери перед французским консулом...

Война объявлена!

Глава седьмая

Недавно прибыла группа офицеров – потрясенных!

Они не ушли из Гельсингфорса, когда большевики уводили оттуда корабли Балтики через лед в Кронштадт, они оста-

лись, и им было суждено пережить там позор и унижение от захватчиков – немцев и егерей барона Маннергейма. Эти офицеры, по-своему понимая воинский долг, каким-то чудом (почти невероятными усилиями) вырвались из германской зоны в Мурманск – поближе к союзникам.

Вот они: юнцы мичмана и пожилые морские волки, левые и правые по своим воззрениям, холостые и женатые, – они чуть не плакали, увидев над рейдом флаги своих добрых союзников. Как они были счастливы пожать руку британского офицера, с каким волнением они говорили сейчас по-английски.

– Мы счастливы, – слышалось повсюду, – мы снова чувствуем себя дома, в кругу старых друзей...

Всех этих офицеров гуртом отправили в кают-компанию «Аскольда», – очевидно, нужен был политический противовес для команды, настроенной пробольшевистски.

Запомни этих офицеров, читатель! Они очень искренни сейчас, их словам можно верить. Потрясенным позором Гельсингфорса, им уже приготовлен позор именно здесь... в Мурманске!

Сущего пустяка не хватало сейчас англичанам – повода. Ибо хорошо известно: англичане – джентльмены, они не бьют в морду без повода, как это делают иногда русские, – по дружбе, по вражде, просто за выпивкой. Но дай англичанам только повод, – и они тебя ударят. Причем мастерски ударят...

Изба-пятистенка (бревна в обхват) стояла на склоне горы: несколько комнат, оштукатуренных изнутри. В холодных сенях, где приходящие вешали пальто и снимали галоши, всегда в готовности две бочки морошки с Айновых островов (именно с этих островов издревле шла морошка к столу царя и его семейства – очень крупная, очень чистая). Здесь, в этой избе-пятистенке, селился управляющий делами краевого совдепа Басалаго.

Сейчас лейтенант сидел за столом, без кителя, в свежей сорочке, и листал последнюю сводку. Итак, интервенция на Мурмане проходит удачно. Уже созданы военные округа. Какой округ к какой части принадлежит – все было учтено заранее.

МУРМАНСК – к пехотной роте 29-го Лондонского полка;
КАНДАЛАКША – к Сербскому национальному батальону;

КЕМЬ – к британской морской пехоте его величества и
СОРОКА – под наблюдение особого английского офицера.

– Come in, – сказал Басалаго. – Кто там? Входите.

Вошел Уилки в егерской куртке из непромокаемого габардина-бербери; быстро глянул на часы, спросил:

– Ты один?

– Да.

– Выйдем. У тебя душно... Я тебе расскажу подробности о мятеже Муравьева. У большевиков появился новый Бона-

парт – некий поручик Тухачевский, и этот поручик сорвал все замыслы командарма Муравьева...

Избу-пятистенку рвануло нестерпимым сиянием взрыва. Сила взрыва была рассчитана неумело: Басалаго получил шестнадцать осколков, был ранен и сам лейтенант Уилки (они успели дойти только до порога).

Оглохший и весь в крови, поднялся Басалаго.

– Уилки! – заорал он, сразу все поняв. – Это сделал ты... сознайся. Я знаю: вам нужен повод... только повод!

С пола застонал лейтенант Уилки:

– Что ты орешь, дурак?.. Посмотри! – И показал ладонь в крови: – Это опять аскольдовцы... это они!

Был день – как день. Точнее, – серое, дождливое утро. Где-то далеко, на Горелой Горке, промокшие насквозь, поникли шатры американского бивуака. И торчала, уткнувшись в небеса, радиостанция с линкора «Чесма»: там капитан Суинтон держал связь с Архангельском и Лондоном. По рельсам, в прибрежном слякотном тумане, ползали портовые краны, вылушивая из люков транспортов запасы обещанного продовольствия, – все прошлое Мурмана теперь окупалось тушенкой и рыбой, табаком и ромом, дамскими туфлями и парижской пудрой...

А над лежащим Уилки стоит сейчас Басалаго и плачет.

– Скажи, подлец Уилки, тебе не стыдно взрывать меня?..

Обоих молодцов отвезли в лазарет. Никаких особенных событий в этот день больше не было. Только, незаметные с

бортов кораблей, проходили в порту и на дороге аресты и обыски.

На следующий день – приказ:

«Я, главнокомандующий всеми союзными войсками в России, желаю уверить всех в мирных намерениях союзников, а также в нашем искреннем желании помочь России освободиться от немцев, белых финнов и всех враждебных агитаторов. В течение вчерашнего дня мне пришлось обыскать в полном согласии с гражданскими властями (и это было тяжелой обязанностью для меня) некоторые здания с целью отобрания оружия и для временного задержания некоторых лиц... для охранения лояльных граждан России, а также, чтобы обеспечить спокойную базу, с которой могут предприниматься ваши и наши военные действия против врагов, вторгшихся в Россию. Я прошу всех граждан вернуться к своим занятиям спокойно и без боязни и усердно содействовать нашим войскам в достижении нашей общей с вами цели, т. е. воссоздания свободной и великой, нераздельной России. Да поможет бог России!

Главнокомандующий союзными
военными силами в России
генерал-майор Пуль.

Мурманск.

13 июля 1918 г.».

А на мачтах флагманского крейсера адмирал Кэмпен под-
нял строгий сигнал:

СЪЕЗД С КОРАБЛЕЙ ВОСПРЕЩЕН

Этот сигнал видели все на рейде. Но русские команды
решили, что он относится только к кораблям английским,
французским, американским. Отбубнили свое окаянное вре-
мя склянки флотилии.

Вот и чистая ночь, вот и чистый рассвет...

На рассвете от борта «Аскольда» отвалила шлюпка-ше-
стерка. Это была первая за день – семичасовая, как ее на-
зывали на крейсере. Под напором матросских тел трещали
ясеневые весла.

Матрос Митька Кудинов сидел на транцевой доске, ко-
мандуя:

– А-а-а... рвок! А-а-а... рвок! Левая – потабань...

Пулеметная очередь сбросила его с транца в воду. За-
гребной Власьев успел перехватить дружка рукою; мокрого
и мертвого матроса втащили обратно в шестерку. Разворот
под веером пуль, и теперь на руле сидел Власьев.

– А-а-а... ррррок! А-а-а... ррррок! Навались...

...Матрос Кудинов, совсем еще молодой, лежал на желез-

ном палубном настиле, и мокрые бакенбарды, отращенные от полярной тоски, казались такими несуразными на его лице, ставшем вдруг строгим, словно он заступил в караул.

Из кают-компания сбежались офицеры, недавно прибывшие на крейсер. Они еще не освоились с обстановкой рейда и, глядя на убитого, растерянно озирали союзную эскадру, говоря:

– Неужели это сделали англичане? Господа, неужели наши добрые союзники могли решиться на такое вероломство?..

Команда:

– Во фронт! – И все развернулись лицами внутрь корабля.

Четкими шагами стремительно направлялся к спардеку кавторанг Зилотти. Остановился над убитым. Долго крестил себя. И – прямо в толпу матросов.

– С некоторых пор, – сказал громко, – сыны гордого Альбиона стали представлять себе русский народ вроде какого-то дикого племени! Им кажется (повернулся кавторанг к офицерам из Гельсингфорса), что мы, избегая большевизма, будем счастливы прибегнуть под защиту британской колонизации. Они ошибаются! Я еще раз повторяю всем (снова к матросам): они ошибаются!

Двенадцать пулеметов сразу открыли огонь по крейсеру. Очереди хлестали над палубой, срезая такелаж, туго обтянутый, и тросы лопались со свистом – концы их стегали броню корабля.

– По местам! – раздался призыв.

– Стойте! – задержал команду Зилотти. – Разве вы не видите, что мы давно под прицелом? Смотрите: с «Адмирала Ооб» – четыре трубы с торпедами... Повернитесь: «Глория» – четыре по восемь дюймов... Наводка по нашему борту! – Надел фуражку и приказал: – Катер – под трап! Я пойду на «Глорию» сам...

Катер домчал его до флагманского крейсера англичан. Очевидно, через сильные чечевицы британцы разглядели офицера, и стрельбы не было. Катер оттолкнули от борта, не приняв от него швартового шкентеля, но фалрепные юнги услужливо переняли на адмиральский трап кавторанга.

Зилотти настойчиво объявил вахте:

– Мне необходимо видеть старшего на рейде... Кэмпена!

– Пожалуйста. Адмирал ждет вас...

Узкие переходы. Трапы. Люки. Вниз, вниз, вниз! «Почему вниз?»

Вестовой распахнул двери:

– Прошу.

Зилотти недовольно взмахнул старорежимной треуголкой:

– Ах ты, сын собаки! Добавь: сэр!

– Да, сэр.

– Вот так уже лучше...

Нравы британского флота ему были известны. Потребовав уважения к себе, Зилотти шагнул вперед через высоченный комингс, и двери были с лязгом задраены за спиною кавто-

ранга. Так они задраивались по водяной тревоге. Намертво.

Он огляделся в изумлении. Перед ним – броня. Справа и слева от него – броня. Борт... борт... переборка. И – никого!

И даже не было иллюминатора – мигала над ним лампочка.

Но заранее был приготовлен стул. Стул, чтобы сидеть.

Этот стул был для него, и кавторанг сел...

Все это называлось так: арест.

Из бокса «тридцатки» проследовала до кабинета поручика элегантная секретарша.

– Сэв! – сказала она. – Кажется, взялись за «Аскольд».

– Я знаю, – ответил Эллен. – Но пусть англичане разбираются с крейсером сами. Мы люди скромные, и от главного калибра подальше...

Секретарша перебрала в руках бумаги:

– Протест... протест... Я уже устала от этих глупостей. Но есть один протест, достойный внимания.

– От кого?

– На этот раз, – засмеялась секретарша, – протестует настоятель Печенгской первоклассной обители – сам отец Ионафан: ему не нравится, что в монастыре размещена тюрьма!

– Да, тюрьма получилась первоклассная, как и сам мона-

стырь: из Печенги не удерешь... Не отвечать!

Брамсон пригласил Эллена на «Чесму», давно разоренную. Орудия с линкора были уже сняты, пустые станки башен заросли красной ржавью. Вдвоем с юристом поручик обошел гулкие пустые отсеки. Шарахались из-под ног крысы, испуганные светом. Переговаривались.

– Если здесь шестнадцать камер, – говорил Брамсон, – да еще по левому борту для предварительного заключения...

– Обратите внимание: вот отличное помещение для караула!

– Согласен, поручик. Лучше «Чесмы» труднее придумать тюрьму. Они даже рифмуются, – пошутил Брамсон, – тюрьма-чесма... И что самое главное, никуда отсюда не вырвешься: броня!

Когда они поднялись на палубу, мимо «Чесмы» – в сторону «Аскольда» – проходил паровой катер с британскими матросами.

– Женщина там, что ли? – пригляделся Брамсон через очки.

...Катер заметили и с борта «Аскольда». Нескладная высокая женщина привлекла внимание сигнальщиков. Вот она поднялась по трапу и оказалась шотландцем – здоровенным малым в короткой юбочке и берете.

Шотландец на чистом русском языке заговорил:

– Вы давали радио на «Глорию»? Я адъютант генерал-майора Фредерика Пуля... Что у вас тут произошло, ребята?

– Вот, полюбуйте́сь, – отвечали ему офицеры, показывая на мертвого матроса. – За что вы его убили? Что он вам сделал?

Вся команда крейсера толпилась на верхнем деке, лицом к трапу, возле которого лежал Кудинов; над ним остановился шотландец в юбочке, с крепкими волосатыми ногами футболиста. И вдруг «Аскольд» слабо дрогнул: это пришвартовались к нему с другого (совсем другого) борта сразу два тральщика. Один – с пустой палубой, будто там все вымерло, а другой – с абордажной партией морской пехоты. Заклацали затворы карабинов, и шотландец перестал рассматривать убитого.

– Кто здесь старший? Офицеры, команду – вдоль борта!

Осталась только вахта, а весь экипаж замер в строю. И было объявлено, что возле совдепа состоится общий митинг, где генерал Пуль выслушает от аскольдовцев все претензии к британскому командованию. Велели прыгать на тральщик с пустой палубой, и тральщик сразу отдал концы.

Возле совдепа аскольдовцев встретил язвительный Юрьев:

– Попались, баламуты? Я вам еще тогда говорил: мы вашу лавочку прихлопнем!

Качая штыками, сошлись две роты морской пехоты и взяли матросов в кольцо – не вырвешься. Короткие драки, однако, вспыхивали: люди перли грудью на штык... Но офицеры крейсера, которых свезли на берег вместе с командой, не

вмешивались. Хотя, кажется, они и сами были бы не прочь сейчас подраться с союзниками. Стоило ли бежать от позора Гельсингфорса, чтобы окунуться здесь в позор мурманский?..

– Клейми презрением! – орали матросы, а это значило, можно материть союзников на все корки, можно свистать, заложив в рот два пальца, можно цыкнуть плевком, можно всё...

И вот, в окружении конвоя, на дамбе показался Пуль. Через переводчика он заговорил о немецкой заразе, о разложении, о большевизме крейсера, – все это он высказал матросам. Потом повернулся к офицерам, прибывшим из Финляндии в его добрые союзные объятия. Сказал без помощи переводчика:

– А среди вас, балтийцы, имеются германские шпионы... Да, да! Не спорьте со мною, я знаю: вы – германские шпионы!

Перекинул стек из одной руки в другую. Картинно оперся.

– Английское командование, – произнес вдруг Пуль, – приносит свои извинения за убитого. Впрочем, ваш баркас...

– Шестерка! – поправили из рядов матросов.

– Ваш баркас, – настоял на своем Пуль...

Но тут уже не вытерпели сами балтийские офицеры.

– Шестерка, черт побери! – заявили они хором.

– ...этот баркас, – продолжал Пуль, – был обстрелян нами в семь часов утра только потому, что на дне его скрыва-

лось много большевиков-террористов. А мы, ответственные за жизнь лояльных граждан, не можем позволить, чтобы по Мурманску разбрасывались бомбы...

Команду держали в оцеплении на берегу, пока крейсер подвергался разоружению. На борту корабля оставались только вахта и два офицера, совершенно затюканные хаосом событий, поначалу для них непонятных. Здесь «Клейми презрением!» не подходило: здесь люди дрались.

Вахта, верная долгу, не принимала швартовы, брошенные с тральщика. Борт «Аскольда» брали на абордаж, а вахтенные спихивали десантников обратно в воду – кулаками и отпорными крючьями. Но силы были слишком неравны, и вахту обезоружили.

Но крейсер – это даже не дом в пять этажей, это целый квартал домов в миниатюре, со множеством «подвалов» и тайных перекрытий. По этой узости люков и шахт, вдоль придонных отсеков, почти ползком, прилипая телами к броне, аскольдовцы растворились по всему кораблю, не желая сдаваться...

Уговоры не помогали – матросов выкуривали, словно крыс, дымовыми шашками. Ослепших от дыма, кашлявших и очумелых, всех загнали в батарейную палубу, задраили за ними люки и горловины.

Появился французский офицер из Союзного совета.

– Вы напрасно думаете, – сказал он, – что мы к вам плохо относимся. Зачем нам это нужно? А газ этот безвреден, поплачете немного – и все... Просто мы хотели собрать вас всех вместе. И вот что мы вам предлагаем в доказательство нашей дружбы: записывайтесь в состав союзного флота. Я вам, братцы, от души говорю это: не прогадаете... весь мир лежит перед вами!

Ни одного! В полной темноте, подавленные, сидели матросы, и только блуждал по кругу огонек сигарки... Ни одной шкуры!

Снова задраили. «Черт с вами, – думали, – задраивайте. Нам не привыкать сидеть в броне, по колоколам громкого боя...»

Трудно было судить из глубины каземата, что происходит сейчас на крейсере. Но броня передавала гул и грохот, словно «Аскольд» ломали на куски. Морская пехота разоружала корабль: на подошедшие баржи перекачивали боезапас из погребов, французы при этом размонтировали схему центральной наводки, без которой крейсер сразу становился беспомощен. Отомкнули от орудий замки и зашвырнули их за борт. За каких-нибудь два часа боевой ветеран русского флота превратился в пустую, бессильную гробовину, внутри которой задыхалась арестованная вахта...

Потом опять прибыл на борт шотландец, адъютант генерала Пуля, и предложил матросам:

– Если не желаете служить в иностранном флоте, то мы, уважая ваши патриотические наклонности, советуем подумать о службе в русских отрядах русской национальной армии...

И снова – тьма.

И вдруг люк открылся, хлынуло острым голубоватым сиянием дня, а по ступеням трапа с дребезгом, почти взрываясь, скатилось что-то звонкое, пламенно воняя дымом.

– Бомба! – заорали матросы. – Бомба!

Отхлынули массой горячих тел на борт. Сжались. «Бомба» не взрывалась, – только раскатились красные угольки.

– Тьфу, черт! – стали смеяться. – Самовар... Ай да англичане! Вот уж правду говорят про них – политики хоть куда...

Вернули самовар, подаренный «Аскольду» еще в Девонпорте на заре революции. Теперь конфорка его отвалилась, носик согнулся от удара. Но все же самовар; и по сияющему ободку его начертаны слова о дружбе рабочих Англии с матросами русской революции. Подарок что надо, но в дружбу сейчас не верилось...

Власьев долго колотил в крышку люка, пока морская пехота не соизволила ее откинуть.

– Фенкью... спасибо! – заорали матросы англичанам, и англичане этот юмор вполне оценили: над палубой крейсера долго перекатывался их дружный гогот – с перекатами, словно стрелял заедающий, плохо смазанный пулемет.

Разоружение закончилось. С берега – на том же самом

тральщике – доставили на борт команду. Матросы вышли на палубу, заваленную старой рваной обувью, и тут... Впрочем, стоп!

Иногда документ говорит лучше автора. Сейчас мы переверим слово... Кому? Да тем же офицерам, которые бежали от большевиков и плакали от счастья, увидев британские корабли на русском рейде. Вот пусть они теперь и расскажут нам обо всем, а мы не имеем права не верить им, – это источник вполне беспристрастный...

Итак, слово офицерам из Гельсингфорса!

ПИСЬМО КАЮТ-КОМПАНИИ КРЕЙСЕРА «АСКОЛЬД»,

обращенное к кают-компании английского корабля «Глория» (флаг старшего на мурманском рейде)³.

«...Крейсер подвергся грандиозному грабежу. Все вещи разбросаны по палубам, перевернуты, и почти все они сознательно приведены в негодность. Весь офицерский состав и вся команда остались без денег. За малым исключением, все новые брюки, ботинки, бритвы, золотые, серебряные и иные вещи оказались раскрадены.

Офицеры кают-компания крейсера «Аскольд» всего неделю тому назад прибыли из Балтийского флота, где присутствовали при разоружении кораблей германцами... и, сочувствуя союзникам, они уехали отсюда, не желая работать в

³ Этот документ приводится нами в сильном сокращении.

сфере немецкого влияния. Но все же мы никогда не видели и не слышали о таком отвратительном грабеже со стороны германцев!..

Ключи от помещений крейсера неоднократно предлагались при обыске. Но никто из англичан не пожелал ими пользоваться: все вскрывалось топорами и ломami. Большинство денежных ящиков и шкатулок взломано, а все деньги расхищены. Особенно поразило нас, что союзные нам офицеры, руководившие разоружением, покинули корабль с полными карманами!

Многие из команды союзных войск надели на себя по трое брюк сразу (!) из числа ими украденных. На корабле, словно в издевательство над нами, оставлена масса старых иностранных ботинок, замененных новыми (русского производства). Составленная опись установила, что с «Аскольда» увезено деньгами и имуществом на сумму свыше 40 000 довоенных царских рублей (!)...

А между тем среди личного состава крейсера имеются еще многие из числа тех, которые совместно с союзниками работали против общего врага в Дарданеллах. Среди матросов есть тяжелораненые и получившие за войну высшие знаки отличия от тех же союзников. А теперь все они до последней степени ограблены теми, с кем и за кого они когда-то сражались...»

К этому письму можно еще добавить, что французы и аме-

риканцы в грабеже не участвовали. Воровской пример своим матросам подали британские офицеры (именно британские офицеры!). Имен их назвать нельзя — они не сохранились. По документам того времени известен только один майор, который хвастался потом украденными финским фонарем и финскими марками, да еще один британский лейтенант, носивший на руках заячьи перчатки. В этих мяконьких перчатках он унес из каюты механика логарифмическую линейку очень тонкой работы...

Офицеры «Аскольда» выразили желание не служить.

— Мы не можем работать в сфере британского влияния, — честно заявили они. — Лучше уж мы поедем к большевикам...

В команде крейсера, не без ведома кают-компаний, созрел заговор: взорвать или затопить корабль, чтобы он не достался англичанам. Но было уже поздно... Только небольшой кучке аскольдовцев удалось вырваться на Балтику; кого загнали в тундру, и там они пропали бесследно; кого отправили в Печенгу, а иных запрятали в гулкие продроглые трюмы «Чесмы»; самых опасных матросов, больше всех возмущавшихся, посадили на буксир, и буксир пошел в океан.

Качнуло на океанской волне, и тогда Кочевой сказал:
— Амба! Топить будут... крышка!

Вместо этого дали каждому по три галеты с плазмоном, по одной банке корнбифа на двух человек. Болтало их в трюме буксира как проклятых, – на угле, в самой глубине бункера. На качке, особенно на бортовой, уголь перемещался с борта на борт, и матросы ездили вместе с углем, царапаясь об острые куски антрацита...

Был ранний час, когда затихала качка. Стоп, машина! И увидели они остров: почти скала, выпирающая из моря, а там, дальше, берег – совсем неласковый, скалы да кочкарник тундряной, и мох всюду, и бегут по горизонту олени, гордо закинув на спины тяжесть рогов.

С этого дня банку корнбифа делили уже на пятнадцать человек, каждый получал вместо хлеба по четверти фунта сырого теста: делай с ним, матрос, что тебе хочется, – пеки, жарь, так лопай... Суп заправлялся здесь не солью – его просто варили на морской воде. И жили в бараках из фанеры, которую простегивал насквозь ветер с океана. А иных селили в ямах, крытых дерном. Рядом бушевал океан, закидывая на остров брызги, и когда шла на берег штормовая волна – вал за валом! – тогда перекачивало пену через бараки, заливало через трубы печки-временки.

И никто – никто! – из аскольдовцев не мог узнать, где они находятся. Били здесь людей палками по спинам, а прикладами по ногам. Просто ломали ноги! Били молча. По виду люди из лагерной охраны были русскими. Но кто такие – не догадаешься: на лбу у них не писано. Спрашивали – не от-

вечают. Только скалятся.

Одна параша приходилась на сто человек, и карболку, которой эту парашу дезинфицировали, добавляли и в тесто (кто помрет, а кто выживет). Заболевших сажали в ледник; вместо лекарства давали им хлеб, оставшийся от покойников; в печи его пережигали в порошок, и этот порошок заставляли глотать как снадобье, а запить можешь соленой водой из моря...

– Где мы? – спрашивали матросы. – Куда завезли?..

Среди ночи открыли стрельбу по баракам. Пули пробивали фанеру, живые и мертвые падали с нар, – все были голые (тут перед сном людей раздевали донага). Кровь, кровь! Она особенно страшна на обнаженном теле!

Хлопнула створка дверей, и вошел к матросам человек – совершенно незнакомый.

– Здравствуйте, – сказал. – Пора уже познакомиться. Я – капитан Судаков, бывший комендант Нерчинской каторги. Как старый сибирский варнак, скажу вам по чести: эта тюрьма пойдет вам в такой пропорции – месяц за год старой тюрьмы, монархической...

Кочевой – голый – шагнул к нему:

– У нас убитые! Мы все изранены...

– С чего бы это? – хмыкнул Судаков. – Хотя – да! Ведь сегодня как раз именины моей жены, и был маленький салют. Ладно, ребята, чего вы хнычете? Ложитесь спать. Я пришлю фельдшера...

Пришел фельдшер – солдат из корпуса Довбор-Мусницкого:

– Что же это с вами делают, палачи проклятые!

И стал рвать на бинты какую-то тряпку. Кочевой подставил ему руку, – с пальцев текла кровь. Спросил:

– Ты арестант или вольный?

– Здесь вольных нет. Я поляк, и мое дело – сторона. И не хотел мешаться в ваши дела, да вот и стал... вольным!

– Где мы? – спросил его Кочевой.

– Как? – удивился поляк. – Разве вы не знаете?

Никто не знал.

– Вы же в Иоканье! А тюрьма эта построена специально для членов большевистского ЦК и членов Совнаркома... Так что не хочу вас пугать, но живым отсюда мало кто выйдет...

Таков был конец крейсера первого ранга «Аскольд».

«Аскольд» выполнил свой долг перед революцией: он, сколько это было возможно, сдерживал натиск интервенции... После «Варяга» и после «Авроры» крейсер «Аскольд» – третий в России, который имеет право быть причисленным к легендарным.

Три крейсера – это уже дивизион. Легендарный дивизион!

– Уилки, – сказал лейтенант Басалаго, – я ведь все понимаю: нужен был повод, чтобы расправиться с «Аскольдом».

Но сознайся, Уилки, тебе разве не было стыдно взрывать меня!

Уилки опустил глаза:

– Мне очень стыдно, Мишель, что ты снова начал этот дурацкий разговор... Тебе сейчас неудобно. Ты хочешь свалить всю вину на нас. Но следственная комиссия уже сделала свой вывод: взрыв был произведен тобою же!

Басалаго со стоном поднялся на койке, весь в бинтах:

– Я не дурак, – чтобы рвать бомбу под собою.

– Ты не дурак. Но взрыв тебе был нужен... Тебе, а не нам! Для самореабилитации! Об этом все так и говорят в Мурманске...

Басалаго рухнул на подушки, потрясенный:

– В чем я должен оправдывать себя? И перед кем?

– Ты виноват выше головы, – внушал ему Уилки, сосредоточенный и внимательный. – Не ты ли был связан с со-вдепом? Не ты ли управлял Мурманом под руководством Совнаркома? Теперь ты взрываешь себя, чтобы мы думали: смотрите, как к нему плохо относятся матросы... смотрите, как они рвут его на куски! Кого ты собираешься обмануть, Мишель? – спросил Уилки. – Нас?

И, спросив так, Уилки поднялся, чтобы уйти. За это мгновение Басалаго успел все продумать и все рассчитать.

– Уилки! – задержал он его. – Стой, не уходи... Хорошо, я согласен: я сам взрывал себя. А что дальше?

– Дальше все пойдет как по маслу: к ответственности при-

влекаются все горлопаны, начиная с Ляуданского; генерал Звегинцев тоже обесчестил свой мундир связью с большевиками. Юрьева, пожалуй, эта история пока не коснется. Но только в том случае, если он перестанет надоедать нам. А тебя... ведь тебя взрывали, кажется, большевики с «Аскольда»? Ты уже реабилитирован!

В этот день ворвались к Шверченке:

– Попался, эсеровская сопля! А ну, пошли...

Когда брали Ляуданского из Центромюра, он долго брыкался, его вели по улице, и он матерно требовал:

– Юрьева, растак вас всех! Тогда и Юрьева, гада, хватайте. Почему меня берут? Берите его тоже... за компашку!

Юрьев эти вопли с улицы слышал в своем совдепе.

– Мишку, конечно, жаль, – вздохнул Юрьев. – Но он даже сейчас продолжает трепаться. Ничего, еще молодой: на «Чесме» плавал – на «Чесме» и отсидится, обстановка ему знакомая...

Взяли и снова выпустили: Каратыгина, представлявшего Совжелдор в Мурманске, и «комиссара» Тима Харченку. А в своем штабном вагоне смертельную обиду переживал генерал Звегинцев.

– Понимаю, – говорил он просветленно. – Нас можно судить. Однако не мы ли сделали все для того, чтобы флаги Антанты сейчас реяли над Мурманском? Мы... Только мы теперь не нужны: Мурманск давно не наш, и дела в Архангельске поважнее... Ну, ладно, судите, господа! Что ж, суди-

те.

Глава восьмая

Когда в камеру, где сидел под арестом мичман Вальронд, принесли лист бумаги, он сказал:

– Этого мало.

Конвойный перевернул лист, показал обратную сторону:

– С этой-то стороны тоже можно исчеркать.

– И все равно мало, чтобы описать все...

Он составлял свой доклад как можно подробнее – все, вплоть до мелких деталей, какие сохранились в памяти. Сидя в изоляции на Гороховой, два, мичман восстанавливал на бумаге картину мурманского предательства. Служба флагофицером связи дала ему богатейший материал для наблюдений... Поставив последнюю точку, Вальронд придумал название: «Из дневных записок мичмана Евг. Вальронд» (старомодно, но зато вполне прилично). Еще немного подумал и водрузил на титульный лист рукописи великолепный эпиграф из Фаддея Беллинсгаузена:

Пишем – что наблюдаем.

Чего не наблюдаем – того не пишем.

После чего Вальронда снова вызвали на допрос, вернули ему золотистый жгут аксельбанта и все документы.

– Садитесь... У нас к вам только два частных вопроса. Первый: можно ли рассчитывать на инженера Аркадия

Небольсина, что он станет честно сотрудничать с нашей властью?

– Не знаю, – ответил Вальронд.

– Вопрос второй: что вы скажете о полковнике Сыромятеве?

– Полковников на Мурмане так много, что если волки ежедневно будут съедать по одному полковнику, то никто и не заметит их убыли... Извините, но я даже фамилии такой не слыхал!

Ему позволили отправиться на остров Мудьюг.

– Вы должны, – внушали мичману, – обязательно поспеть к месту назначения в срок! По возможности, без опоздания. Чтобы не вызвать никаких подозрений – раз. Чтобы не опоздать к моменту боя – два. И... как вам было наказано в Мурманске?

– Чтобы батареи Мудьюга молчали.

– Мы надеемся, что теперь они заговорят...

Вальронд очень спешил, но все же опаздывал.

Застрел он, как и следовало ожидать, в Вологде. На неизбежной пересадке вылетел из вагона как пробка, но в следующий эшелон, идущий на Архангельск, было уже не прорваться. Вокзал был оцеплен чекистами и красноармейцами. Дело дрянь: командировка подходила к концу, и это грозило

для него особыми осложнениями, – по плану Вальронд должен был еще вчера явиться к адмиралу Виккорсту.

Плотный барьер спекулянтов, мешочников и дезертиров был так спрессован оцеплением, что Женьку Вальронда, при дыхании толпы, то поднимало, то опускало, словно рыбачий поплавок на речной зыби. В один из моментов, когда его снова вздыбило над толпою, он увидел...

– Чудеса! – сказал мичман, вытягивая шею – и без того длинную – от искреннего любопытства к жизни.

В узком проходе оцепления шествовали на посадку дипломаты. Шагали атташе миссий – почти невозмутимые; дамы в жиденьких мехах несли курчавых болонок, и перепуганные японские собачки остервенело лаяли на мрачных русских спекулянтов. Роль носильщиков исполняли brave матросы в клешах. Обливаясь потом, перли они на посадку дипломатические баулы, деликатно подсаживали дамочек под худенькие англазированные задницы.

– Мадам, только не имейте сомнения: фукну – и вы в вагоне!

– Доброго вам пути, сэр...

– Матюшенко, кидай в окно собаку ихнюю.

– Кусается, стерва!

– А ты сам ее укуси, чтобы помнила...

Все стало ясно: поезд занят дипломатами. Вальронд кое-как выбрался из толпы. Подергал себя за пуговицы – нет, еще держатся. Передохнул... Задумался: что же ему теперь

делать?

Мичман знал: переезд дипкорпуса является сигналом для интервентов на Мурмане. Тронется сейчас этот эшелон с миссиями – и с Мурманского рейда, выбирая якоря, отправится эскадра Кэмпена на Архангельск. Черт с ним, с этим адмиралом Виккорстом! Но ему непременно надо быть на Мудьюге в срок...

Возле вокзала стоял открытый автомобиль.

– Откуда? – спросил Вальронд.

– Из губвоенкома.

– Подвезешь?..

В здании губвоенкома ему показали дверь, в которую надо стучать. Он постучал и вошел в кабинет. Какой-то дядя в кожанке, стоя спиной к Вальронду, разговаривал по телефону.

– Нет, – говорил он, – американский посол Френсис отбыл еще раньше... прямо в Архангельск! Да, провожу посадку. Не беспокойтесь, еще раз повторяю: мы достаточно корректны и не дадим ни одного повода для дипломатических интриг и капризов. И этикета также не нарушим... Ага, до свиданья!

Закончив переговоры, он повернулся и спросил:

– Так что вам от меня, товарищ?

Женька Вальронд так и отшатнулся: это был Самокин.

– Если не ошибаюсь, мичман Вальронд. Добрый день, мичман. Рад видеть. Что привело ко мне?

Вальронд справился с волнением.

– Мне очень нужно попасть в Архангельск, и тут, как назло, вмешались дипломаты с явным намерением загубить мою карьеру в самом начале. Они заняли весь эшелон – мне уже не пробиться!

– Один вагон будет прицеплен для частных пассажиров.

– А вы видели, что там творится? Бумажку бы, мандат!

Самокин засмеялся.

– Да брось, – сказал. – Какие там к черту сейчас мандаты? Такой сильный, молодой и красивый, и вдруг просит бумажку. Да постыдись, мичман! С такими кулаками, как у тебя, никакого мандата не надобно...

Самокин вдруг сел за стол, перелистал какие-то дела.

Мичман неуверенно помялся:

– А разве вы ничего не хотите спросить у меня?

Самокин поднял лицо – абсолютно спокойное.

– Спросить? О чем? Нет, мичман, мне ничего не хочется спрашивать. Мне и без того все давно понятно.

И как-то странно они простились. Совсем неожиданно, уже в коридоре, Самокин окликнул мичмана.

– Постой, добрый молодец! Вот что, – сказал Самокин, нагоняя Вальронда. – Тут ко мне с такой же просьбой обращалась одна дама. Я – большевик, работник местного губисполкома, и не смог оказать ей содействия. Хотя бы потому, что эта дама, насколько я понял, принадлежит к высшей аристократии и сейчас рвется в Архангельск, чтобы эмигри-

ровать за границу. Но она с ребенком, мучается, – пожалел женщину Самокин и вдруг улыбнулся: – А тебе, мичман, сам бог велел ей помочь.

– Если встречу на вокзале, то – как узнать мне ее?

– Ну-у, – протянул Самокин, – эта женщина такова, что ты ее не сможешь не заметить. Если, конечно, она сама не уехала...

От Вологды у мичмана остались какие-то странные, дикие воспоминания. Странно вел себя Самокин – чего-то он мудрил там... Женька Вальронд бежал сейчас через улицы, стараясь не опоздать, и собаки ловчились хватить его за штаны. Ворота все были заперты, словно в осаде, за изгородями зрели яблоки. Вологды он так и не увидел, – его занимал Архангельск, только Архангельск: никак нельзя ему опоздать на Мудьюг...

Посадка в единственный вагон, приданный дипломатическому эшелону, уже началась.

После первого натиска, в котором Вальронд потерпел постыдное поражение, он отбежал назад, чтобы взять разбег для второго таранного удара по мешочникам... Отбежал назад и тут заметил женщину, почти оцепеневшую в отчаянии. Она стояла поодаль от костоломной давки, не в силах пробиться к вагону. А к ней испуганно жалась маленькая девочка...

Вальронд был рыцарем.

– Мадам, – сказал он, – ваш чудесный облик воодуше-

вил меня на свершение благородного гражданского подвига. Позвольте, я возьму девочку на руки. А вы цепляйтесь за мой хлястик. Если же хлястик, не дай бог, оторвется, то я не стану возражать, если вы меня тут же страстно обнимете... Прошу, мадам!

Все началось сначала. Но присутствие женщины необходимо флотским офицерам так же, как необходима канифоль для скрипки. Впереди Вальронда вшивый солдат-дезертир пер в вагон («про запас», наверное) пулемет системы «люйс», и опасное дуло рассматривало мичмана в упор черной жутковатой дырочкой.

– Пуссти! – орал солдат. – Не видишь? У меня же «люська»!

– А у меня – княгиня! – подхватывал Вальронд и уже ступил на подножку. С хрустом что-то лопнуло сзади, но руки женщины обняли его, а девочка уже проникла в тамбур.

– Пропусти с «люськой»!

– Пропусти с княгиней... – хохотал Вальронд.

Боковым зрением – вдоль состава – мичман видел, как из открытых окон вагонов, покуривая трубки и сигары, наблюдают за посадкой члены иностранных миссий. В руках дипломатов щелкали «кодаки», и Вальронд тоже был запечатлен, наверное, навеки – в самый героический момент своей биографии...

И вот они в вагоне. Даже пробились к окну. Сели. Красавица, смущенно улыбаясь, оправляла волосы.

– Вы меня поразили... – сказала она, обнимая дочь.

– Мадам, к чему слова благодарности?

– Нет, – ответила женщина. – Поразили не тем, что помогли проникнуть в поезд. Но вы назвали меня княгиней...

– Мадам, это моя очередная фантазия! Извините.

– Но я и есть княгиня... княгиня Вадбольская.

– Ах, – догадался Вальронд, – так это, значит, вы приходили в Вологодский губисполком к товарищу Самокину?

Женщина посмотрела на него с каким-то испугом и ответила:

– Нет. Не я...

Вальронд спросил потом у нее:

– Очевидно, вы спасаетесь от большевиков?

– Да. Пробираюсь в Архангельск и... дальше.

Поезд тронулся, а за вагоном еще долго бежали кричащие люди, подбрасывая поклажу на спинах; хватались за выступы, и напором скорости их сшибало под насыпь. Вальронд печально погладил девочку по льняным волосикам. «Вот и еще одна эмигрантка... Что-то ждет ее там? Наверняка забудет и русский язык...»

– Тебя как зовут? – спросил он.

– Клава...

– Какое славное имя... Сахару хочешь?

Маленькая княжна посмотрела на мать.

– Дайте, – согласилась Вадбольская, отвернувшись.

– Вот тебе кусочек сахару, маленькая княжна с красивым

именем Клава. А мы с твоей мамой будем смотреть в окно.

– Я тоже буду смотреть в окно, – ответил ребенок.

– Хорошо. – И Вальронд пересадил девочку поближе. – Уступаю тебе место. Смотри в окно, а я, с твоего разрешения, буду смотреть на твою маму. Пожалуй, это интереснее любого пейзажа, ибо такой красивой мамы, как твоя, я еще не встречал в своей удивительной жизни...

Женщина действительно была очень красива. С тонкими, благородными чертами. И зубы испанки на смуглом лице. Улыбка – словно перлы океана.

Звали женщину – Глафира Петровна.

– А вас? – спросила она, ради знакомства.

Вальронд вздохнул:

– Евгений Максимович... Но, поймите меня правильно, княгиня, во мне что-то есть такое, что мешает людям называть меня так. Меня почему-то все зовут просто Женька...

Так они и приехали. Вальронд опоздал.

Какая ширь! Какой простор! Какая синь!

Ах, как высоко взмывают чайки над Северной Двиною! И какая она величавая, гордая, плавная, – эта река, несущая гулкие утробы океанских транспортов и косые паруса поморской шхуны. Вот он, красавец Архангельск, – до чего же хорош этот город, весь в зелени бульваров, весь ромашковый

и древний, какая статья в таможенных башнях, как заливисто поют петухи от Соломбалы, как звонко подпевают им паровые веселые пилы от Маймаксы...

Город был на другом берегу, и с вокзала пришлось плыть на речном трамвайчике. Вальронд еще раз погладил девочку по головенке, и она доверчиво прижалась щекой к его черной флотской штанине. Вадбольская стояла на палубе, под белым тентом, – женщина смотрела на наплывающий город жестко, недоверчиво, мрачно...

– Глафира Петровна, – сказал ей Вальронд, – у меня к вам есть одна просьба, не совсем обычная.

Вадбольская ответила, не повернув головы:

– У вас просьба, мичман, как раз обычная. Но вам это не нужно, как не нужно и мне... В переписку же я не вступаю. Через несколько дней моей ноги не будет в совдепии.

– Вы ошиблись, – ответил Вальронд. – У меня просьба к вам иная... Я очень опоздал. И попрошу вас пройти со мною до штаба. Не сердитесь, Глафира Петровна, но присутствие такой очаровательной женщины, как вы, оправдывает мое опоздание.

Вадбольская долго и заливисто смеялась.

– Ах, мичман! Вы бы знали, до чего же вы милы... Хорошо! Я согласна пройти вместе с вами до штаба. Но – не больше...

Так оно и случилось. Адмирал Виккорст при виде Вальронда сразу рассвирепел, словно бык, которому показали

красную тряпку.

– Мичман, когда вы были обяза...

И – всё, выдохся.

– Однако вы немножечко опоздали мичман, – проямлил адмирал, не сводя глаз с молодой красавицы.

Вадбольская игриво выгнула руку, словно перед зеркалом.

– Я думаю, – сказала, – что не стоит мешать чисто военным разговорам. Мой дорогой! Итак, до вечера.

Вальронд принял «игру» и поцеловал её руку.

– До вечера, моя прелесть! – ответил он весело, с вызовом. А сам думал: «Пусть почернеет старый адмирал Виккорст...»

В благодарность за вологодскую посадку княгиня Вадбольская отлично разыграла роль любимой и влюбленной женщины.

И, сделав свое дело, она величаво удалилась...

Адмирал Виккорст уцепился в Вальронда взглядом, гневным от несправедливой мужской зависти.

– Где вы болтались, мичман? Вам когда надо было быть на Мудьюге? Впрочем, – снова помягчал он, – расскажите, откуда вы раздобыли такую красавицу?

Вальронд вдохновенно спросил адмирала:

– Могли бы вы, адмирал, в молодости пожертвовать ради такой женщины тремя днями службы?

– Вы меня плохо знаете, мичман! Ради такой женщины я

бы вообще не являлся на службу... лет пять – не меньше!

– Вот! – захлопнул Вальронд ловушку. – А я просрочил, увы, только три дня.

– Это непорядок, – заметил Виккорст, но, сменив гнев на милость, подписал командировочную задним числом. – Через два часа, – сказал напутственно, – отходит на Мудьюг буксир со снарядами. От соломбальской пристани. Прошу никаких «До вечера, моя прелесть!». Все эти прелести, – заключил Виккорст, потирая руки, – остаются с нами... в Архангельске! Мичманам таких женщин по уставу иметь не положено. Ибо это пахнет распродажей казенного имущества на подарки... Всего доброго, мичман!

Вальронд вышел из штаба флотилии, и свежак упруго ударил его в лицо. «Как удачно все обошлось!» – думал он, радуясь, что остался вне всяких подозрений. Возле соломбальской пристани, вровень с буксиром, качался пузатый военный ледокол «Святогор». Ну как было не заскочить на минутку, чтобы повидать старого приятеля по корпусу?..

И долго стояли в тесной каюте, хлопая один другого по спинам: кто крепче? кто больше?

– Николаша! – говорил Вальронд.

– Женька! – говорил Дрейер.

– Ну, как ты, поручик чертов? Лед колешь?

– Колю. А ты, мичман дымный? Наводишь?

– Навожу... Накрытие за накрытием...

Но уже ревел буксир, спешащий на Мудьюг. Пришлось

прощаться.

– Мы увидимся. Нам надо о многом поговорить.

– Конечно, – отвечал Дрейер. – Нам есть о чем поговорить!..

Буксир, груженный боезапасом, тихо плыл заводями двинской дельты, мимо островов и пожней, на которых паслись коровы. Скрипели по бортам корабля колодезные журавли, и волна реки, разведенная буксиром, пригибала осоку и вскидывалась до буйных ромашковых разливов. Купала их, клонила и снова выпрямляла...

Белое море чуть-чуть качнуло привычно, но вскоре и Мудьюг показался. Очень удобный остров для обороны Архангельска. Две батареи (по четыре ствола в каждой) пронизывали морскую даль темными орудийными жерлами...

Долго шагал по песку. Очень глубокому – едва ноги вытягивал. Два скучных офицера в блиндаже хлобыстали дрянной норвежский ром, называемый норвежским только потому, что в Норвегии его половинили с водкой и продавали потом в Россию. Пахло в блиндаже нехорошо – как-то подло и грязно.

Встретили Вальронда офицеры совсем неприветливо:

– С Мурмана? Ого, морячок... А мы вот армейские. Тебя к столу не зовем, у вас паек лучше нашего.

– К кому мне обратиться? Кто командир батареи?

– Здесь все командиры. Теперь так: кто главный большевик, у кого глотка шире, тот и мудрит над нами... Анекдоты

знаешь?

– Нет. Глупостей никогда не запоминаю.

– Ну, валяй тогда к комиссару. Он тебя живенько проагитирует, какая Советская власть мудрая, хорошая и благородная. И мы все здесь от нее счастливы... Просто упиваемся от этой власти, чтоб ее за ноги разорвало!

Вальронд вылез из блиндажа в препоганом настроении. Конечно, на Мурмане он о Советской власти и не такое слышал, этим его не испугаешь. Но эти затерханные армейцы наверняка только табанят. И могут ли они понимать в наводке по движущейся морской цели? Наверняка лупят в белый свет, как в копеечку...

– Где командир? – спросил Вальронд на батарее.

– Командир-то? Да у Лаваля гуляет.

– Это как понимать?

– Ресторан есть такой в Архангельске... Мы там не были, дело такое – не нашенское, мы больше по пивным шлындраем.

– Ладно, – сказал Вальронд. – А комиссар есть у вас?

– Есть, – ответили. – Вон как раз идет от погребов.

Вальронд бессильно опустил на кочку, сорвал травинку. Он эту травинку грыз, грыз, грыз... «Как быть?..»

Может, и ничего? А может, повернуть да бежать? Стыдно...

Но Павлухин уже подошел и сорвал с головы бескозырку.

– Привет, Максимыч! – сказал он, радостно сияя. – Вот

уж кого и рад видеть, скажу прямо по чести. Ну, отойдем в тенек, нам потолковать по дулам надо. Ты тогда здорово утекнул от меня в Лондоне, даже не попрощались... Куда спешил тогда?

Вальронд медленно встал, отряхнул штаны от песка.

– Ну что ж! Пошли, Павлухин... поговорим, комиссар!

Предгрозовые тучи плыли над заводами и запанями, облетали сады, и тяжело ухали паровые мельницы. Казалось, за тишью скоро конец. Слишком много подозрительных людей болталось вдоль набережной, загадочно вглядываясь в разлив Северной Двины, уносящей свои холодные воды в дельтовые протоки, между путаницей островов. Где-то там, за Мудьюгом, где плещет тихими волнами жемчужное Белое море, уже надвигалась на город гроза.

Странную картину представлял в эти дни Архангельск: большевики вооружали рабочих Маймаксы и доков Соломбалы, а по городу расхаживали, как дома, толпы иностранцев. Гостиницы Архангельска – «Троицкая», «Франсуаза», «Золотой якорь» и комнаты г-на Д. Н. Манакова – трещали от наплыва русской аристократии, спешившей в эмиграцию: князья, графы, бароны. В трактирах ночевали под лавками какие-то подонки, издерганные и в лохмотьях, но с прекрасным французским произношением. Иногда, бросив на лавку

(или – чаще – под лавку) свои лохмотья, они говорили трактирщику:

– А ведь ты, дурень, не знаешь, кто у тебя ночует сегодня?

– Никак нет, ваше высокоблагородие, не могу знать.

– Оно и видно, что дурак... А если я тебе скажу, что раньше ключ золотой камергера носил, – поверишь?

– Так точно, ваше сиятельство, охотно поверю!..

По ночам некоторые из подонков грабили (очень вежливо) одиноких прохожих:

– Один брелок оставляю вам на память...

– Мадемуазель, что вы? Нам нужен только кулон с вашей очаровательной шейки. Снимите, пожалуйста, сами. Мы уважаем вас... как женщину!

Что-то затаенное чудится в осаде старинных особняков. Изредка отдернется на окне занавеска, и кто-то с тщательным пробором на черепе выглядывает на улицы – боком, искося. Оглядит взлохмаченный простор реки, и занавеска снова задернется: нет, рано еще... рано показываться на улице!

А по вечерам «чистая» публика отдыхает в ресторане «У Лаваля», который с незапамятных времен известен в Архангельске за обитель всех плавающих. Вот и сегодня, как обычно, собрались после служебного дня «спецы» из штабов и управлений. Сорваны погоны, проедены кортики, офицеры флота поблекли. Многие направлены в Архангельск уже от имени Советской власти, служить которой они обязались.

Среди «спецов» и полковник Потапов – главком:

– Внимание, господа, такого вы давно не видели...

В скромном платье появилась в ресторане княгиня Вадбольская (без девочки). Присев к столу, она одиноко ужинала. И очень скромен был ее ужин, – видно княгиня небогата. Один ее кивок в сторону адмирала Виккорста решил все дело, – ах, оказывается, она знакома адмиралу! – и скоро Вадбольскую окружили офицеры, наперебой предлагая красавице свои услуги.

– Благодарю вас, господа, – отвечала она с достоинством. – Но я уже устроилась... Нет, не в «Троицкой», а сняла две комнатки на Немецкой слободе. Я ведь здесь только проездом.

Флотская молодежь исподтишка переговаривалась:

– И сегодня приехала? Одна? Мичман Вальронд? Не знаю такого, но вот же – повезло человеку... Какая женщина, какое обаяние!

Вадбольской представили и поручика Николая Дрейера.

– Кстати, – сказали с намеком, совсем недобрым, – поручик Дрейер у нас большевик, княгиня.

– Да что вы? – удивилась Вадбольская.

– Господа, – заметил Дрейер, – как бы вы себя почувствовали, если бы я, представляя вас княгине, сказал: «Познакомьтесь, ваше сиятельство, вот эти офицеры – сплошь монархисты...»

Княгиня рассмеялась, с любопытством разглядывая рослого и плечистого великана Дрейера; поручик вскоре уда-

лился, и по настроению офицеров было заметно, что они даже рады его уходу. Смущенно пытались оправдать себя:

– Вы не смотрите на нас, княгиня, как на... Впрочем, мы, конечно, советские. Но это – пока... Осмелимся спросить, какими ветрами прибило вас к нашему берегу?

– Я, господа, вырвалась из совдепии. Меня, слава богу, не арестовывали. Но по Тамбовской и по Курской все, что осталось от мужа, отобрали. А меня держать не стали, чем я и воспользовалась охотно...

– А что вы им сказали, княгиня, на прощание?

– Я им сказала: «Негодяи! Разбойники... Я еще вернусь в Россию, и чтобы вы не вздумали разорять здесь!»

Потапов, сам владевший имениями, спросил с интересом:

– А как они вели себя при этом, княгиня?

– Хохотали как помешанные. Я ничего не поняла в этом диком смехе и – уехала... Вот, теперь доживаю последние дни на родине. Уезжаю совсем, как это ни печально. Но – прочь, прочь...

Вокруг нее заволновались:

– Как можно? Не покидайте нас... Архангельск сегодня расцвел с вашим появлением. Мы информированы точно: еще все может измениться, княгиня, к лучшему!

В окружение офицеров флотилии по-свойски затерся полный и круглолицый англичанин.

– Мистер Томсон, – представили его княгине.

Вадбольская плавно протянула ему руку.

– Добрый день, – сказала по-английски. – Как приятно...

В руке ее щелкнул портсигар, кто-то уже подносил ей спичку. Она раскурила папиросу и выдохнула – вместе с дымом:

– Я действительно очень рада встретить вас именно здесь, Георгий Ермолаевич, – сказала она уже по-русски.

От лица Томсона отхлынула кровь. Конечно, вокруг люди свои. Можно не опасаться. Но кавторанг еще не привык к таким разоблачениям... Он присел:

– Откуда вы меня знаете, княгиня? – и заглянул ей в лицо.

– А я удивлена, что вы меня не узнали сразу.

– Подскажите.

– Вы меня вспомните и так, – печально улыбнулась в ответ Вадбольская. – Я ведь знала, еще девочкой, и вашего батюшку, Ермолая Николаевича, когда он управлял Санкт-Петербургской таможней. И сестру вашу Марию хорошо помню.

– Удивительно, – растерянно произнес Чаплин, напрягая память. – В самом деле, какая приятная встреча...

С появлением Чаплина бутылки выстраивались, как снаряды на батарее. Пьяненько поглядывая глазками, смолodu испорченными штабной работой, Чаплин завладевал вниманием Вадбольской; и ему это было совсем нетрудно, ибо за этим столом он был самым старшим, если не считать еще одного человека – адмирала Виккорста, который доедал в скорбном одиночестве большую семгу.

– Вы не должны уезжать, это абсурд – покидать отече-

ство, — горячо толковал Чаплин. — От чего вы едете? От большевиков?

— Причина веская, Георгий Ермолаевич.

— Но, княгиня, это неразумно: большевики доживают здесь последние дни...

— Часы, а не дни, — осторожно подсказали сбоку. — Оставайтесь с нами. А вскоре мы обещаем отправить вас в Москву, где тоже не будет большевиков...

Розовые от вина губы Вадбольской были сложены в улыбке.

— Боже, — прошептала она, — какие соблазнительные истории вы мне рассказываете... Верить ли?

— Верьте, верьте. Вам совсем незачем рисковать таким дальним путешествием. Мы, офицеры флотилии, хорошо знаем: море наполнено минами, наши тральщики ловят их, как галушки из супа, и не могут вычерпать, германские субмарины топят суда жестоко... К чему проделывать такое опасное путешествие, чтобы потом опять вернуться?

В этот момент с той стороны, где бедная семга доживала свои последние минуты, послышался резкий, как звонок, голос адмирала Виккорста («красного адмирала»):

— Мистер Томсон, вы разве не слышите? Я вас прошу...

— Извините, княгиня... — спохватился кавторанг.

— Сядьте, — сказал Чаплину седовласый линейный адмирал. — А вы, Чаплин, разве так уж хорошо знаете эту женщину, чтобы мило болтать с ней обо всем, что вам удалось

узнать от офицеров моего Беломорского штаба?

Тут кавторанг посадил на место адмирала.

– Простите, ваше превосходительство, – с легкой издевкой произнес Чаплин, – но даже шнуркам от моих ботинок известно гораздо больше, нежели вашему штабу. Что же касается этой женщины, то... Представьте себе, адмирал, – знаю! Не могу вспомнить откуда, но – да, да! Удивительно что-то знакомое в ее облике. Еще с юности...

– Надеюсь, – примирительно заметил Виккорст, – вы еще не сказали княгине Вадбольской, что скоро здесь, на Двине, будет полно британских кораблей?

– Дали понять ей... чтобы не уезжала. Чего скрывать?

– Откровение необходимо в меру, Георгий Ермолаевич. Мы проникли очень глубоко. Но агентов ВЧК все же надо остерегаться... даже здесь, «У Лавалья»! Мне очень жаль эту красивую княгиню, но пусть она сама проснется завтра в новом мире. Без большевиков! Извините, и можете вернуться...

Провожая княгиню Вадбольскую по тихой улочке Немецкой слободы, Чаплин-Томсон сказал ей на прощание:

– Глафира Петровна, завтра Россия возродится... отсюда, из Архангельска. Видите на рейде огонек? Это яхта «Эмба», и бежит по антенне искорка радиопередачи. Я могу вам сказать заранее, что сейчас принимают радисты в Мурманске.

– Вы меня совсем заинтриговали. Я так полна впечатлений...

– В Мурманске сейчас принимают и расшифровывают сигнал, который станет историческим: «Все готово, приходите немедленно».

Глава девятая

– Все готово, – сказал Суинтон, сбрасывая наушники. – Архангельск настаивает, чтобы эскадра выходила немедленно.

Уилки куснул себя за палец – мечтательно.

– Хорошо, – поднялся он. – Я пошел...

Он заперся в своей тесной комнате, налил в стакан виски. Перед ним – станция телефонных подключений. Прихлебывая виски, он соединился с телеграфной службой.

– Барышня! Кто это? Лизанька... Здравствуй, моя сладкая девочка. Ну-ка воткни меня в Кандалакшу... Да, из консульства!

Он пил виски и, глядя в потолок, ожидал соединения.

– Тикстон? Здорово, старый бродяга! Когда прибыл дипломатический корпус из Архангельска?

– Он уже на подходе, – сообщил Тикстон.

– Значит, в полной безопасности?

– Да. В полной.

– Будь здоров, Тикстон... Лизанька, солнышко мое, отключи, я разговор закончил...

Просунул ноги в матросские боты, надел высокую мехо-

вую шапку.

Кэмпен встретил его посреди адмиральского салона, – над головой адмирала качалась клетка с черным мадагаскарским попугаем.

– Архангельск? – спросил он сразу.

– И Кандалакша, – ответил ему Уилки. – Наши миссии в безопасности?

– Да, можно начинать...

...Генерал Пуль поднялся при появлении Кэмпена:

– Итак, адмирал, что-нибудь с «Эгбы»?

– Да. Нас ждут...

Пуль прошел в соседнюю с салоном каюту, где проживал под большим секретом один из лордов Британского адмиралтейства. Загнув страницу на недочитанном романе, он испытующе посмотрел на входившего Пуля.

– Что? – спросил лорд, не выдержав молчания генерала.

– Боевой курс, – кратко ответил Пуль. – Мы идем...

– Сколько единиц?

– Семнадцать вымпелов, сэр.

– Людей?

– Много не надо, сэр. Там уже все готово к нашему проходу. Архангельск будет взят голыми руками...

– И вот, понимаешь, – говорил Юрьев, кладя голову на

грудь Зиночке Каратыгиной, – чувствую с первого же удара, что мне до гонга не дотянуть... Бэкс, бэкс! Меня этот негр бьет...

– Ой, как страшно! – сказала Зиночка.

– Тогда я бью. Бэкс, – хукк справа... Раз! Не берет. Негр меня слева – апперкот. Но я устоял. И вот беру его на свинг.

– Мне все так интересно с вами... – сказала Зиночка, изображая волнение. – Но что скажет муж? Наверняка он меня уже ищет...

– И не найдет! – говорил Юрьев, заваливая Зиночку на свою неряшливую постель. – Ты это брось... Знаю я вас, дамочек...

Зиночка успела только сказать: «Ах!» – и тут в дверь громко забухали кулаками.

– О черт... – выругался Юрьев.

– Это он! – заметалась Зиночка по комнате. – Боже, защитите меня. Я зашла к вам по делу. Ради бога, придумайте поскорее – зачем я к вам заходила?

– Сейчас... бэкс! – сказал Юрьев, распахивая двери.

– Ой... – испугалась Зиночка.

Старый Брамсон, не переступив порога, снял котелок:

– Добрый вечер, госпожа Каратыгина. Как вы хорошо выглядите сегодня. Так хорошо, что можно позавидовать вашему мужу...

Потом посмотрел на Юрьева с ненавистью и сквозь зубы, укрепленные пломбами, просвистел:

– Ссссразу же... ссссоро... без нассс не обойдутся!

Зиночку оставили с ключом от комнаты Юрьева, чтобы сама закрыла за собой двери и убиралась к своему скучному мужу. Начинались дела мужские – дела чести; Брамсон всю дорогу негодовал.

– Это, наконец, свинство, – говорил он. – У нас с вами такой богатый опыт по борьбе с большевизмом, и – что же? На эскадру берут лейтенанта Басалаго, а нас оставляют в Мурманске. Но я и моя Матильда Ивановна давно мечтаем перебраться в Архангельск, поближе к фруктам... Сколько же можно есть ананасы в жестянках?

– Пошли, пошли, юрист, – волновался Юрьев. – Мы, слава богу, не последние парни на деревне. Без нас не обойдутся!

В консульстве их встретил сияющий Ванька Кладов.

– И я, – сказал. – Меня тоже берут.

– Тебя-то куда... поет?

– Представитель прессы при генерале Звегинцеве.

Брамсон даже побледнел от зависти:

– Видите? Даже старая кавалерия в ход вошла...

– Консул занят, – задержали их в приемной.

– Уилки? – спросил Юрьев.

– Он занят тоже.

– Подождем, – сказал Брамсон, плотно усаживаясь.

Уилки все-таки принял бедных просителей.

Выслушал.

– Мы же так много сделали для вас! – говорил Брамсон.

– Я не считаю себя вправе не ехать, – убеждал Юрьев. – Я не могу быть спокоен за все, что произойдет в Архангельске.

– Вы его займете, этот Архангельск, – горячо ратовал юрист. – Но разве сможете вы без нас управлять им? Без нашего богатого опыта управления целым краем?

– Вы уже знаете нас, – добавил Юрьев. – И то, что в Мурманске было сделано нами почти безболезненно, в Архангельске может обернуться для вас боком. Кто вас поймет так хорошо, как понимали мы вас в Мурманске?..

Уилки весь вечер пил виски. Пил и сейчас.

– Вы все сказали? – спросил он, когда просители замолкли.

– Примерно все...

– Теперь буду говорить я, – произнес Уилки. – На что вы претендуете, господа? Здесь вы мелкие царьки на Мурмане, теперь вам хочется побыть царями в Архангельске? Так вот, доложу я вам, милейшие: правительство уже составлено... Без вас!

Он выждал минуту, дав им возможность оправиться.

– Да, – заговорил снова, – что было пригодно для мурманской автономии, то совсем неудобно для Северного правительства, которому суждено управлять громадной территорией от Печенги до Ярославля, включая Петрозаводск и Вологду... Вы растерялись от таких масштабов? – спросил Уилки, мило улыбаясь (он умел быть милым парнем). – Ничего, – утешил их лейтенант, – это пройдет... Нужны прави-

тели демократические, не запачкавшие себя позорным клеймом соглашательства с большевиками. И по одной этой статье вы... Простите, но вы не подходите.

Юрьев был оскорблен.

– Мы же порвали отношения с Москвою... чего еще надо?

– Поздно порвали, – ответил Уилки. – А в Архангельске в состав правительства войдут настоящие бойцы – такие, как Лихач, Маслов, Иванов, Дедусенко, Гуковский... А кто ты такой, Юрьев? – спросил Уилки. – Что ты сделал? Написал две-три статейки в никому не известной газете Троцкого, которая и выходила-то не в России, а в Америке... Будем считать, что тебе в Мурманске просто повезло, Юрьев!

Брамсон был явно подавлен чужим величием и собственным ничтожеством. Он спросил (очень робко спросил):

– А кто же решится возглавить Северное правительство?

– Чайковский, Николай Васильевич, член оборонческого ЦИКа. Товарищ – не чета вам, старый народник, выпестовавший целую плеяду народовольцев, друг князя Кропоткина.

Юрьев за минуту успел все взвесить.

– Но мы-то здесь остаемся! – сказал он, и ему вдруг стало легко: черт с ним, с этим Архангельском, – видать, каждый сверчок должен знать свой шесток.

Уилки аккуратно поставил стакан на поднос.

– А почему вы должны оставаться здесь? – удивился он. – Мурманск теперь будет подчинен Архангельскому правительству. Вам, Юрьев, на Мурмане делать больше нечего.

Найдите применение своим способностям в другом месте.

Вощенный пол английского консульства заходил под ногами.

– Предательство! – выпалил Юрьев. – Я же поставлен Лениным, самим Лениным, вне закона: меня убьют, как собаку последнюю...

Уилки уже что-то быстро строчил в блокноте. Вырвал листок, протянул его удельным мурманским князьям.

– С этой бумажкой, – сказал он любезно, – пройдете на авиаматку «Нанинэ», где вам дадут каюту. Вы можете посетить Архангельск в качестве гостей. Но британское консульство слишком погружено в свои дела и снимает с себя всякую ответственность за вашу жизнь, Юрьев. За вашу тоже, господин Брамсон!

– Возьмем? – неуверенно спросил Брамсон, растерянный.

– Возьмем, – согласился Юрьев, и они взяли эту записку.

...На все лады, приникнув к раструбам радиотелефонов, переговаривались над рейдом «клоподавы» его величества:

– Волнение – пять баллов, ветер – норд-тень-ост. Походный ордер – клин, эсминцам лежать на зигзаге номер четырнадцать, готовность к бою – первая, германские субмарины замечены только у Канина Носа, в Горле Белого моря – тральщики работают со вчерашнего дня... Мины замечены на подсечке!

Стылая вода размыкалась перед форштевнями, и кормы кораблей, бросаемые волнением, будоражили глубину, за-

ставляя ее фосфориться самыми чудесными красками – как в тропиках...

Баренцево море – очень красивое море, только его трудно полюбить: для начала оно из тебя десять душ вымотает!

Служба на тральщиках, как известно, каторжная. Коробки маленькие, их валяет справа налево, кидает вверх и вниз, борщ летит из миски куда-то в потолок, кислая капуста потом сочными лохмами падает тебе на голову, ты все время мокрый, спать можешь привязавшись. Но этого мало: тральщики ходят там, где другие стараются не ходить, – по минам! От этого ко всем неудобствам жизни надо прибавить и постоянное ожидание смерти. Здесь смерть – в одной ослепительной вспышке – может прийти внезапно, если борт тральщика сломает мягкий свинцовый колпак мины. Тогда – на глубине – брызнет из пробирок электролит, замкнет гальван-ные контакты, и... Постой, читатель, не пугайся! Человек ко всему привыкает. Так как ждать смерти ежесекундно человеку несвойственно, но на тральщиках к смерти никогда не готовятся. «Плевать нам на все!» – говорят.

...Это случилось в Горле Белого моря, где придонные тралы рвались не об острия грунта, – нет, тралы, нащупывая минрепы, рвались об мачты затонувших кораблей. Все было спокойно в этот день, толкучка волн (поморская сувоя) не

качала, а швыряла две коробки под флагами молодого советского флота. Флота слишком молодого, чтобы можно было успеть навести на нем порядок...

– Вижу дым, – доложил сигнальщик с мостика в рубку.

В рубке предсудкома хлестал ром с минером.

– Чего видишь? – спросил он, на полную мощь закусывая.

Из переговорной трубы – репетиция сигнала:

– Дым со стороны океана!

– Перестань курить на мостике, и дыма не будет, – захотел в трубу предсудкома.

– Я не курю, – ответил сигнальщик. – А дым большой...

– Хрен с ним! – сказал минер. – В море без дыма не бывает. Поехали дальше, пред! Наклоняй ее, стерву, бережно...

На мостике так качало, что сопитухи, словно няньки, бережно держали бутылку: один за доньшко, другой за горлышко, – не дай бог уронить, тогда выпивка сорвется.

– Был случай, – сказал минер, выпив. – Еще в Кронштадте. Поступил к нам в команду вологодский...

– Вологодский?

– Ага.

– Я тоже вологодский.

– Нет, это не ты поступил... И такой здоровый бычок был – щелчком пальцев сворачивал у мины взрывной колпак. Так сворачивал, будто на нее корабль напоролся. Ну и потеха! Какшибанет – так свинец мнется. Мины, конечно, были учебные. Но вот однажды пришли на минный форт для за-

нятий, туды-т их... Он возьми да и шибани одну пальцем. Для потехи!..

– Семнадцать вымпелов! – медноголосо пропела труба, и в этот же момент колпак штурманского бра над картой, брызнув осколками, разлетелся к чертовой матери.

– Эх, не дали допить... – пожалел минер.

Предсудкома всунул ему в руки бутылку.

– Береги! – крикнул, выскакивая. – Потом дососем...

На палубе возле орудия стоял потрясенный комендор и показывал туда, где раньше была пушка. Теперь остался один станок; еще торчали, словно рогульки, острые цапфы с прицелом, а самой пушки как не бывало: сорвало и забросило в море. Когда англичане спустили на тральщиках флаги, минер с аппетитом вылакал ром, швырнул бутылку за борт и сказал:

– Эй, великая пиратская держава! Кто у вас тут главный корсар? Я хочу с ним перемигнуться в отдельной каюте...

Его доставили в салон адмирала Кэмпена, и минер вдруг преобразился. На хорошем английском языке он сказал, что все эти годы вынужден был таиться, опростившись под матроса; на самом же деле он офицер бывшего царского флота.

– К сожалению, – сказал он, – в Архангельск, сэр, вам не пройти. Фарватер для прохода эскадры имеется лишь один. Но он простреливается батареями с острова Мудьюг. А на фарватере будет затоплен, в случае вашего приближения, военный ледокол. И этот задержит вашу эскадру, сэр, по край-

ней мере на целую неделю, пока вы не освободите фарватер и не сровняете батареи с землей...

– Скажите, – спросил Кэмпен, – вы сейчас не ждали нас?

– Нет, и ваши выстрелы были для нас неожиданными.

– А в Архангельске нас ждут, – заключил Кэмпен. – И батареи острова Мудьюг не сделают ни единого выстрела. Что касается военного ледокола, то...

...Ледокол дал прощальный гудок – больше он никогда не увидит зелени русского берега, не пробьет льдов (серых – речных, голубых – океанских): его ждет смерть под водой. Добровольная гибель!.. Плыли мимо зеленой набережной, где циркачи из раскинутого шапито купали медведей; ревел гудок над мастерскими Соломбалы – рабочие-портовики отвечали кораблю на возгласы прощальной сирены.

Комиссар ледокола (из матросов-большевиков), сняв фуражку, время от времени тянул на себя шнур, и сирена брызгала на него горячим паром. Пасущиеся у воды коровы, слышав рев громадного железного быка, плывущего на них по воде, испуганно шарахались в стороны родимых деревень, задрав хвосты столбиками.

Раскинулся впереди широкий плес моря: слева по борту мерцала искорка Никольского монастыря, справа – плоским блином, продутым ветрами, – вытянулся остров Мудьюг. Где-то вдали, в мареве утреннего моря, косо прочертил след неизвестный аэроплан.

– Штурман, – сказал комиссар, оставив сирену, – можно

давать счисление места. Команде – еще раз обойти отсеки и проститься с кораблем, после чего машинные – к кингстонам, а прочие – наверх к прощальному построению...

В штурманской рубке – сияние и перещелк точных приборов. Из длинных ящиков плоско летят карты: одна, другая... Принадлежности несложны: карандаш, циркуль, параллельная линейка; особо сдвоенная – она скользит по вощенной карте на шарнирах. Штурман – голова, математик, астроном. Самая древняя профессия в мире! Губы его беззвучно нашептывают цифры.

Циркуль бежит по карте быстрыми шажками, словно маленький человечек на ходулях.

– На мостике! – говорит штурман через трубу. – Поворот на шестнадцать градусов вправо, три кабельтова – точка!

На карте его, в скрещении пеленгов, стоит эта «точка», проставленная карандашом. Именно здесь, в этой «точке», ледокол закончит свои счеты с этой неуютной жизнью в морской сырости, в объятиях льдов. Корпус его массивен, отсеки просторны и примут немало воды, – интервентам предстоит как следует повозиться, пока они освободят фарватер. Новый же фарватер так скоро не пророешь, – для этого нужны годы и годы...

– Команде – в шлюпки, кингстоны открыть... именем революции!

Нет, все было очень спокойно в море. Кричали в синеве неба чайки, задувал легкий ветерок; шлюпки с командой уже

отошли далеко, когда трюмный машинист, спокойно вытирая руки ветошью, очень спокойно доложил комиссару:

– Приказ исполнен: кингстоны отдраены!

– Хорошо, – ответил комиссар и велел трюмным тоже отгребать на шлюпке. Теперь у кормы остался только «тузик» с двумя веслами, чтобы подобрать оставшихся на ледоколе – комиссара, рулевого и штурмана: они уйдут последними...

Ледокол сидел на воде ровно и тяжело, а где-то внизу, по узким придонным отсекам, уже гремела, беснуясь, вспененная вода.

Стрелка кренометра показывала пока «ноль».

– Штурман, – сказал комиссар, – теперь и закурить напоследки можно. Прямо на мостике, дисциплина ныне не пострадает...

Они закурили и, облокотясь на поручни, смотрели на темную воду: в глубине острыми мечами рубили мрак громадные рыбыны.

– Семга, – сказал рулевой, тоже подходя к срезу мостика. – Ее здесь прорва. Поморы сразу как поймают, так пузо ножом вспорют, посолят со спины и – давай шамать... Сырую!

– Нет, это треска гуляет, – задумчиво отозвался штурман.

Он бросил окурок за борт, и ветром его отнесло за корму.

– Вот, – сказал, – кажется, поехали к едреней фене!

Комиссар глянул на кренометр: пять градусов на правый борт ледокол уже дал. Еще минута, и крен стал ощутим на мостике: ноги шагали, как по горушке. Где-то вода уже вры-

валась в машину.

– Ватерлиния под водой, – глянул рулевой за борт. – Уже ее не видать. Пора смываться, как бы нас винтом не засосало...

– Штурман, – велел комиссар, – ты карты там, хозяйство свое научное перекинь в тузик, чтобы потом с ним не возжаться.

– Сейчас, – отозвался штурман и ушел к себе в рубку.

Рулевой вдруг вытянулся... Бросился к компасу, откинул на пеленгаторе светофильтры, чтобы его не слепило солнце. Взял первый пеленг на искорку далекого монастыря...

– Ошибка! – заорал он как ошпаренный, тараща глаза. – Счисление неверно... Мы в стороне от фарватера тонем! Тонем!

Штурман держал под локтем сверток карт, в другой руке деревянный чемоданчик с секстантом. Нервы его не выдержали, он бросил ящик и карты, головой плюхнулся с мостика прямо в море. Пока он плыл на глубине, комиссар успел зарядить наган.

Вот вынырнула голова и, встряхнувшись, отбросила на затылок длинные мокрые волосы...

– Белая тварь... на! на! на!

Наган точно стучал в руке. Фонтанчики пены выпрыгивали из воды то возле правого, то возле левого уха предателя. Отбросив наган, комиссар крикнул рулевому:

– Ванька! Дуй в туза... а я... Сейчас!

И по трапу – вниз: тра-та-та... тра-та-та...

«Остановить, задраить обратно, спасти...»

В командном коридоре с ревом неслась вода. Преодолев встречный поток, комиссар добрался до машинных отсеков. Он знал, что там – под сводами – должна быть воздушная подушка из спертого воздуха, сжатого страшным напором воды. Мутная зелень сквозила в шахте, по которой он нырнул на затопленную глубину.

Водоворот вышвырнул его как пробку, ударив об угол горячего котла. Вот она – подушка! Комиссар нырнул в нее головой, хватил воздуха, и уши сразу лопнули, пошли кровавыми пузырями: давление пробило барабанные перепонки. Он оглох и больше не слышал самого страшного шума для моряка – шума воды...

И он, этот герой, сумел добраться до штурвала кингстонов. Он сумел даже провернуть штурвал несколько раз. Он сдвинул заслонки, сколько мог. Но надо спешить наверх, чтобы снова глотнуть воздуха из подушки. От его ушей розовыми слоями плыла, медленно и тягуче, кровь...

И вдруг... Вдруг ледакол мягко вздрогнул! Корабль коснулся дна, а он остался здесь, запертый навсегда. Дыши, пока можется. Дыши, пока твое дыхание не отравит запас подушки.

– Предатель, – сказал комиссар и пошел прямо вниз, вниз...

Там, присев на корточки, он вцепился в манипулятор ско-

ростей и, раскрыв глаза во мраке, стал жадно заглатывать в себя соленую воду. Чтобы не мучиться! Чтобы не сойти с ума!..

А наверху все так же спокойно светило солнце, кричали в небе чайки, когда штурман, весь опутанный водорослями, доплыл до косы острова Мудьюг. Оглянулся – за ним сверкало чистое море. Он лежал на горячем песке, а грязные сизые водоросли тянулись за ним по песку – отвратительные...

Отдышавшись, штурман встал. Его качало на земле, и в ушах еще стоял неумолчный звон воды. Сплюнув горечь, не спеша побрел вдоль тропинки. Где-то далеко, на желтых буграх, росли сосны. Мудьюг отделяло от матерой земли Сухое море: пролив, через который в мелководье, говорят, даже ходили коровы.

Скоро среди песчаных увалов показались крыши барачков. Штурман шагал, опустив голову, пока не напоролся на ряды колючей проволоки. Это была тюрьма, заготовленная впрок – на будущее. Пустые вышки для пулеметов просвистаны ветром с моря. Теперь штурман знал, что делать дальше. Обошел проволоку, толкнул незапертую дверь тюремной конторы. Здесь все было начеку, и полевой зуммер приветно прожужжал, когда штурман крутанул ручку.

– У аппарата адмирал Виккорст, – ответил далекий голос.

– Это я... – сказал штурман. – Ваше превосходительство, приказ исполнен: ледокол затоплен мною в стороне от фарватера.

– Отлично, – прожужжал зуммер. – На батареях пока спокойно? – спросил «красный адмирал» из Архангельска.

– Вроде бы – тихо.

– Я подожду у аппарата, а вы поднимитесь на вышку...

Штурман вернулся с вышки, откуда он высмотрел устремленные в море орудийные стволы и блеск голых тел артиллеристов.

– Ваше превосходительство, на батареях будничные порядки.

– Что они там делают? Не заметили?

– Загорают, ваше превосходительство.

– Хорошо, – сказал Виккорст, – отлив начнется через сорок восемь минут, Сухое море можно тогда переходить. Где вброд, где вплавь – доберетесь. Надеюсь, штурман, завтра увижу вас в Архангельске... Уже в нашем Архангельске!

Глава десятая

– Какой самый страшный зверь на севере? – спросил Павлухин.

Женька Вальронд подумал:

– Медведь, наверное...

– Врешь – комар! – И Павлухин хлопнул себя по лбу. – Даже на солнце кровососит, а вечером – хоть беги...

Они лежали, обнаженные, на раскаленном песке, подставив солнцу белые спины, и море ласково подкатывало к ним

вихристые гребни, от которых прохладило. Хорошо им было, очень хорошо! Далеко-далеко, лоснясь жирной шкурой, очень похожий на всплывшую гремучую мину, проплыл тюлень... «Недохлый ли? – подумалось тогда каждому. – Нет, живой...»

– Север, конечно, прекрасен, – лениво говорил Вальронд, разнежась на ветерке. – Вот, знаешь, комиссар, закончится эта гражданская заваруха, и... Есть у меня мечта. Вполне осуществимая, кажется.

– Какая же, мичман? – спросил Павлухин, потянувшись к своим штанам за папиросами.

– Здесь флоту не миновать быть. Вот посмотрел я Мурман, и он меня потряс. Представляешь, весь этот хаос камней, воды, неба? Все так угрюмо, мрачно – словно циклопы нашвыряли скал куда попало. И ушли прочь, лентяи, так и не закончив своей работы... Хотелось бы здесь, на севере, послужить. Честно скажу: подальше от высокого начальства.

– Послужишь, мичман. Сам будешь начальством. Ты – спец, тебе дело всегда найдется. А я вот в оптику подамся. Был у меня старик один в Питере, мы с ним по субботам в баню ходили и шкалики потом распивали. Так вот, он мастер по линзам... Тонкое, скажу тебе, дело! Дураку ведь как – чечевица, и всё. А сколько труда в каждой линзе, а сколько высмотреть через нее можно – и хорошего, и всякой дряни, что по нам иногда ползает.

– В нашем деле, – согласился Вальронд, – хорошая оптика

– первое дело. Цель, точность наводки – вот главное!

– Не только, – ответил Павлухин. – Ученый микроба берет и под чечевицу кладет. Астроном тоже на звезды – через цейсса!

– Своего-то цейсса у нас пока нет, – причмокнул Вальронд. – Все у немцев покупали. А свое стекло с пузырьком варили... Такое не годится...

Издаലെка, от самых батарей, взбивая босыми пятками рыхлую пыль, бежал боец.

– Видим дым!.. – кричал он еще издали.

– Сколько? – вскинулся Павлухин.

– Не разобрать. Под ветром дым слоится, как пирог...

Вальронд уже натягивал черные широкие штаны. Павлухин просунул тело в тельняшку, мичман накинуд на голые плечи легкий офицерский кителек. С этого момента они иначе смотрели на море, на чаек, на тюленя... Все это, волшебное и чарующее, останется в этом мире навсегда – нерушимо.

Но их (вот их-то как раз) может и не остаться...

– Ну, пошли, комиссар? – спросил Вальронд и подхватил с песка свою мятую фуражку. – Ничего не забыли?

Они шли на батареи даже не торопясь.

Молча. Вальронд прыгнул в окопчик, завращал штурвал корабельного дальномера с эсминца, заброшенный теперь для служения на берегу. В пересечении нитей скользила зеленеватая рябь, плоской нитью был отбит, как по шнуру, от-

четливый горизонт.

– ...восемь... девять... одиннадцать, – считал Вальронд, – четырнадцать... Всего семнадцать вымпелов! Это – они.

И толкнул дверь командного блиндажа:

– Офицеров просят... – и осекся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.